ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

3

8232

Пров. 50

стр.

293. Письмо **Ломоносова** къ **И. И. Шувалову**. Сообщено **А. А. Милорадовичъ**.

295. **Н. О. Кутлубицкой**. Сообщено **И. Бронскимъ**.

327. Къ 75-тилѣтію Ялты. Воспоминанія К. К. Эшлиманъ. Сообщено **В. Кашкаровымъ**.

360. Письма **фельдмаршала князя Витгенштейна** за 1813 г.

375. Замѣтка. Русскіе въ Парижѣ въ 1814 году. **С. В. Фарфоровскаго**.

377. **А. И. Добрянскій-Сачуровъ**. Статья **Ѳ. Ѳ. Аристова**.

412. Переписка **Кристина** съ княжной **Туркестановой**.

Библиотека

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

„Старина и новизна“. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго Историческаго просвѣщенія въ память **Императора Александра III.** Книга шестнадцатая. С. Петербургъ 1913 г. Приложенъ портретъ графа А. А. Голенищева-Кутузова и указатель именъ личныхъ и названій географическихъ.

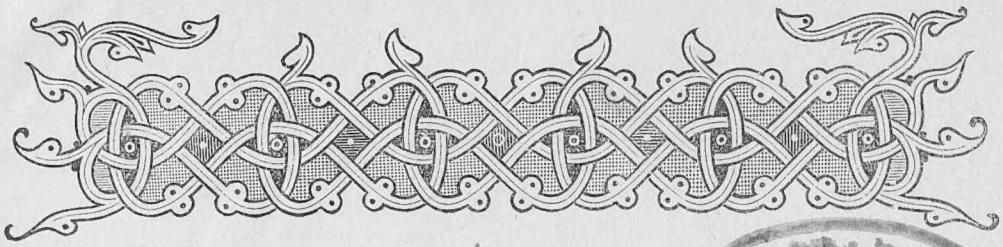
Названный сборникъ заключаетъ въ себѣ обиліе весьма цѣнныхъ и въ высшей степени любопытныхъ матеріаловъ. Записки о вступленіи на Новгородскую митрополію митрополитовъ Іоакима и Евѳимія сообщаютъ любопытныя подробности: привѣтствіе митрополиту, сказанное виршами ребенкомъ („малое отроча“) въ церкви Знаменія Пресвятой Богородицы и встрѣча владыки въ Ситецкомъ монастырѣ дѣтьми Новгородскаго воеводы, боярина Петра Васильевича Шереметева, Ѳедоромъ, Иваномъ, и Владиміромъ Петровичами. Обстоятельство это, отмѣченное впервые, немаловажно: искони живущіе въ духовномъ единеніи съ народомъ и вѣрности его бытовымъ устоямъ, Шереметевы не могли отсутствовать при встрѣчѣ новаго владыки. Они всегда принимали участіе дѣятельное въ жизни государственной, что дало поводъ одному ученому сказать, что исторія рода Шереметевыхъ это исторія Россіи. Крайне любопытны воспоминанія князя Виктора Илларіоновича Васильчикова со словъ отца его. Тамъ, между прочимъ, находится объясненіе, почему Наполеонъ не двинулъ подъ Бородинымъ гвардіи, находившейся въ резервѣ. Приводимъ дословно разсказъ маршала Мезонъ кн. Васильчикову:

«C' est un pur hasard qui a fait la chose. Je ne commandais rien ce jour là et me trouvais dans la suite de l' Empereur, lorsque Napoleon qui etait assis sur un tronc d' arbre sur la hauteur derrière notre centre, me fit appeler et me donna l' ordre de faire déployer la garde qui encore était en réserve et intacte. Je courru transmettre l' ordre de l' Empereur et c' est alors que vous avez pus voir la garde se former.

Bientot après Napoleon me rappela et me faisant voir par sa longe vue une forte colonne, qui etait à peine visible derrière vos lignes, me dit: c' est inutile d' engager la garde, voyez les rezerves qu' ils ont encore la bas: faites retirer les grenadiers. Plus tard nous avons appris ce que c' était cette colonne: votre milice de Moscou armée de pieux ef de faux; la distance avait empéchée l' Empereuur de distinguer le genre de réserve, que vous aviez, et c' est ce qui vous a sauvé comme vous l' avouez vous même, mon general.»

Письма къ Васильчикову императора Александра и Николая Павловича полны самыхъ интересныхъ подробностей, показывающихъ, какое довѣріе и уваженіе питали оба Государя къ князю Илларіону Васильевичу.

Самъ кн. Викторъ Александровичъ оправдалъ девизъ своего отца:



8232

ПИСЬМО ЛОМОНОСОВА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичъ.

Переписанную рѣчь мою къ Вашему Превосходительству переслать принимаю смѣлость, еще васъ, Милостиваго Гдря прошу, чтобы о произнесеніи оной къ 25-му Ноября постараться, ибо мнѣ даютъ навѣтки, что ее въ Комментаріи напечатать; однако я тѣмъ отнюдь не могу быть доволенъ и за прямой отказъ почесть долженъ. Она такимъ образомъ сочинена, чтобы говорить въ собраніи, и послѣ особливаго случая. Въ другихъ обстоятельствахъ долженъ я буду много перемѣнить и выкинуть, что мнѣ много труда станетъ. Сверхъ того съ Комментаріями выйдетъ она весьма поздо (sic). При семъ ваше Превосходительство всепокорнѣйше прошу не забыть вашего мдтиваго обѣщанія, что бы меня доставить вторымъ томомъ Татищева: затѣмъ что онъ въ первомъ много на второй ссылается, ожидая милостиваго въ семъ не оставленіи съ усердіемъ высокопочитанія завсегда пребываю

вашего Превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санкт-петербурга

Октября 7 дня

1753 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякій интересующійся личностью Императора Павла не можетъ одновременно не интересоваться ближайшей характеристикой его приближенныхъ.

Однимъ изъ таковыхъ былъ Николай Осиповичъ Кутлубицкой, сохранившій расположеніе Императора до послѣднихъ дней его царствованія.

Какова была его личность? Исчерпывается ли его содержаніе общимъ наименованіемъ „Гатчинца“, и въ какомъ соотвѣтствіи находится онъ съ обликомъ самого Императора? Судить о томъ трудно по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя вошли въ историческія монографіи о Павлѣ I-мъ. Не смотря на свою близость къ Императору, фигура Кутлубицкаго до сего времени пребываетъ въ тѣни, въ противоположность освѣщеннымъ en plein фигурамъ Палена, Аракчеева, Кутайсова и другихъ.

Въ прилагаемой біографической замѣткѣ мы пытались освѣтить его личность, насколько это оказалось возможнымъ по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ его семейнаго архива. Склонны думать, что покойный Николай Осиповичъ не проигралъ бы и при болѣе сильномъ освѣщеніи, но и при томъ, что есть, онъ уже напоминаетъ собой „Нелидову въ ботфортахъ“.

Симпатичныя черты его характера невольно привлекаютъ къ себѣ то расположеніе, которымъ пользовался Кутлубицкой и со стороны Императора Павла—человѣка ожесточеннаго жизнью, безпрестанно терявшаго самообладаніе, но чуткаго ко всему доброму.

И. Бронскій.

НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧЪ КУТЛУБИЦКОЙ[1])

(Генералъ-адъютантъ Императора Павла I-го)

Вскорѣ по восшествіи на престолъ Императоръ Павелъ спросилъ П. И. Мелессино его мнѣніе объ одномъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ.

Петръ Ивановичъ отвѣтилъ: онъ ума свѣтлаго права ретиваго, но сердца отмѣнно горячаго.

„Такихъ людей мнѣ, сударь, и надобно!“—сказалъ Государь, и по восшествіи на престолъ онъ вызвалъ этого офицера въ Петербургъ и произвелъ въ генералъ-майоры.

(Изъ исторіи Гвардейской артиллеріи).

Въ изданіи Вел. Кн. Николая Михайловича „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, составляющемъ единственную въ своемъ родѣ энциклопедію нѣсколькихъ царствованій, въ выпускѣ I-мъ тома IV подъ № 78-мъ помѣщенъ портретъ Н. О. Кутлубицкаго, снятый съ находящагося въ Гатчинскомъ Дворцѣ[2]).

---

[1]) Именно такъ: Кутлуб*ицкой*, а не—„*цкій*...“, писалъ о себѣ покойный Николай Осиповичъ. Такъ же онъ именуется „Господинъ генералъ-адъютантъ Кутлубицкой“ и въ именныхъ рескриптахъ Императора Павла, къ нему обращенныхъ. Межъ тѣмъ какъ отецъ Ник. Осип. росписывался: *Іосифъ Кутлубицкій.*

[2]) Тотъ же приложенъ, судя по его описанію, и къ „Исторіи Государевой Свиты“. Въ „Исторіи же Гвардейской артиллеріи“ помѣщенъ другой портретъ Кутлубицкаго въ артиллерійской формѣ, снятый съ фамильнаго миніатюра, гдѣ Ник. Осип. изображенъ въ 22-лѣтнемъ возрастѣ, еще на службѣ генералъ-адъютантомъ (en face).

Прилагаемъ здѣсь 3-ій портретъ Ник. Осип., какъ наиболѣе схожій, зарисованный, примѣрно, въ 1820 году.

Портретъ этотъ относится къ тому времени, когда Кутлубицкой былъ уже въ отставкѣ. Онъ изображенъ въ штатскомъ платьѣ съ Анненской звѣздой на груди. Возрастъ по портрету опредѣлить трудно, но Николай Осиповичъ выглядитъ на немъ весьма моложавымъ, красивымъ и оживленнымъ. Быть можетъ, художникъ нѣсколько ему и польстилъ, но этимъ не нарушилъ сходства съ оригиналомъ.

Къ портрету, какъ и ко всѣмъ другимъ, приложена краткая біографія на русскомъ и французскомъ языкахъ, но здѣсь сотрудники Издателя не особенно таки польстили Кутлубицкому: мѣстами у нихъ не хватило красокъ, мѣстами онѣ такъ сгущены, что повидимому уже нарушается самое сходство съ оригиналомъ. Явленіе это вполнѣ понятно ввиду множества представляемыхъ изданіемъ разнородныхъ біографій различныхъ царствованій, при чемъ свѣдѣній для біографіи Кутлубицкаго, въ общемъ лица второстепеннаго, въ печати имѣется очень немного, на что между прочимъ указалъ П. М. Майковъ въ „Русской Старинѣ“ 1898 г. Въ виду малой доступности изданія „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, приводимъ данную тамъ біографію Кутлубицкаго цѣликомъ, чтобы указать на допущенныя въ ней неточности и пополнить ея пробѣлы.

„Н. О. Кутлубицкой (1775—1849) былъ *сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника*[1]), служившаго при фельдмаршалѣ графѣ П. А. Румянцевѣ-Задунайскомъ, а позднѣе жившаго въ своемъ маленькомъ хуторѣ въ Прилуцкомъ уѣздѣ.

Кутлубицкой воспитывался въ артиллерійскомъ корпусѣ, откуда вмѣстѣ съ Капцевичемъ поступилъ на службу къ Гатчинскія войска Цесаревича Павла Петровича первымъ офицеромъ во вновь формируемую для него артиллерійскую батарею, которой командовалъ Аракчеевъ.

Цесаревичъ скоро полюбилъ адъютанта своей артиллеріи, приблизилъ его къ себѣ и сталъ называть „Николкой“ [2]).

Зная, что Кутлубицкой былъ опредѣленъ въ корпусъ фельдмаршаломъ Румянцевымъ, Великій Князь *смотрѣлъ на Кутлубицкаго, какъ на живую связь, соединявшую его съ Задунайскимъ*, вѣрилъ въ его пре-

---

[1]) Курсивы наши, ввиду дальнѣйшихъ ихъ разъясненій.

[2]) Въ 1795 году Кутлубицкой былъ назначенъ *адъютантомъ къ Его Высочеству одинъ*, после это званіе при Наслѣдникѣ. (Свид., Собр. генер. Ратчемъ).

данность и усердіе и *однажды*[1]), пользуясь поѣздкой Кутлубицкаго на родину въ Малороссію, довѣрилъ ему тайное письмо къ Румянцеву.

Вѣрность Кутлубицкаго была щедро вознаграждена Павломъ Петровичемъ по восшествіи его на Престолъ: уже 7-го Ноября 1797 г. новый Императоръ пожаловалъ Кутлубицкаго въ чинѣ майора своимъ флигель-адъютантомъ, а 1 Января 1797 г. Павелъ назначилъ его, 22 лѣтъ отъ роду, генералъ-адъютантомъ.

5 Апрѣля въ день Коронованія онъ получилъ Анненскую ленту и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣніе въ Нижегородской губерніи[2]).

Для Императора Кутлубицкой оставался однако вѣчно „Николкой". *Развитію дѣятельности Кутлубицкаго помѣшали его недалекость и неумѣніе угождать причудливому праву Государя:* хотя въ началѣ 1797 года молодой генералъ-адъютантъ и назначенъ былъ инспектировать войска въ южной Россіи[3]).

Князь Лопухинъ считалъ Кутлубицкаго *человѣкомъ ума весьма ограниченнаго*... Но зато *всѣ современники* отдаютъ полную справедливость *нравственнымъ качествамъ Кутлубицкаго: его неподкупной честности и добротѣ. Онъ неоднократно смягчалъ гнѣвъ Императора*, который самъ говорилъ, что черезъ Кутлубицкаго никто не сдѣлался

---

[1]) Это „однажды", по словамъ Кутлубицкаго, случилось въ 1793 году, т. е., когда Императрица Екатерина передавала въ Особый Совѣтъ вопросъ о лишеніи Павла Петровича; въ составъ этого Совѣта входилъ и Румянцевъ-Задунайскій. Поэтому миссія Кутлубицкаго была для Павла Петровича чрезвычайной важности; но такъ какъ эта миссія болѣе не повторялась, то нѣтъ основанія утверждать, что на Кутлубицкаго смотрѣли лишь какъ на живую связь съ Задунайскимъ.

[2]) Имѣніе въ Нижегородской губерніи Кутлубицкой получилъ не въ коронацію, а раньше того—4-го Декабря 1786 года, будучи еще подполковникомъ. Генералъ-Адъютантомъ онъ былъ въ 21 годъ, ибо родился въ Декабрѣ 1775.

[3]) Войска графа Салтыкова, (Генералъ-Фельдмаршала) и полныхъ генераловъ Беклешова, Розенберга, Михельсона, Апраксина и Дунина, а также крѣпости южной Россіи Кутлубицкой инспектировалъ не въ началѣ 1797, а въ концѣ его, и продолжалъ въ началѣ 1798 г., по именному рескрипту Императора отъ 14 Ноября 1797 г., въ которомъ Павелъ пишетъ своему „Николкѣ":„ господинъ Генералъ-Адъютантъ Кутлубицкой! Съ полученіемъ сего отправьтесь..." и т. д., откуда явствуетъ, что Н. О. Кутлубицкой былъ для Императора во всѣхъ подлежащихъ случаяхъ:—*генералъ-адъютантомъ"—не болѣе того, но и не менѣе*... что не мѣшало Павлу именовать Кутлубицкаго уменьшеннымъ именемъ (отъ древняго *Николы*) въ болѣе интимной жизни, при чемъ и Кутлубицкой называлъ его *„батюшкой"*... О дальнѣйшемъ курсивѣ скажемъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе.

несчастнымъ[1]), для того суроваго времени *и это было великой заслугой.*

Въ 1798 году Кутлубицкой 23 лѣтъ[2]), былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а послѣ сооруженія новой Императорской резиденціи—Михайловскаго замка, назначенъ былъ его Комендантомъ[3]).

Но комендантъ этотъ былъ внезапно арестованъ *графомъ Паленомъ* вечеромъ 11 Марта за нѣсколько часовъ до кончины *Императора*[4]).

Въ началѣ царствованія Александра I-го Кутлубицкой состоялъ нѣкоторое время шефомъ Л. Гв. Артиллерійскаго баталіона, но въ 1802 году вышелъ въ отставку и всю остальную жизнь провелъ въ пожалованномъ ему Императоромъ Павломъ Нижегородскомъ имѣніи с. Петропавловскомъ[5]).

Кутлубицкой любилъ вспоминать прошлыя времена и все имъ пережитое въ короткое время, но богатое перемѣнами царствованіе Павла I. „Разсказы о временахъ Императора Павла“, записанные съ его словъ, были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 66 г. и даютъ вѣрную характеристику чреватаго событіями времени, когда ему суждено было играть такую видную роль[6]).

---

[1]) „Я черезъ Кутлубицкаго никого не сдѣлалъ несчастнымъ“, говорилъ Императоръ, что выходитъ нѣсколько рельефнѣе и ближе къ истинѣ; посему дальнѣйшую фразу правильнѣе было-бы редактировать: „для того суроваго времени *это и было великой заслугой*“, для чего слѣдуетъ немного продвинуть союзъ „И“.

[2]) 22 лѣтъ отъ роду.

[3]) Что довольно трудно совмѣстить съ вышеуказаннымъ утвержденіемъ о „неумѣніи его угодить Императору“!...

[4]) Здѣсь между *комендантомъ* и *Императоромъ* указанъ „графъ Паленъ“, будто частное лицо безъ должности. Не правильнѣе ли было бы записать, что *„этотъ комендантъ“* былъ арестованъ *генералъ-губернаторомъ*, который имѣлъ за собой особыя Высочайшія полномочія о подчиненіи ему не только коменданта Дворца, но и лицъ, выше его стоящихъ, на что имѣлись у него чистые бланкеты за подписью Императора. Безъ этой оговорки *„этотъ комендантъ“—(ce commendant)* звучитъ ироніей... и не совсѣмъ основательной!

[5]) Костянкѣ—тожъ (Арзамасскаго уѣзда).

[6]) Разсказы эти записаны, какъ уже извѣстно, другомъ Кутлубицкаго Александромъ Ивановичемъ Ханенкой, Черниговскимъ Предводителемъ Дворянства, старожиломъ Черниговской губерніи, умершимъ въ 1895 году. (Внукъ его Вас. Алекс. Ханенко нынѣ Стародубскій Предводитель Дворянъ).

Послѣдніе годы жизни Кутлубицкой, передавъ Петропавловское сыну [1]), провелъ вмѣстѣ съ назамужнею дочерью [2]) на хуторѣ своей сестры [3]) „Никольскомъ“, въ 6 верстахъ отъ города Городни, Черниговской губерніи. Здѣсь въ скромной обстановкѣ, окруженный заботами любимой семьи, добрый и радушный старикъ любилъ повторять свои разсказы, сидя въ своей маленькой комнатѣ, украшенной бюстомъ и портретомъ его благодѣтеля, профиль котораго украшалъ любимый его перстень, а на подаренной ему табакеркѣ съ портретомъ Павла онъ вырѣзалъ надпись „по Богѣ онъ единъ, имъ и существую“ [4]).

Здѣсь Н. О. Кутлубицкій и скончался 15-го Іюля 1849 г. Кто была его жена [5]), которую Императоръ называлъ „Колибри“ по причинѣ малаго роста; равно количество и имена его дѣтей—намъ неизвѣстно [6])“.

Эта краткая біографія Кутлубицкаго видимо составлена по Русскому Архиву 1866 г. и по 25-му приложенію къ сочиненію Шиль-

[1]) Николаю Николаевичу—полковнику лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка; въ концѣ 50-хъ годовъ Нижегородскій губернскій Предводитель Дворянства. (Подъ его предводительствомъ Нижегородское Дворянство сыграло исторически видную роль передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости).

[2]) Юлія Николаевна, вышла замужъ за полковника конной артиллеріи Станкевича; окончила жизнь самоубійствомъ въ 1858 году.

[3]) Варвары Осиповны, по мужу *Войцеховичъ*. [О родѣ Войцеховичъ см. Лазаревскаго„ *Сулимінскій фамильный архивъ*“ (Кіев. Старина 1882 г.). Эпоха Екатерины II и Павла I], владѣтелемъ котораго являлся Алексѣй Андреевичъ Войцеховичъ (помѣщикъ, с. Сулимовки Переяслав. уѣз. Полтавск. губ.). Сынъ Варвары Осиповны—Петръ Антоновичъ Войцеховичъ (кавалерійскій генералъ) въ 50-хъ годахъ командовалъ Псковскимъ Кирасирскимъ Ея Величества полкомъ. Братъ его Николай Антоновичъ служилъ въ межев. департаментѣ Сената (племянники Ник. Осип. Кутлубицкаго).

[4]) Это гладкая золотая табакерка работы Eberley; что касается портрета Павла, въ нее вдѣланнаго, (подареннаго Кутлубицкому Императоромъ 3 Февр. 1801 г.), то о немъ писалъ извѣстный коллекціонеръ Щукинъ, тщетно пытавшійся пріобрѣсти его въ свою коллекцію (См. Рус. Арх. Окт. 1912 г.); относительно же перстня извѣстно, что онъ былъ переданъ въ 1852 г. Императору Николаю Павловичу племянникомъ Кутлубицкаго—Войцеховичемъ, бывшимъ командиромъ Псковскаго (тогда лейбъ-кирасирскаго) полка. По однимъ свѣдѣніямъ профиль Павла, вырѣзанный въ перстнѣ на камнѣ, былъ, работы Мозжечкова (воспоминанія Ханенки), по другимъ Доброхотова (письмо Кутлубицкаго къ Императору Николаю Павловичу).

[5]) Дочь совѣтника Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, Евдокія Савельевна Ваксель (1777—1840).

[6]) 1) *Павелъ Николаевичъ* (1801—1842), крестникъ Александра I и вдовств. Императрицы Маріи Ѳеодоровны,—штабъ-ротмистръ Л. Гв. Конно-Егерскаго полка; 2) *Николай Николаевичъ* (1808—1874),—Дѣйств. Статск. Совѣтникъ, Нижегородск. губернск. Предводитель Дворянства; 3) *Анна Николаевна* (1803—1845), по мужу *Караулова;* 4) *Юлія Николаевна* (1805—1858), по мужу *Станкевичъ.*

дера „Императоръ Павелъ I-й“, изъ разсказовъ о старинѣ князя Павла Петровича Лопухина, записанныхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ съ его словъ въ 1869 г.

Въ естественномъ стремленіи сократить эти выдержки, въ краткой біографіи однако сдѣланы обобщенія, которыя представляются мѣстами произвольными и неточными, почему мы ихъ и означили курсивомъ, въ цѣляхъ дальнѣйшаго разъясненія.

Начнемъ съ происхожденія Кутлубицкаго, о которомъ сказано, что онъ былъ „*сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника*“. Этой справкой отцу Кутлубицкаго повидимому отказывается даже въ дворянствѣ, тѣмъ болѣе, что во времена Императора Павла дворяне могли служить лишь на военной службѣ или по иностранной коллегіи, на которыя въ біографіи ссылки не имѣется.

„Мелкій канцелярскій чиновникъ“ появился здѣсь изъ перефразировки записаннаго въ Русскомъ Архивѣ 66 года, гдѣ среди разсказовъ о Кутлубицкомъ и временахъ Императора Павла было сказано между прочимъ слѣдующее:

„Великому Князю Павлу Петровичу было извѣстно черезъ самого Кутлубицкаго, что отецъ его, жившій въ маленькомъ имѣніи своемъ (тамъ-то) служилъ въ канцеляріи Графа Румянцева, управлявшаго Малороссіей, и находился при немъ въ Турціи“.

Трудно изъ этой случайной фразы построить что-нибудь опредѣленное о происхожденіи Кутлубицкаго, но записать въ видѣ конспекта, что онъ былъ сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника, едва ли правильно.

Пока для дворянъ кромѣ разсказовъ о происхожденіи существуютъ и родословныя книги, приводимъ здѣсь точную выписку *изъ 6-й части* дворянской родословной Нижегородской губерніи, гдѣ Николай Осиповичъ владѣлъ пожалованными ему имѣніями, а сынъ его, Николай Николаевичъ, былъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства.

Въ 6 части родословной книги о Кутлубицкихъ записано такъ:

„Фамилія Кутлубицкихъ происходитъ отъ польскаго шляхетства. Потомки сего рода, Кутлубицкіе, находились въ Польшѣ *въ знатныхъ*

чинахъ и владѣли деревнями. Въ новѣйшія же времена происходящій отъ сего рода *Іосифъ Кутлубицкій*[1]) выѣхалъ изъ Польши, вступилъ въ вѣчное Россіи подданство, и за службу Россійскому Престолу какъ онъ, такъ и потомки сего рода жалованы чинами".

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе древняго герба Кутлубицкихъ[2]).

Изъ дальнѣйшаго видно, что отецъ Н. О. служилъ въ иностранной коллегіи и фамилію его можно найти въ старинныхъ спискахъ по посольствамъ въ Турціи[3]).

Совокупность этихъ справокъ даетъ основаніе вычеркнуть изъ біографіи Кутлубицкаго неправильное сообщеніе о мелкомъ канцелярскомъ чиновникѣ.

Отъ происхожденія прямо перейдемъ къ „*умственнымъ способностямъ*" покойнаго, оцѣнка которыхъ въ краткой біографіи поставлена также ниже обыкновеннаго уровня, благодаря рѣзкой аттестаціи Свѣтлѣйшаго Князя Лопухина, который, по словамъ біографіи „*считалъ Кутлубицкаго человѣкомъ ума весьма ограниченнаго*".

Оцѣнка умственныхъ способностей до сего времени остается вопросомъ весьма щекотливымъ, и рѣдко приходится читать столь безцеремонную аттестацію даже по отношенію умершихъ.

Отъ ограниченности ума конечно не убережетъ не только 6-я книга, но и высокій титулъ Свѣтлости, носимый Лопухинымъ, поэтому въ данномъ случаѣ дѣйствительную оцѣнку этой аттестаціи надо искать не тамъ, гдѣ рѣшался сейчасъ вопросъ о происхожденіи... Не лишнее впрочемъ оговориться, что если до сего времени въ печати обсуждается вопросъ объ умственныхъ способностяхъ самого Императора Павла, то довольно естественно поговорить о томъ же и по отношенію его приближенныхъ, по пословицѣ—„скажи съ кѣмъ ты знакомъ"... и т. д.

---

[1]) Отецъ Николая Осиповича Іосифъ Григорьевичъ статскій совѣтникъ, числящійся въ иностранной Коллегіи.

[2]) Гербъ Кутлубицкихъ имѣетъ: вверху въ голубомъ полѣ—рука въ металлической перчаткѣ, держащая обнаженный мечъ; направо внизу—въ золотомъ полѣ—бѣлый баранъ, несущій крестъ на коніе древка; налѣво 3 серебряныя рѣки въ красномъ полѣ.

[3]) Кутлубицкій вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ былъ посаженъ въ свое время Турецкимъ султаномъ въ 7 башенный замокъ .. (См. біогр. Румянцевъ-Задунайскій).

Итакъ—„*Князь Лопухинъ* считалъ Кутлубицкаго“.....

Прежде всего слѣдовало бы спросить: „*какой* Князь Лопухинъ?“ Ихъ было нѣсколько...

На сей разъ извѣстно по Шильдеру, что рѣчь идетъ о Свѣтлѣйшемъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, разсказы котораго записаны *въ 1869 г.* Княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ (черезъ 3 года послѣ появленія въ Русскомъ Архивѣ разсказовъ о старинѣ А. И. Ханенко, записанныхъ со словъ Кутлубицкаго). Разсказы Лопухина совсѣмъ не отличаются той скромностью, которой проникнуты разсказы А. И. Ханенки; достаточно указать, что въ нихъ преимущественно говорится о родѣ Лопухиныхъ и его заслугахъ, о чемъ вообще такъ старательно избѣгалъ говорить первый разсказчикъ о временахъ Павла*).

Въ разсказахъ *этого* Лопухина о Кутлубицкомъ записано буквально слѣдующее:

„Николая Осиповича Кутлубицкаго, коего разсказы напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 66 г., *Князь Лопухинъ лично не зналъ, но только слышалъ о немъ*, что онъ былъ человѣкъ ума весьма ограниченнаго“....

Итакъ прежде всего и въ настоящемъ случаѣ ссылка біографіи не сходится съ подлинникомъ, ибо не одно и то же сказать: „Лопухинъ лично *не зналъ*, но *слышалъ*“ или „Лопухинъ—уже—*считалъ* и т. д.

Далѣе у Лопухина указанъ и мотивъ этого слуха: „Будучи уже Генералъ-Аншефомъ, онъ (Кутлубицкій) все еще жаловался, что его обошли двумя чинами“, и сдѣлано позднѣйшее примѣчаніе: „О Кутлубицкомъ де-Сангленъ въ своихъ запискахъ приводитъ анекдотъ о пристройкѣ къ кордегардіи, вслѣдствіе большаго числа арестованныхъ офицеровъ, которымъ такъ тѣсно, что ни сѣсть, ни лечь нельзя“...

Разберемъ оба указанные здѣсь мотива. 1) Будучи 22-хъ лѣтъ Генералъ-Лейтенантомъ (съ Іюня 1798 г.), Кутлубицкій не былъ и не могъ быть *Генералъ-Аншефомъ* прежде всего потому, что такого чина

*) Н. К. Шильдеръ уже обратилъ вниманіе на нѣкоторыя несообразности этихъ воспоминаній—такъ напримѣръ—домъ Дерибаса на Адмиралтейской по словамъ князя П. П. Лопухина *купленъ его отцомъ*, между тѣмъ какъ всѣмъ было извѣстно, что домъ этотъ *подаренъ Павломъ* Лопухину изъ-за прекрасныхъ глазъ его дочери Анны Петровны и пр.

не существовало въ царствованіе Павла; Кутлубицкой былъ Генералъ-Адъютантомъ и произведенъ въ Генералъ-Майоры (1 Января 1797 г.) прямо изъ подполковниковъ, *минуя чины полковника и бригадира*, что и давало ему поводъ говорить, что онъ сдѣлался генераломъ лишь потому, что „*Государь обошелъ его двумя чинами*“.

Если этотъ остроумный отвѣтъ поставленъ какъ мотивъ „ограниченности“, то конечно по „недоумѣнію“... Лопухинъ не зналъ степени чиновъ въ царствованіе Павла (иначе онъ не писалъ бы о „Генералъ-Аншефѣ“), не зналъ лично Кутлубицкаго (какъ и самъ говоритъ), не зналъ и того, что 22-лѣтній Генералъ-Лейтенантъ въ дѣйствительности *былъ обойденъ двумя чинами*, случай рѣдкій даже въ царствованіе Павла по стремительности производства. Приходится черезъ 115 лѣтъ разъяснить слова Кутлубицкаго, чтобы возстановить истину и прекратить сплетню на его счетъ.

Не соглашаться же съ Лопухинымъ, что Кутлубицкой дѣйствительно могъ „жаловаться“ въ 21—22 года, что онъ еще не *Генералъ-Фельдмаршалъ* и не *Генералиссимусъ*, а вѣдь другихъ 2 чиновъ за „Генералъ-Аншефомъ“ и не придумаешь!

Мы вправѣ считать, что первый примѣръ Лопухина объ ограниченности Кутлубицкаго „*по истинѣ пришелся не по коню, а по оголобль*“, ибо здѣсь проглядываетъ ограниченность не со стороны Кутлубицкаго, а со стороны того, кто не понялъ его шутки...

2) Остается провѣрить ссылку на де-Санглена.

Здѣсь не приходится спрашивать: „*Какой* де-Сангленъ?“ Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ, какъ современникъ царствованій Павла и Александра I, достаточно извѣстенъ по своимъ запискамъ, и свидѣтельство его необходимо выслушать, но также *не по слухамъ*, а въ подлинникѣ.

Что же сказалъ Я. И. де-Сангленъ о Кутлубицкомъ и Кордегардіи, и въ какой степени еще этотъ анекдотъ можетъ служить оказательствомъ „ограниченности“ Кутлубицкаго?

Обращаемся *къ подлинникамъ*.

Де-Сангленъ сказалъ въ своихъ запискахъ о Кутлубицкомъ и Кордегардіи буквально слѣдующее:

„С.-Петербургскій Комендантъ Кутлубицкой *добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, жалѣя о числѣ сидящихъ подъ арестомъ офицеровъ* за фронтовыя ошибки, окончивъ рапортъ Государю о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ изъ столицы, *не уходилъ* и держалъ въ рукахъ длинный свертокъ бумаги...

— „Это что?“ спросилъ Государь.

— „Планецъ, Ваше Императорское Величество! Нужно сдѣлать пристроечку къ кордегардіи“.

— „На что?“

— „Такъ тѣсно, Государь, что офицерамъ ни сѣсть, ни лечь нельзя“...

— „Пустяки!“ сказалъ Императоръ, „всѣ они посажены не за государственныя преступленія: *нынѣ выпустить одну половину, а завтра другую*, и всѣмъ мѣсто будетъ; строить не нужно...

— *И впредь повелѣваю такъ поступать*“...

И правда, какъ былъ „ограниченъ“ Генералъ Кутлубицкой, жалѣющій о числѣ арестованныхъ офицеровъ!...

Къ чему это онъ молча держалъ въ рукахъ свой „планецъ“, столь значительныхъ размѣровъ, что Государь не могъ не обратить вниманія на него*). Не проще ли было бы *прямо* доложить Государю, что по мнѣнію его, коменданта, офицеровъ не слѣдуетъ болѣе сажать въ Кордегардію!

Быть можетъ человѣкъ „не ограниченный“ такъ бы и поступилъ, но Кутлубицкой пошелъ на другое, болѣе оригинальное средство и получилъ отъ Павла разрѣшеніе *выпускать офицеровъ изъ Кордегардіи, чего онъ только и добивался своимъ „длиннымъ планцемъ“*...

Но если и этотъ анекдотъ приводится какъ примѣръ „ограниченности“ Кутлубицкаго, то какого же мнѣнія надо быть о тѣхъ, кто

*) Н. О. Кутлубицкой былъ выдающійся по тому времени чертежникъ и отлично зналъ, что такое „масштабъ“ чертежа, чтобы не таскать съ собою длинныхъ плановъ для незначительныхъ пристроекъ (что зналъ и Павелъ).

не желаетъ понимать смысла столь несложныхъ анекдотовъ! Хотя де-Сангленъ писалъ и не „для дѣтскаго возраста“, но все же записалъ, что Кутлубицкой въ дѣйствительности жалѣлъ *о числѣ арестованныхъ офицеровъ*, а вовсе не о *тѣснотѣ* помѣщеній, расширять которыя для дальнѣйшаго увеличенія числа арестованныхъ „добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ“ конечно не думалъ, хотя и принесъ съ собой огромный свитокъ, которымъ хотѣлъ по своему поразить Императора.

Мы уже выше оговорились, что сужденіе объ умственныхъ способностяхъ—вопросъ щекотливый, и не слѣдуетъ ставить его ребромъ, какъ то допустилъ Князь Лопухинъ по отношенію Кутлубицкаго; но если и послѣ прочтенія подлинниковъ значеніе анекдота де-Санглена остается для кого-либо невразумительнымъ, то считаемъ не лишнимъ привести другой аналогичный анекдотъ, въ которомъ вмѣсто „длиннаго планца“ является „длинное лицо“ съ тѣми же благопріятными послѣдствіями для потерпѣвшихъ. Анекдотъ этотъ разсказанъ самимъ Кутлубицкимъ тому же А. И. Ханенкѣ, который записалъ его въ Русскомъ Архивѣ 68 года.

„Однажды забѣжала въ комнаты Кутлубицкаго (когда онъ былъ еще холостымъ) Камеръ-Юнгфера Великой Княгини Анны Ѳедоровны и между прочимъ сообщила ему, что Великая Княгиня очень скучаетъ и чувствуетъ себя отъ этого даже больной. Кутлубицкой понялъ, что она скучаетъ по причинѣ отсутствія своего супруга—Цесаревича, находившагося съ Суворовымъ въ Италіи, желаетъ посѣтить своихъ родителей, но не знаетъ, какъ это сдѣлать...

„На другой день, разсказываетъ Кутлубицкой, когда *батюшка* *) отдыхалъ послѣ обѣда, я побѣжалъ на половину Великой Княгини и рѣшился предложить ей свой совѣтъ.

—„Благодарю Васъ, Генералъ, за Ваше участіе ко мнѣ; Вы отгадали мое желаніе. Но научите же, какъ мнѣ это сдѣлать?“

—„Очень просто: сегодня въ вечернемъ собраніи извольте принять грустный видъ. Императоръ это замѣтитъ, подойдетъ къ Вамъ и спроситъ о причинѣ Вашей грусти; тогда Вы скажите, что скучаете въ отсутствіе Великаго Князя и чтобы находиться ближе къ нему,

*) Такъ называлъ Кутлубицкой Императора изъ сыновней къ нему преданности... (Ханенко).

желаете также посѣтить вашихъ родителей, которыхъ давно не видали... Императоръ самъ былъ всегда почтительнымъ сыномъ и уважаетъ это чувство въ другихъ. *Онъ тотчасъ исполнитъ Ваше желаніе.*“

Такъ и случилось. Великая Княгиня исполнила все по совѣту Николая Осиповича, и Государь, похваливъ ея чувства, спросилъ:

— Когда же Вы желаете ѣхать? Сейчасъ этого нельзя сдѣлать, а завтра все будетъ готово къ Вашему путешествію.

И призвавъ оберъ-шталмейстера, Государь приказалъ приготовить на другой день двѣ кареты и все необходимое для поѣздки за границу.

На другой день Великая Княгиня была уже въ пути“.

Здѣсь вмѣсто „длиннаго планца“ является „длинное лицо“, остальное безъ измѣненія какъ у де-Санглена: то же молчаніе просителя, такой же вопросъ самого Государя, тотъ же заранѣе подготовленный отвѣтъ и въ результатѣ исполненіе того желанія, высказать которое напрямикъ иногда было невозможно, иногда рискованно.

Природная находчивость Кутлубицкаго, подкрѣпленная знаніемъ всѣхъ привычекъ и взглядовъ Государя, конечно не говоритъ еще объ его „государственномъ умѣ“, но все же исключаетъ возможность предположеній, что это былъ человѣкъ „ума ограниченнаго“, не умѣвшій „сообразоваться съ причудливымъ нравомъ Императора“. Приведенные примѣры доказываютъ какъ разъ противное, что онъ умѣлъ гораздо лучше другихъ, не исключая и членовъ Императорской фамиліи, сообразоваться съ привычками и взглядами Императора. Это доказывается и тѣмъ, что за все свое $8^1/_2$—лѣтнее пребываніе при Павлѣ Кутлубицкой получилъ лишь одинъ оффиціальный выговоръ, редактированный самимъ Государемъ въ приказѣ 15 Августа 1800 г.: „За упущеніе должности и *недѣльные вопросы*“ (за свое же заступничество). Кто другой могъ похвалиться такимъ „ограниченіемъ“ изъ современниковъ Кутлубицкаго при Императорѣ Павлѣ? Мы такого не знаемъ...

Н. А. Саблуковъ, записки котораго впервые появились въ Англіи, вспоминаетъ въ нихъ о Николаѣ Осиповичѣ Кутлубицкомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Подполковникъ Кутлубицкой изъ конной артиллеріи (также Гатчинецъ) *часто рисковалъ* своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ

Императора Павла *для того, чтобы спасать отъ наказанія* молодыхъ офицеровъ... *Я испыталъ это на самомъ себѣ*".

Это не забылъ и говоритъ тотъ Саблуковъ, который вечеромъ 11 Марта 1801 года на возгласъ Императора „Vous etes des jacobins!" довольно рискованно отвѣчалъ: „Oui, Sire". А когда Государь поправился фразой „Pas vous, mais le regiment!" еще болѣе рѣшительно отвѣчалъ: „Passe encore pour moi, mais *Vous-vous trompez pous le regiment!*" Личный отзывъ этого рыцаря изъ Конной Гвардіи отсутствуетъ въ біографіи Кутлубицкаго и замѣненъ заочнымъ отзывомъ Лопухина о Генералъ-Аншефѣ...

Кому здѣсь болѣе вѣрить—указывать излишне: извѣстность П. П. Лопухина въ то время могла быть нѣсколько иного характера, чѣмъ Саблукова и де-Санглена: въ 1798 г. князю П. П. Лопухину исполнилось всего 10 лѣтъ и его тогда можно было знать лишь какъ братца Анны Петровны (Гагариной)—фаворитки Императора, и какъ сына Петра Васильевича отъ 2-го брака его съ Екатериной Николаевной Шетневой, бывшей (до замужества) фаворитки князя Безбородки. Вотъ эта *двойная извѣстность*. Къ тому же Лопухины продвигались впередъ одновременно съ графомъ Паленомъ; а что хорошаго могъ слышать *отрокъ* Лопухинъ*) въ этомъ обществѣ о Кутлубицкомъ, арестованномъ тѣмъ же Паленомъ въ ночь 11 Марта!

Тѣмъ не менѣе заочный отзывъ Лопухина не только поставляется на видъ въ біографіи Кутлубицкаго, но и служитъ темой для утвержденія, что развитію дѣятельности его помѣшали его „недалекость и неумѣніе" угодить Императору.

Не повторяя разъ уже сказаннаго, мы поставимъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе.

17-лѣтній Кутлубицкой, одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ артиллерійскаго корпуса, по выбору Екатерины Великой, назначается подпоручикомъ въ Гатчинскую баттарею.

19-ти лѣтъ онъ уже майоръ при Наслѣдникѣ; въ 20 лѣтъ—подполковникъ Гвардіи и Флигель-Адъютантъ Императора, въ 21—генералъ-майоръ и Генералъ-Адъютантъ (*обойденъ двумя чинами!*).

*) Князь П. П. Лопухинъ скончался *въ 1873 году*—это скорѣе *нашъ* современникъ, чѣмъ *Павловскаго царствованія*.

Въ 22—Свиты Его Величества Генералъ-Лейтенантъ.

Въ 23—24—Шефъ Гвардейской Артиллеріи и членъ Военной Коллегіи.

Въ 25—комендантъ Дворца, на которомъ Государь приказываетъ поставить надпись: „Дому Твоему подобаетъ Святыня Господня въ долготу дней", а Кутлубицкому говоритъ: „Ты, *Николка*, опять при Моей особѣ подвижнымъ комендантомъ; *гдѣ Я буду, тамъ и ты* *)."

1 Февраля Государь переѣзжаетъ въ этотъ Дворецъ, а черезъ 40 дней онъ уже лежитъ въ гробу.

Ставимъ снова вопросъ: „что же помѣшало Кутлубицкому въ развитіи его дѣятельности?"

Отвѣтъ прямой и ясный: „*Смерть Императора*, и ничего больше!"

Карьера Кутлубицкаго была впереди; не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ *моложе всѣхъ другихъ приближенныхъ Императора* (напримѣръ Растопчина), *по крайней мѣрѣ, на 10 лѣтъ*.

Быть въ 20 лѣтъ съ небольшимъ Генералъ-Адъютантомъ, членомъ Военной Коллегіи, шефомъ отдѣльной гвардейской части, Комендантомъ Дворца—казалось бы вовсе не значитъ „не имѣть достаточной дѣятельности". Каждая изъ этихъ обязанностей въ отдѣльности болѣе чѣмъ достаточна и не для молодого Генерала. И если Кутлубицкой, занятый всегда по горло, не совалъ тогда своего носа и въ „дѣла Государственныя", то это отнюдь не говоритъ еще объ его недалекости, а скорѣе какъ разъ наоборотъ.

Кутлубицкой могъ про себя повторить слова, сказанныя уже его однокашникомъ Капцевичемъ по поводу произведенной ему Сенаторской ревизіи:

*) Эта фраза, сказанная Императоромъ Кутлубицкому почти въ концѣ царствованія, дала поводъ записать въ его біографіи, что Кутлубицкой „вѣчно оставался Николкой" для Императора. Не говоря уже о томъ, что царствованіе Павла было слишкомъ непродолжительнымъ, не только по сравненію съ вѣчностью, но и съ другими ближайшими царствованіями, при оцѣнкѣ этого заключенія необходимо имѣть въ виду, что и оно выведено изъ словъ *самаго* Кутлубицкаго, который конечно ничего подобнаго сказать не хотѣлъ и не говорилъ. Милостивая фраза Императора *„гдѣ Я буду, тамъ и ты"* говоритъ сама за себя и не нуждается ни въ комментаріяхъ, ни въ обобщеніяхъ, которыя и на сей разъ являются произвольными.

„Пусть не мнѣ законы писать, но и не мнѣ *учиться отъ другихъ*, какъ служить своему Императору![1])

Тѣмъ не менѣе біографія Кутлубицкаго всецѣло признаетъ, что *„всѣ современники отдавали полную справедливость нравственнымъ качествамъ Кутлубицкаго*—его неподкупной честности и добротѣ; что онъ неоднократно *смягчалъ гнѣвъ Императора*, который самъ говорилъ, что черезъ Кутлубицкаго онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ".

Разъ такъ свидѣтельствуютъ всѣ современники, то это и есть то *единственно достовѣрное и наиболѣе цѣнное* для біографіи Кутлубицкаго, чѣмъ онъ и самъ болѣе всего дорожилъ въ своей жизни, но.... и здѣсь необходимо различать и раздѣлять два совершенно самостоятельныя положенія: *одно*—нравственныя качества, его честность и доброта, *другое*—умѣніе дѣйствовать на Императора даже въ наиболѣе критическіе моменты вспышекъ его гнѣва... Ибо конечно нельзя же было всегда „смягчать гнѣвъ Императора" (что такое былъ гнѣвъ Павла—достаточно извѣстно!) одною *честностью и добротой!* Очевидно для этого необходимы были другія душевныя и умственныя качества, которыя также неотъемлемы отъ Кутлубицкаго, какъ его честность и доброта. Чтобы смягчать царскій гнѣвъ, „постоянно рискуя своимъ положеніемъ" (Саблуковъ), и все же *не потерять этого положенія*,—необходимо было быть человѣкомъ „ума свѣтлаго, нрава ретиваго и сердца отмѣнно горячаго", почему мы этотъ эпиграфъ и помѣстили вверху настоящей замѣтки о Кутлубицкомъ[2]).

„*Такихъ людей мнѣ, сударь, и надобно!*" говорилъ Императоръ Павелъ, и здѣсь остается лишь распространить эти слова Павла и по отношенію къ Н. О. Кутлубицкому, котораго онъ цѣнилъ до конца своей жизни.

Трагическій конецъ Императора не ложится чернымъ пятномъ на его память, которую мы обязаны почтить какъ вѣрнаго и преданнаго слуги Императора, служившаго ему „за совѣсть", человѣка неподкупной честности, неограниченной доброты, всегда благожелательнаго къ ближнимъ, глубоко религіознаго и никогда не совавшагося впередъ...[3]).

---

[1]) Это признавалъ и Императоръ Николай Павловичъ, всегда милостиво относившійся къ покойному Кутлубицкому; поэтому имя Николая Осиповича съ этой стороны въ реабилитаціи повидимому не нуждается...

[2]) Этотъ отзывъ былъ данъ о Базинѣ.

[3]) „Выполняя долгъ свой, остался я съ честнымъ именемъ и поставилъ себя въ такое положеніе, что могу теперь смотрѣть чистыми глазами на весь свѣтъ, безъ зазрѣнія совѣсти, и не страшусь предстать на судъ Всевышняго Судіи, и бѣдная моя подушка *не вертится у меня подъ головой*"... Писалъ Н. О. Кутлубицкій къ Цесаревичу Константину Павловичу 16 Января 1829 года. (См. Рус. Арх., 1912 г. № 10).

И если среди „Гатчинцевъ“, этихъ „опричниковъ Павловскаго царствованія“, изъ которыхъ лучшій (по случайному выраженію Ростопчина) заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда, находится человѣкъ, быть можетъ и не лучшій, *нравственнымъ качествамъ котораго отдаютъ полную справедливость всѣ современники*, то это невольно наводитъ на мысль, что и самое царствованіе Павла еще ждетъ своего безпристрастнаго изслѣдователя, ибо многое въ немъ преувеличено, осуждено и опорочено на основаніи часто односторонніхъ отзывовъ и поспѣшныхъ рѣшеній, имѣющихъ въ виду *по возможности* оправдать злое дѣлое 11 Марта 1801 года...

Предоставляя эти изслѣдованія по принадлежности историкамъ Павла, обратимся къ Н. О. Кутлубицкому, чтобы сказать о немъ то, что намъ извѣстно по семейному его архиву, въ настоящее время къ сожалѣнію уже на три четверти утраченному.

II.

„Я вижу, что Наслѣдникъ тебя любитъ. Когда онъ взойдетъ на престолъ,—ты будешь къ нему близокъ. Смотри же, вотъ тебѣ мое стариковское наставленіе: *проси у Государя за всѣхъ и для всѣхъ, но для себя, чтобы языкъ твой не заикался*“...

(Слова Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, сказанныя имъ Н. О. Кутлубицкому въ 1793 году, передъ отъѣздомъ его изъ Малороссіи въ Гатчино)

„Кутлубицкій во все время пребыванія своего при Дворѣ старался быть вѣрнымъ этому благосклонному наставленію рѣдкаго по чувствамъ и характеру вельможи временъ Екатерины“.

(А. Ханенко; Русск. Арх. 1866 г.).

„Что вамъ за охота, Алексѣй Андреевичъ, изъ-за пустяковъ гнѣвить Государя?“ сказалъ Аракчееву флигель-адъютантъ Кутлубицкій...

— Какъ такъ? спросилъ Аракчеевъ.

„Вы взыскали, ну и концы въ воду! Къ чему-же объ этомъ докладывать? Вы *хоть бы обмолвкой когда кого нибудь похвалили!*“...

Аракчеевъ улыбнулся на слова Кутлубицкаго, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора *8 Декабря 1796 года* послѣдовалъ всѣхъ поразившій Высочайшій приказъ: *о производствѣ капитана*

Глинки за исправность, найденную Комендантомъ Аракчеевымъ!! [1]).

(Свѣд. объ Аракчеевѣ, Генерала Ратча).

Изъ сохранившихся послѣ Н. О. Кутлубицкаго бумагъ [2]) видно, что родъ Кутлубицкихъ имѣетъ происхожденіе отъ польскаго шляхетства, жившаго въ воеводствѣ Волынскомъ, повѣтѣ Кремнецкомъ, гдѣ многіе изъ этого рода владѣли помѣстьями и „бывали въ знатныхъ чинахъ“. Родъ Кутлубицкихъ владѣлъ Волынскими имѣніями еще во 2-й половинѣ XVII вѣка, но происходилъ ли онъ отъ русскихъ людей древняго Волынскаго княжества, или отъ выходцевъ Литовскихъ (по присоединеніи этой области Гедиминомъ въ 1336 г.), или отъ переселенцевъ польскихъ, которые начали селиться на Волыни послѣ Люблинской уніи (1569 г.), или уніи Церковной (1596 г.), того не извѣстно, и установить это тѣмъ болѣе трудно, что родъ Кутлубицкихъ имѣлъ нѣкогда и другую фамилію „*Кутлубенко*“ или „*Кутлубикъ*“, что впрочемъ ближе всего указываетъ на древне-малороссійское его происхожденіе [3]).

Семейное преданіе говоритъ, что прадѣдъ Н. О. Кутлубицкаго былъ взятъ въ плѣнъ крымскими татарами и проданъ ими въ рабство въ Константинополь. Это было въ кровавую эпоху Хмѣльницкаго (1648—1650 г.), когда Волынь была главнымъ театромъ религіозной и національной борьбы, и союзники казаковъ—крымскіе татары—по заключенному съ Хмѣльницкимъ договору,—забирали массу плѣнниковъ какъ военную добычу, не особенно разбирая,—къ какой изъ враждующихъ сторонъ таковые принадлежатъ.

---

[1]) Выс. приказъ 8 Декабря. 1796 г. „Лейбъ-Гренадерскаго полку капитанъ Глинка въ майоры за отмѣнную исправность въ караулѣ, при осматриваніи его Комендантомъ Генералъ-Майоромъ Аракчеевымъ“.

[2]) Въ томъ числѣ приговоръ депутатскаго собранія Дворянства Новгорода Сѣверскаго Намѣстничества отъ 10 Декабря 1784 г. о внесеніи въ 4 часть родословной—Коллежскаго Иностранныхъ Дѣлъ Асессора Іосифа Григорьевича Кутлубицкаго (отца Ник. Осип.) и брата его подпоручика Луганскаго Пикинернаго полка Луки Григорьевича; каковой приговоръ впрочемъ Департаментомъ Герольдіи утвержденъ не былъ по формальнымъ причинамъ и впослѣдствіи замѣненъ постановленіемъ Депутатскаго Собранія Нижегор. губ., гдѣ Кутлубицкіе записаны въ 6 часть родословной.

[3]) Н. О. Кутлубицкій не только считалъ себя малороссомъ, но и многія письма свои къ роднымъ (Горленки, Максимовичи, Войцеховичи, Оболонскіе и др.) писалъ часто на малороссійскомъ нарѣчіи, которымъ владѣлъ свободно; польскаго же языка онъ не зналъ и не любилъ.

Къ какой сторонѣ принадлежалъ прадѣдъ Кутлубицкаго—не выяснено, но взятъ онъ былъ или при разгромѣ Кременца въ 1648 г. Туганъ-Беемъ, или при осадѣ (1649 г.). Сбораж, или передъ битвой при Брестеничкѣ въ 1650 году, когда измѣнившій казакамъ Крымскій Ханъ увелъ съ собой многихъ плѣнниковъ и въ томъ числѣ самого Хмѣльницкаго.

Проданный въ Константинополь, прадѣдъ Н. О. достался Пашѣ, который назначилъ ему быть конюхомъ. Чтобы плѣнникъ не бѣжалъ, ему по обычаю разрѣзали пятки и посыпали туда рубленаго конскаго волоса, послѣ чего плѣнникъ могъ ходить только на поскахъ. Изнывая въ плѣну, Кутлубицкой не терялъ вѣры въ Милосердіе Божіе и, будучи религіознымъ, горячо молился объ избавленіи. Однажды ему во снѣ явился неизвѣстный благообразный старецъ и приказалъ итти къ діакону греческой церкви—иконописцу и заказать икону, съ одной стороны которой была бы изображена Богоматерь, а съ другой—Распятіе.

„Съ этимъ образомъ на груди“, сказалъ старецъ, „бѣги изъ Константинополя, и Заступница страждущихъ и плѣненныхъ сохранитъ тебя въ пути“. Этотъ сонъ повторился Кутлубицкому трижды, и плѣнникъ, повѣривъ видѣнію, пошелъ отыскивать по городу діакона-иконописца; и найдя такового, просилъ соорудить указанную икону. Діаконъ, узнавъ о его происхожденіи, сказалъ, что образъ его готовъ и заказанъ былъ нѣсколько дней назадъ именно для него неизвѣстнымъ старцемъ, который заплатилъ ему уже за работу. Помолившись передъ иконой, Кутлубицкой повѣсилъ ее себѣ на грудь и въ ту же ночь ушелъ изъ Константинополя. Слѣдующій день онъ пролежалъ въ виноградникѣ, видѣлъ за собою погоню, но открытъ турками не былъ и ночью продолжалъ путь. Такимъ образомъ, идя только по ночамъ, и пользуясь въ пути гостепріимствомъ грековъ и болгаръ, Кутлубицкій благополучно добрался до родины.

Умирая, онъ передалъ чудесную икону своему сыну, завѣщая передавать ее старшему въ родѣ, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ разсказомъ.

Такъ она дошла до Николая Осиповича, вмѣстѣ съ этимъ описаніемъ. Николай Осиповичъ передалъ ее своему сыну Николаю Николаевичу*) (бывшему въ 1854—57 г. Нижегородскимъ Губернскимъ

*) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Николаевичъ Кутлубицкій, 2-й сынъ Ген.-Лейтен. Н. О. Кутлубицкаго, родился 24 Іюня 1808 г., на службу вступилъ въ Л.-Гв. Конно-Егерскій полкъ рядовымъ 1-го Февраля 1825 г. Произведенъ въ прапорщики 6 декабря 1828 г.; вышелъ въ отставку полковникомъ 6 Февраля 1843 года.

Предводителемъ Дворянства) со словъ второго и записанъ настоящій разсказъ.

Св. икона, сохранившаяся въ роду Кутлубицкихъ, овальной формы, всего 6-ти дюймовъ высоты, написана масляными красками, на мѣдной доскѣ въ серебряномъ ободкѣ съ такимъ же кольцомъ. На одной ея сторонѣ изображена Богоматерь съ Младенцемъ Іисусомъ, очень сходно съ Ченстоховской, съ той разницей, что Евангеліе въ рукахъ Спасителя на ней закрыто. На другой сторонѣ *высоко-художественно*[1]) изображено распятіе и выцарапана цыфра 1654—годъ освобожденія прадѣда Кутлубицкаго изъ турецкаго плѣна, знаменательный для русской исторіи по присоединенію Малороссіи[2]).

Отецъ Николая Осиповича—Іосифъ Григорьевичъ вступилъ на русскую службу по Иностранной Коллегіи (и состоялъ при посольствѣ въ Турціи)—въ 1767 г., когда еще были живы его отецъ и дѣдъ.

Пріобрѣтя довѣренность и расположеніе Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, онъ послѣ смерти своего отца въ 1770 году продалъ родовыя имѣнія въ Польшѣ и переселился въ Кіевъ, состоя нѣкоторое время при Румянцевѣ, управлявшемъ тогда Малороссіей, а младшій его братъ Лука Григорьевичъ зачисленъ былъ на службу подпоручикомъ въ Луганскій Пикинерный полкъ.

Первая жена Іосифа Григорьевича Кутлубицкаго, отъ брака съ которой родился Николай Осиповичъ (2 Декабря 1775 г.) вскорѣ умерла[3]), и онъ женился вторично на дочери Бунчуковскаго—товарища

Участвовалъ въ кампаніяхъ: Турецкой въ 29-мъ году и противъ польскаго возстанія 31 г., за что получилъ нѣсколько боевыхъ отличій. При уходѣ изъ Губ. Пред. Дворянства награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статск. совѣтника съ предоставленіемъ права носить мундиръ Л. Гв. Егерскаго полка. Скончался 1-го Іюня 1874 г. въ Костянкѣ Арзамасскаго уѣзда, гдѣ и погребенъ. Женатъ былъ на Н. И. Панютиной; сыновья отъ этого брака Николай и Александръ Николаевичи умерли бездѣтными. А. Н. былъ женатъ на Э. Л. Билинской, во 2-мъ бракѣ за Н. М. Вонлярлярскимъ—(Генералъ отъ Кавалеріи), по 3-му—Казнаковой (нач. 1 Гвард. Кавалер. дивизіи).

[1]) Отзывъ художника Карелина.

[2]) Прилагаемъ снимокъ съ этой иконы, въ чудесное происхожденіе которой вѣрилъ и Императоръ Павелъ, когда привязывалъ къ ней свое письмо къ Гр. Румянцеву, отправляя Н. О. Кутлубицкаго въ Малороссію (1793 г.).

[3]) Кто была урожденная первая жена Іос. Гр. (мать Ник. Осип.), изъ бумагъ Кутлубицкаго не видно, но въ церковныхъ поминаніяхъ она записана „Ульянія (Ивановна)". Отъ того же брака родилась и сестра Ник. Осип.—Варвара Осиповна, по мужу Войцеховичъ, проживавшая впослѣдствіи на хуторѣ Никольскомъ, Черниговской губ. подъ г. Городней, куда переселился и Ник. Осип. изъ Нижегородской губ. по смерти своей жены въ началѣ 1840-хъ годовъ. Другая сестра Ник. Осип.—Марія Іосифовна, рожденная отъ брака съ А. П. Миклашевской, вышла замужъ за Егора Горленко, помѣщика Прилукскаго уѣзда, Полтавской губ. Братьевъ у Ник. Осип. не было.

Петра Миклашевскаго, вдовѣ Аннѣ Петровнѣ, по первому мужу Рославцевой.

Во второй половинѣ 1780-хъ годовъ по ордеру Румянцева Николай Осиповичъ былъ опредѣленъ въ Артиллерійскій и Инженерный шляхетскій корпусъ, гдѣ и учился весьма успѣшно.

Въ бумагахъ Н. О. сохранились отъ того времени его ученическія тетради по артиллеріи, фортификаціи, механикѣ и проч.[1]).

Наибольшіе успѣхи Кутлубицкой оказалъ по артиллерійскому и фортификаціонному черченію, и чертежи его какъ лучшіе по корпусу съ немногими другими были представлены Императрицѣ Екатеринѣ[2]), которая, проглядывая ихъ, назначила 17—лѣтняго Кутлубицкаго вмѣстѣ съ другимъ кадетомъ П. М. Капцевичемъ[3]). 6 Декабря 1792 г. подпоручикомъ въ составъ вновь формируемой баттареи въ Гатчинѣ при Павлѣ Петровичѣ.

Вскорѣ туда же были назначены, но уже по выбору Аракчеева, а не Императрицы: Л. С. Бревернъ (впослѣдствіи Петербургскій Плацъ-Майоръ) и П. С. Апрѣлевъ (впослѣдствіи адъютантъ Вел. Кн. Александра Павловича). Командиромъ баттареи сдѣлался Аракчеевъ, а Кутлубицкой съ Февраля 1893 г. ея адъютантомъ.

---

[1]) Любопытна тетрадка (1790 г.) „вопросовъ по тактическому классу“, гдѣ имѣются вопросы: „при какомъ случаѣ стрѣлять залпомъ?“ съ отвѣтомъ: „въ весьма близкой дистанціи отъ непріятеля, дабы, припявъ его генеральнымъ выстрѣломъ, ударить въ него штыками, но движеніе сіе опаснымъ признается“—и на вопросъ: „а почему сіе?“ указанъ отвѣтъ: „потому, что трудно сіе произвести безъ конфузіи, а конфузія и наималѣйшая опасна вблизи непріятеля“ и пр.

[2]) Чертежи эти нынѣ находятся въ Историческомъ Музеѣ Гвардейской Артиллеріи переданные туда внукомъ Н. О.—*Іосифомъ Павловичемъ Кутлубицкимъ*, нынѣ умершимъ (Дѣйств. Стат. Сов., Непремѣнный Членъ Ниж. Губ. Присутствія, знатокъ крестьянск. положенія, бывшій мировой посредникъ).

[3]) П. М. Капцевичъ былъ на три года старше Н. П. Кутлубицкаго. Въ почтовыхъ книгахъ Н. О. Кутл. отмѣчены многія письма на его имя въ концѣ 30-хъ годовъ, изъ чего видно, что Капцевичъ и Кутлубицкій были до конца своихъ дней въ перепискѣ, но писемъ этихъ не сохранилось въ архивѣ Н. О., кромѣ незначительныхъ, изъ которыхъ видно, что Капцевичу удавалось по просьбамъ Кутлубицкаго исходатайствовать пенсіи бѣднымъ вдовамъ и дочерямъ офицеровъ, вслѣдствіе чего Кутлубицкій писалъ: „дай Богъ папу Капцевичу съ его семействомъ добраго здоровьечка“.

Этотъ выборъ, сдѣланный самой Императрицей, рѣшилъ дальнѣйшую судьбу Николая Осиповича, который сталъ близокъ къ наслѣднику и быстро пріобрѣлъ его расположеніе [1]).

Являясь въ кабинетъ Павла Петровича, онъ, какъ искусный рисовальщикъ, вычерчивалъ для него планы и фасады различныхъ дворцовъ[2]) подъ личнымъ наблюденіемъ Наслѣдника, при чемъ, конечно не обходилось безъ разговоровъ и разспросовъ. Павелъ Петровичъ скоро узналъ всѣ семейныя дѣла Кутлубицкаго и узнавши, что тотъ рано лишился матери, не видитъ своего отца, жившаго въ далекой Малороссіи и женившагося вторично, принялъ въ немъ самое живое участіе, разрѣшилъ называть себя „батюшкой“ и, именуя Кутлубицкаго „Николкой“, отечески дарилъ его иногда своими вещами [3]).

---

[1]) Изъ писемъ того времени видно, что Н. О. отчасти могъ пользоваться рекомендаціей П. И. Мелессино, Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, Кн. А. Б. Куракина и Л. А. Нарышкина (см. далѣе письма отца Кутлубицкаго).

[2]) У Павла Петровича была склонность къ архитектурѣ, которая впослѣдствіи такъ оригинально выразилась въ мрачныхъ фасадахъ Михайловскаго Дворца. Несомнѣнно, что архитекторъ этого замка Бренна, какъ и составитель его проэкта П. И. Баженовъ, не только имѣли общія директивы постройки отъ самого Императора, но и многія ея детали, вычерченныя усердной рукой Н. О. Кутлубицкаго.

Въ этомъ убѣждаетъ и то, что Коцебу въ своемъ описаніи Михайловскаго Дворца между прочимъ говоритъ: „Архитекторъ Бренна, завѣдывавшій всей постройкой, увѣряетъ, что эти сопоставленія (деталей) были именно предписаны Императоромъ, *будто бы даже сочинившимъ для нихъ рисунки,* но есть люди, которые въ этомъ сомнѣваются“.

Сомнѣвались въ томъ или нѣтъ, но молодой чертежникъ не былъ забытъ Павломъ, когда Михайловскій Дворецъ былъ готовъ. 8 Ноября 1800 г. замокъ былъ торжественно освященъ въ присутствіи Императора, а уже 12 Ноября Кутлубицкій былъ назначенъ первымъ его Комендантомъ.

Во всякомъ случаѣ, Баженовъ вѣроятно охотно бы уступилъ часть своей славы, какъ архитектора, Императору Павлу и его чертежнику—адъютанту, въ особенности если рѣчь идетъ о главномъ (южномъ) фасадѣ замка (къ памятнику Петра I), сочетанія деталей котораго явно изобличаютъ капризнаго, но мало опытнаго художника, совершенно не справившагося со стилемъ.

Среди бумагъ Кутлубицкаго хранилось нѣсколько смѣтъ и набросковъ частей зданія Михайловскаго Дворца, нынѣ утраченныхъ не разобранными.

[3]) Извѣстно по Рус. Арх. 66 г. какъ Н. О. Кутлубицкій поѣхалъ къ отцу въ Малороссію въ шинели Павла Петровича, замѣнивъ ея красный генеральскій воротникъ чернымъ артиллерійскимъ, но полы не обрѣзалъ, ибо былъ почти одного роста съ Наслѣдникомъ. Эта шинель Наслѣдника (осенняя) сохранялась до сего времени въ вещахъ Кутлубицкаго.

Глубокая религіозность Кутлубицкаго способствовала его сближенію съ Наслѣдникомъ, который зналъ отъ него и про чудесную исторію вышеописанной фамильной иконы[1]).

Мы уже замѣтили выше, что своеобразное обращеніе „Николка“, какъ уменьшительное отъ древняго *Николы*, отнюдь не могло заключать въ себѣ какого либо небреженія къ Кутлубицкому со стороны Павла, если бы это хотѣлось кому нибудь такъ представить (см. выше).

Напротивъ, извѣстенъ случай, какъ Кутлубицкой намѣревался однажды передвинуть столъ для чертежей въ кабинетѣ Павла Петровича, но тотъ остановилъ его словами: „Оставь, это не твое дѣло; *ты слуга Государственный*, у меня есть для этого свой холопъ, какъ у тебя Андрюшка... Иванъ!“ закричалъ Павелъ Петровичъ на Кутайсова, „передвинь столъ“.

Порученіе, данное Павломъ Петровичемъ Кутлубицкому въ 1793 году,—отвезти письмо къ Графу П. А. Румянцеву, несомнѣнно касавшееся вопроса о престолонаслѣдіи Павла Петровича (т. к. Румянцевъ состоялъ членомъ Совѣта, въ который Екатерина передавала этотъ вопросъ именно въ это же время[2]) доказываетъ, какъ былъ увѣренъ Наслѣдникъ въ Кутлубицкомъ, 18-лѣтнемъ юношѣ, который не могъ проболтаться даже передъ своимъ отцомъ о данномъ ему порученіи.

Слова Румянцева: „Смотри, я вручаю тебѣ мою сѣдую голову“, сказанныя Кутлубицкому при передачѣ отвѣта его Наслѣднику, говорятъ, что порученіе было не обычное, иначе не сталъ бы старый,

---

[1]) По семейному преданію именно къ ней, а не къ кресту Кутлубицкаго, въ 1793 году Павелъ Петровичъ собственноручно привязывалъ письмо свое къ Румянцеву-Задунайскому. Икона эта по тому же преданію „спасаетъ въ пути“, почему Ник. Осип. посылъ ее на груди (по примѣру предка) во всѣхъ своихъ дальнихъ путешествіяхъ, о чемъ извѣстно было и Павлу Петровичу, который такъ склоненъ былъ вѣрить во все чудесное.

[2]) Послѣ бракосочетанія Александра Павловича, какъ извѣстно изъ записокъ Д. П. Рушича (Шильдеръ), Екатерина объявила Совѣту и своемъ намѣреніи „устранить сына своего Павла отъ престола, ссылаясь на его нравъ и неспособность“. Въ составъ этого Совѣта входили графы—К. Г. Разумовскій, П. А. Румянцевъ, Чернышевъ, Салтыковъ, Остерманъ, Мусинъ-Пушкинъ, Воронцовъ и Безбородко. Если П. А. Румянцевъ лично въ немъ не участвовалъ, то это не мѣшало ему настроить надлежащимъ образомъ въ пользу Павла Петровича—Безбородко, которому и приписываются сдѣланныя возраженія, заставившія Екатерину взять свое предложеніе обратно.

видавшій виды фельдмаршалъ такъ трагически говорить съ 18-лѣтнимъ подпоручикомъ; но у Румянцева въ данномъ случаѣ и не было другого выбора, тогда такъ у Павла Петровича чуть ли не половина „Гатчинцевъ“ была родомъ изъ Малороссіи, и онъ могъ бы сыскать среди нихъ преданнаго человѣка постарше Кутлубицкаго; но онъ такового не искалъ, а поручилъ рискованное дѣло своему Николкѣ, въ которомъ видѣлъ уже тогда „слугу государственнаго“.

Несомнѣнно, что это тайное порученіе, успѣшно исполненное Кутлубицкимъ, еще болѣе упрочило расположеніе къ нему Наслѣдника, который не скупился для него на награды: и въ концѣ 1796 года Кутлубицкій былъ уже майоромъ *).

Безотлучно находясь при Наслѣдникѣ какъ личный его адъютантъ, Кутлубицкой 5 Ноября 1796 г. былъ съ нимъ и Маріей Ѳеодоровной на прогулкѣ въ Ропшѣ, былъ свидѣтелемъ пріѣзда въ Гатчину Н. А. Зубова, прибывшаго съ извѣстіемъ о смертельной болѣзни Императрицы, слышалъ разсказъ Наслѣдника и его супруги о видѣнномъ ими снѣ, какъ бы предвѣщающемъ великую перемѣну въ ихъ жизни, и вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ ночью отбылъ изъ Гатчины въ Петербургъ и слѣдовалъ за нимъ и въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ лежала умирающая Императрица.

Цѣпь этихъ событій давно перешла на страницы историческихъ романовъ и еще недавно г. Ясинскій изобразилъ съ якобы фотографической точностью картину появленія Павла Петровича въ залахъ Зимняго Дворца, гдѣ Александръ и Константинъ Павловичи встрѣтили своего отца, одѣвшись уже въ Гатчинскіе мундиры... Кинематографъ г. Ясинскаго снялъ за Павломъ фигуру *„маленькаго Кутлубицкаго съ мясистымъ лицомъ“* и отмѣтилъ странность движеній и формы одежды этой небольшой, но характерной группы, внушавшей ужасъ окружающимъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что Кутлубицкій дѣйствительно былъ небольшого роста, одинаковаго съ Наслѣдникомъ, но „лишняго мяса“ у него на лицѣ не замѣчается; профилю его (см. портретъ въ Гатчинскомъ Дворцѣ) могъ бы позавидовать любой вельможа Екатерининскаго царствованія, и только неудачная расплывчатая

*) Въ запискѣ Павла къ Аракчееву отъ 2 Января 1796 г. Кутлубицкій именуется еще штабсъ-капитаномъ, но уже въ 1795 году Кутлубицкій *былъ назначенъ адъютантомъ къ Его Высочеству*, и только *онъ одинъ носилъ это званіе* при Цесаревичѣ (свѣд.-собр. Генер. Ратчемъ).

копія съ его миніатюры en face, помѣщенная въ Исторіи Гвардейской Артиллеріи, могла дать поводъ къ подобному описанію. Добрые глаза и 20-лѣтній возрасть Кутлубицкаго также не могли способствовать устрашающему впечатлѣнію. Что же касается формы одежды и движеній, характеризующихъ своеобразную военную выправку, то о нихъ едва ли возможно говорить что либо по существу. Зимній Дворецъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ различныя военныя формы, и если онѣ не были смѣшны при Дворѣ Фридриха Великаго, то не было достаточныхъ причинъ къ осмѣянію ихъ и здѣсь. Во всякомъ случаѣ эта мундирная реформа была не болѣе радикальна, чѣмъ таковая же Петра Великаго, рѣзавшаго не только фалды, но и бороды у своихъ подданныхъ.

Первымъ же приказомъ Императора Павла отъ 7 Ноября 1796 г., начинавшимся извѣстнымъ „*пароль — Полтава*“, Кутлубицкой вмѣстѣ съ генераломъ Плещеевымъ и Шуваловымъ, бригадиромъ Ростопчинымъ и (произведеннымъ въ майоры) Нелидовымъ, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю; и такимъ образомъ остался при немъ тѣмъ же, чѣмъ былъ при Наслѣдникѣ.

Черезъ 2 дня (приказомъ 9 Ноября 1796 г.) онъ былъ зачисленъ подполковникомъ въ Гвардейскую Артиллерію вмѣстѣ съ Кацевичемъ, Гессе и Апрѣлевымъ.

Занявъ помѣщеніе въ Дворцѣ, Кутлубицкой неустанно исполнялъ самыя разнородныя порученія Императора, не имѣя отдыха даже ночью.

Изъ данныхъ ему тогда порученій съ его словъ записаны Ханенкой—выселеніе изъ Петербурга за уродство горбатой польской графини, экстренное Собраніе Сената съ приказомъ Куракину „не выпускать сенаторовъ изъ присутствія“, пока не будетъ разрѣшено залежавшееся дѣло; объявленіе Платону Александр. Зубову о подаркѣ ему дворца на Морской ко дню его рожденія, поѣздка въ Москву передъ Коронаціей для примиренія Архарова съ Кн. Долгорукимъ, съ полномочіемъ посадить младшаго генералъ-губернатора „подъ Ивановскую колокольню“, если этого примиренія не послѣдуетъ, и пр.

Чтобы исполнять всѣ эти порученія, конечно, не требовалось „ума государственнаго“, но нужны были молодость, неутомимость, большой запасъ внимательности и находчивости, которыя и были на лицо у Н. О. Кутлубицкаго.

За удачное исполненіе особо важныхъ въ глазахъ Павла порученій, онъ цѣловалъ Кутлубицкаго въ лобъ, а иногда давалъ и орденъ; такъ извѣстно, что Анну 2 ст. Государь далъ за поѣздку въ Москву къ Долгорукому и Архарову, снявъ этотъ орденъ съ себя.

Особенностью исполненія всѣхъ этихъ порученій являлось то, что Кутлубицкому всегда удавалось исполнять ихъ миролюбиво, чѣмъ довольны были и стороны и самъ Императоръ.

Не будучи еще совершеннолѣтнимъ, Кутлубицкой уже успѣлъ заслужить о себѣ отзывъ Саблукова, что „подполковникъ Кутлубицкой часто рискуетъ своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ Императора, чтобы спасать отъ наказанія молодыхъ офицеровъ“... Въ исторіи Гвардейской Артиллеріи также записано, что благодаря Кутлубицкому „спасена судьба многихъ офицеровъ, полезныхъ для государства“...

Рѣдко-симпатичный отзывъ хоть бы и не для того суроваго времени. Николай Осиповичъ это—Нелидова въ ботфортахъ, но тогда онъ былъ моложе ея почти вдвое.

Записныя книжки Кутлубицкаго того времени явно указываютъ, что и деньги свои онъ раздавалъ въ долгъ, или безъ отдачи нуждающимся офицерамъ; въ нихъ то и дѣло попадаются записи:

Бѣдному штабъ-офицеру дано	25 руб.
Семьѣ бѣднаго офицера дано.	100 руб.
Бѣдному капитану Ф. подъ судомъ	50 руб.
Подпоручику Васильковскому (въ долгъ). . . .	100 руб.
Молодому Мигаю, выпущенному въ офицеры. .	100 руб.
Гудовичу въ долгъ	240 руб.
Подпоручику Игнатьеву	500 руб.
И такъ далѣе....	

Кутлубицкой крѣпко помнилъ завѣтъ П. А. Румянцева-Задунайскаго, сказанный ему передъ отъѣздомъ изъ Малороссіи въ Гатчино: „*Проси у Государя за всѣхъ и для всѣхъ*, но чтобъ для себя языкъ твой не заикался. А когда угодно будетъ Богу наградить тебя черезъ Царя, то онъ и наградитъ“.

Какъ бы въ подтвержденіе этого добраго завѣта, черезъ день послѣ своего совершеннолѣтія Кутлубицкой получилъ отъ Императора 1000 душъ крестьянъ въ Нижегородской губерніи, что сразу сдѣлало

его вполнѣ обезпеченнымъ человѣкомъ, и онъ сталъ помогать своей семьѣ.

На богато разрисованномъ золотомъ и акварельными красками широкомъ пергаментѣ, украшенномъ по краямъ гербами областей и губерній, послѣ полнаго титула Императора, помѣщеннаго подъ Государственнымъ Гербомъ, между прочимъ указано:

„Объявляемъ симъ, что Мы 1796 года Декабря 4 дня въ воздаяніе усердія къ Намъ и ревности къ службѣ Нашей, оказанныхъ по бытности при Насъ подполковника Николая Кутлубицкаго, Всемилостивѣйше пожаловали ему въ вѣчное и потомственное владѣніе 1000 душъ . . . . . .“ и далѣе: „а 1797 г. Февраля въ 12-й день въ число оныхъ назначили къ отдачѣ ему Нижегородской губерніи, Лукояновской округи дворцовыя деревни Березовку, Алемаево, Костянку и Крапивки съ принадлежащими по дачамъ къ онымъ селеніямъ землями и угодіями“.

Кутлубицкому не было времени взглянуть и распорядиться отведенными ему землями, и въ роль распорядителя имѣніями вступилъ его отецъ, пріѣхавшій изъ Малороссіи. Вотъ какъ онъ писалъ по этому случаю своему сыну въ Маѣ 1797 года изъ Нижняго-Новгорода:

„Другъ мой Николай Іосифовичъ.

По отъѣздѣ Вашемъ, проводилъ я истиннаго нашего пріятеля Батиль-Бея въ его путь *), который просилъ меня, чтобы не оставлять его нашими извѣщеніями, надписывая оныя въ полуостровъ Крымскій въ Карасу-Базарѣ, о чемъ и прошу Васъ не поупомнить и почаще къ нему писывать, чтобъ онъ также продолжалъ и впредь, ибо Вамъ извѣстно къ намъ его расположеніе.

А потомъ, собравшись за помощью Всевышняго, прибылъ я благополучно въ губернскій здѣшній городъ, въ которомъ пріобрѣлъ здѣшняго губернатора Андрея Лаврентьевича Львова съ такимъ искреннимъ ко мнѣ расположеніемъ, что повѣрьте, другъ мой, такого рѣдкостнаго человѣка въ нынѣшнія времена сокровищемъ поставлять должно.

---

*) Вѣроятно, одинъ изъ бывшихъ крымскихъ хановъ, прибывшій въ Москву на коронацію Павла. Отецъ Кутлубицкаго повидимому былъ знакомъ съ нимъ по дѣламъ Иностранной Коллегіи, будучи при посольствахъ во время Румянцева.

Онъ изволилъ меня обвозить по всѣмъ находящимся здѣсь рѣдкостямъ и не меньше познакомилъ меня съ обитающимъ здѣсь благороднымъ обществомъ, которое я нашелъ не нашимъ хохламъ подобное. Нынѣшній день онъ отправилъ въ наше владѣніе, которое положено въ Арзамасской округѣ, двухъ землемѣровъ и самъ обѣщалъ тамъ быть; нужно всѣ ситуаціи на планы снять, а послѣ выдѣлку намъ принадлежащаго учинить и людямъ всѣмъ по мѣркѣ удѣлить, то, мой миленькій, и я долженъ буду всю окружность осмотрѣть и намъ принадлежащее выдѣлить, чтобы впослѣдствіи не могло быть отъ того урону. По прибытіи же изъ деревни не оставлю наборъ учинить и нужныхъ рекрутъ не омѣшкаю къ Вамъ доставить.

Старайтесь матушку[1]) до повороту моего къ Вамъ сколько возможно забавлять и не оставьте познакомить ее въ домѣ благодѣтеля нашего Льва Александровича[2]), съ Мариной Іосифовной и ея дочерьми и другими домами. Не укосните и сами почаще бывать у Ивана Григорьевича Сумбатова, котораго я просилъ о домѣ чтобы купить, когда въ Ломбардѣ съ аукціона продавать будутъ. Для выбора его попросите г-на Яковлева—человѣка опытнаго, которому свидѣтельствую мое почтеніе. Выполнилъ ли онъ свое ко мнѣ обѣщаніе? Буде же нѣтъ, то матушку съ его домашними не знакомьте, а буде выполнилъ,—то прошу тѣсную дружбу завесть. (Sic!).

Ивана Григорьевича Киселевскаго сынъ—при Иностранной Коллегіи вакцинъ, котораго прошу жаловать и о немъ попеченіе, какъ о родственникѣ, не оставьте у князя Александра Борисовича[3]).

Такихъ людей имѣйте въ незабвенной памяти, чтобы избавиться отъ тѣхъ, кто нынѣ при Васъ находится[4]).

Далѣе отецъ пишетъ:

„Въ Измайловскомъ полку есть сержантъ Мошинскій, дитя лѣтъ 17, у котораго мать бѣдная вдова. Она просила меня не оставить его

---

[1]) Мачеха Николая Осиповича Анна Петровна, рожденная Миклашевская. по 1-му мужу Рославцева; 2-я жена І. Гр. Кутлубицкаго.

[2]) Л. А. Нарышкинъ, шталмейстеръ Петра III, который про это царствованіе говорилъ: „c'est le règne de la folie; tout notre temps se passe à manges, boire et fair des folies". (Замѣтки Екатерины Великой).

[3]) А. Б. кн. Куракинъ, вице-канцлеръ.

[4]) Большой афронтъ для 20-лѣтняго Генералъ-Адьютанта. Паненька его былъ повидимому человѣкъ практическій.

своимъ ходатайствомъ. Я знаю ихъ по бывшему нашему имѣнію Галіонкѣ.

Еще Вы, другъ мой, не оставьте отъ себя написать письмо здѣшнему Губернатору Львову за оказанную имъ мнѣ благосклонность, а записки Софьи Ильинишны генеральши Максимовичевой [1]) ради Бога не упомните; она ему сестрица и онъ просилъ у Васъ за нее ходатайствовать у Палицына, чтобы въ ея справедливости Марковичъ ее не обидѣлъ. А такъ какъ *она и Вамъ по покойному дядѣ тетка*, то Вы по долгу родственника усиленное въ ея пользу стараніе употребите“...

„Съ здѣшней Казенной Палаты за первую половину года оброкъ 1647 р. 1 к. получилъ и съ онаго доставляю Вамъ 500 руб., изъ которыхъ Вы удѣлите матушкѣ 200 и не упомните о сестрицѣ Вашей—Варварѣ, и больше всего пекитесь о пребываніи ея въ пансіонѣ и не оставьте обучать ее рисованію. Впрочемъ, я отдаю все сіе благорасположенію Вашему и надѣюсь, что Вы объ нихъ примете всѣ тѣ мѣры, которыя въ текущее время могутъ быть для нихъ полезны“.

„Не забудьте сами у барона Васильева [2]) *выстрапать* оброку за прошлый годъ, который былъ уже внесенъ въ казну: въ Петербургѣ ли Вамъ выдадутъ или въ Нижній-Новгородъ предпишутъ“.

„Если не выѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ г. Тумановъ, прошу ему кланяться, а также и Алекс. Фед. Башіеву. Побывайте у г. Гибонь (?) и скажите ему, что Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ стараніе по дѣлу его имѣть обѣщалъ. За отца Василія Тишковскаго я лично просилъ того же Сиверса, и онъ обѣщалъ все выполнить. Передайте мое привѣтствіе Ивану Павловичу [3]) и др. А затѣмъ пожелавши Вамъ отъ искренности моей всѣхъ благъ какъ внѣшнихъ, такъ и вѣчныхъ, пребываю Вашимъ искреннимъ и истиннымъ другомъ. *Іосифъ Кутлубицкій*“.

„P. S. А Лукѣ Григорьевичу прошу сказать, чтобы не часто учащалъ къ г. Яковлеву и особливо чтобы *плясокъ не производилъ*, пусть вспомнитъ, что уже не молокососъ [4]).

[1]) Вдова Генералъ-Майора Максимовичъ въ коронацію Павла получила 293 души въ Малороссіи, какъ то видно изъ списка наградъ 5 Апрѣля 1797 г. Этой выпиской между прочимъ устанавливается родство Кутлубицкаго съ Максимовичами.

[2]) Впослѣдствіи Графъ, Министръ Финансовъ, а пока Начальникъ Главнаго Казначейства.

[3]) Кутайсову.

[4]) Лука Григорьевичъ—дядя Ник. Осип.—поручикъ Луганскаго пикинернаго полка.

Межъ тѣмъ напутствіе Графа Румянцева по отношенію къ Кутлубицкому сбывалось быстро: на второй мѣсяцъ царствованія уже къ 1 Января 1797 г. онъ былъ пожалованъ Генералъ-Адъютантомъ съ производствомъ въ Генералъ-Майоры, прямо изъ подполковниковъ, минуя чины полковника и бригадира, что даже въ царствованіе Павла являлось событіемъ исключительнымъ; это дало поводъ Николаю Осиповичу отшучиваться отъ любопытныхъ—на вопросъ,—за что онъ такъ быстро попалъ въ генералы,—что его Государь „обошелъ двумя чинами“; каковой отвѣтъ въ свою очередь далъ поводъ записать Лопухину нелѣпость про генералъ-аншефа, которая до сего времени повторяется въ біографіи Кутлубицкаго *).

Этотъ „обходъ двумя чинами“ Кутлубицкаго Государь пріурочилъ къ 1 Января 1797 г.,—предполагаемый день заключенія Павла въ замокъ Лоде... По крайней мѣрѣ такъ тогда говорили.

Одновременно съ Кутлубицкимъ пожалованы были Генералъ-Адъютантами къ Государю Князь Шаховской, Неплюевъ и Баратынскій.

Въ Апрѣлѣ того же года, на коронацію, Кутлубицкой получилъ орденъ Св. Анны 1-го класса, на 5-мъ году службы въ офицерскихъ чинахъ, будучи 21 года отъ роду.

Порученія, даваемыя съ этихъ поръ Кутлубицкому Государемъ, принимаютъ болѣе широкій и отвѣтственный характеръ.

Павелъ сталъ пользоваться Кутлубицкимъ для инспекторскихъ смотровъ войсковыхъ частей, крѣпостей и различныхъ снабженій по артиллерійской и инженерной части.

---

*) Въ бумагахъ Н. О. Кутлубицкаго между прочимъ сохранился слѣдующій приказъ относящійся къ этому времени:

„Указъ Его Императорскаго Величества изъ Государств. военной коллегіи. Господину Генералъ-Майору и Кавалеру Кутлубицкому. № 236 отъ 5 Января 1797 года:

Во Всемилостивѣйшемъ Е. И. В. приказѣ въ первый день сего Генваря, отданномъ при паролѣ Е. И. Выс. Александру Павловичу и копіи въ военную коллегію отъ Президента ея Генералъ-Фельдмаршала Графа Николая Ив. Салтыкова для надлежащаго исполненія, между прочимъ написано: „Его Императорское Величество Всемилостивѣйше жалуетъ находящагося при немъ флигель-адъютанта подполковника Кутлубицкаго въ Генералъ-Адъютанты *съ чиномъ генералъ-майора*“ Государ. воен. коллегія приказала: Васъ, г. Генералъ-Майоръ, на сей пожалованный Вамъ чинъ привести къ присягѣ. (Въ тѣ времена присяга давалась вновь при каждомъ производствѣ).

14 Ноября 1797 г. Павелъ снабдилъ его двумя чистыми бланкетами за своей подписью „на случай могущихъ быть отъ Его Имени распоряженій“ и вручилъ собственноручный рескриптъ, которымъ поручалъ Кутлубицкому произвести осмотръ крѣпостей, пограничныхъ съ Турціей, и войскъ, находящихся подъ начальствомъ Генералъ-Фельдмаршала Гр. Салтыкова и полныхъ Генераловъ—Беклешова, Розенберга, Михельсона, Дунина и Апраксина.*) На другой же день Кутлубицкой выѣхалъ изъ Петербурга, взявъ съ собой черезъ Румянцева 20 тысячъ рублей изъ банка подъ залогъ пожалованныхъ ему имѣній, большую часть которыхъ онъ роздалъ бѣднымъ семействамъ офицеровъ отъ имени Императора.

18 Ноября онъ доносилъ уже государю изъ Суража о произведенномъ имъ смотрѣ кавалеріи. 19 Ноября доносилъ изъ Витебска, 20-го изъ Могилева, 30-го изъ Каменецъ-Подольска, въ Декабрѣ изъ Очакова, въ Январѣ изъ Херсона, изъ Александровской крѣпости, Петропавловской крѣпости, изъ Черкасска, Бахмута, въ Февралѣ изъ Елисаветграда и т. д.

Застигнутый въ дорогѣ водополью, онъ писалъ Растопчину 15 Февраля 1798 года:

М. Г. Ѳедоръ Васильевичъ.

Буде, паче чаянія, Е. И. В. изволитъ сказать, что я долго очень ѣзжу, то прошу вѣрноподданнически доложить Е. И. В., что мнѣ никакъ нельзя скорѣе поспѣть объѣздить, ибо по причинѣ здѣшняго климата и здѣшнихъ горъ бываетъ перемѣнная погода, что со мной и случилось, когда сдѣлалась оттепель и снѣгъ весь въ 10 часовъ протаялъ, то промежду горъ такія сдѣлались рѣки, что никакъ переѣхать было нельзя до тѣхъ поръ, пока вся вода не сбѣжала, и я принужденъ былъ до 12 числа сего мѣсяца жить въ чистомъ полѣ подъ Елисаветградомъ; и я не знаю, какъ буду впередъ ѣхать: рѣки вездѣ разлились, мосты посрывало и плотины также. То и прошу Васъ, М. Г., если Е. И. В. будетъ объ этомъ говорить, доложить, чѣмъ чувствительно обязать извольте.“

---

*) Этотъ рескриптъ, сохранившійся въ бумагахъ Кутлубицкаго, сообщенъ въ Русской Старинѣ 1898 г. Въ Сентябрѣ 1836 года Ник. Осип. посылалъ этотъ рескриптъ Императору Николаю Павловичу вслѣдствіе его просьбы, и онъ былъ возвращенъ Кутлубицкому Николаемъ Павловичемъ черезъ Лонгинова при письмѣ отъ 29 Сентября 1836 года.

Всѣ донесенія Кутлубицкаго Императору заключаютъ въ себѣ не только благожелательные отзывы о всѣхъ начальникахъ войсковыхъ частей, каковыя онъ находилъ всегда въ отличномъ, хорошемъ и порядочномъ состояніи, но и довольно рѣшительныя мнѣнія о негодности крѣпостей и ихъ вооруженія... Тамъ же приведены иногда обоснованныя распоряженія о переводѣ войскъ изъ одной стоянки въ другую, вынужденный осмотръ крѣпости, его инспектированію не подлежащей, и др. самостоятельныя рѣшенія и дѣйствія, доказывающія не только инціативу инспектирующаго, но и то, что онъ не боялся нарушить букву устава, когда это требовалось измѣнявшимися обстоятельствами.

Едва ли не самое интересное въ донесеніяхъ Кутлубицкаго съ бытовой стороны, это заключительная часть донесенія его изъ Александровской крѣпости отъ 14 Января 1798 года, за № 197, въ которой указано: „Также нашелъ я здѣсь Абрамова полка майора Банка, который Всемилостивѣйше пожалованъ въ подполковники и назначенъ комендантомъ въ Ново-Двинскую крѣпость. Но оный Банкъ не только чтобы ѣхать, но даже и ходить не можетъ и уже шесть лѣтъ какъ боленъ ранами и ломотой въ костяхъ и во всемъ тѣлѣ. Правая нога у него вся изранена, да и правымъ глазомъ совсѣмъ не видитъ...“

На это сообщеніе послѣдовала резолюція Павла: „Банка оставить тамъ, а на мѣсто его въ коменданты другого.“ *)

Въ эту командировку генералъ-адъютантъ Кутлубицкій могъ бы широко удовлетворить своему честолюбію, если бы таковое было у него развито въ ущербъ другимъ свойствамъ: ему не исполнилось еще 22 лѣтъ, а ревизіи его подлежали пять полныхъ генераловъ и одинъ генералъ-фельдмаршалъ (Салтыковъ).

Чистые бланкеты за подписью Императора были у него въ карманѣ, но Кутлубицкой, какъ извѣстно, возвратилъ Павлу оба бланкета неиспользованными, нашелъ войска въ порядкѣ, а найденныя неисправности устранилъ личнымъ распоряженіемъ; и только крѣпости и ихъ вооруженіе признаны были подлежащими исправленію, въ чемъ конечно не могло быть прямыхъ виновниковъ.

Павелъ былъ очень доволенъ результатомъ ревизіи Кутлубицкаго, въ которой тотъ пробылъ почти шесть мѣсяцевъ, радовался, что „ни-

*) Исторія Государевой Свиты.

кого не сдѣлалъ несчастнымъ черезъ эту ревизію“ и повелъ Николая Осиповича къ Императрицѣ, которой повторилъ тѣ же слова.

24 Іюня 1798 г. за эту поѣздку Кутлубицкой 22 лѣтъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ Его Императорскаго Величества.*)

Сообщилъ **И. Бронскій.**

*) Въ бумагахъ Кутлубицкаго отъ этого времени сохранился нижеслѣдующій приказъ изъ Госуд. военной коллегіи *отъ 25-го Іюня* 1798 г., № 10647.

„По Высоч. Его И. Вел-ва приказу, отданному въ 24 день сего Іюня, между прочимъ написано: „Его Им. Вел-ва Генералъ-Адьютантъ Кутлубицкій Всемилостивѣйше жалуется въ Генералъ-Лейтенанты и опредѣляется въ свиту ЕгоИмператорскаго Величества.

Государ. Коллегія приказала: чтобы Вы, господ. Генералъ-Лейтенантъ, на сей пожалованный Вамъ чинъ учинили надлежащимъ образомъ присягу...“

ВОСПОМИНАНІЯ КАРОЛИНЫ КАРЛОВНЫ ЭШЛИМАНЪ

I. Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ

Въ двухъ верстахъ отъ города Ялты, въ углу, гдѣ отъ Симферопольскаго шоссе отдѣляется въ глубь лѣса живописная горная дорога къ новымъ массандровскимъ подваламъ, пріютилась небольшая двухъэтажная дача. Ея балконы и террассы цѣпко обхватили упругіе стволы пышно разросшейся глициніи, по южной и западной сторонамъ до самой черепичной крыши всползли по стѣнамъ лозы плодоноснаго винограда. Громоздкая старинная мебель краснаго дерева внутри дома, книги въ старыхъ сафьянныхъ переплетахъ, старые портреты и гравюры—все говоритъ здѣсь о прошломъ и даже о далекомъ прошломъ, о томъ времени, когда Южный берегъ не зналъ еще алчной суеты теперешней жизни, когда устраивались здѣсь надолго, а потому прочно; устраивались здѣсь для себя, а не для людей,—ради быстрой наживы, и самаго безцеремоннаго и назойливаго обиранія легкомысленной пріѣзжей публики. Эта дача—владѣніе г-жи Эшлиманъ, милой старушки, тихо доживающей свои дни въ родномъ ей уголкѣ; въ уголкѣ, гдѣ все говоритъ ея сердцу о далекихъ дѣтскихъ годахъ, о пережитыхъ нѣкогда юношескихъ впечатлѣніяхъ, о тѣхъ дорогихъ и близкихъ людяхъ, прахъ которыхъ уже десятки лѣтъ мирно почіетъ въ матери сырой землѣ.

Хотя старушка Каролина Карловна Эшлиманъ живо интересуется событіями современной жизни, но ея душа, ея помыслы безраздѣльно

слились съ тѣмъ давнимъ прошлымъ, когда на Южномъ берегу, тогда еще дикомъ и мало населенномъ, волновали русскихъ піонеровъ этого края другія мысли. Подолгу и охотно разсказываетъ старушка о великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, о баронессѣ Крюденеръ, о кн. А. И. Голицынѣ, объ академикѣ Кеппенѣ и его семьѣ, многихъ вспоминаетъ она,—многихъ изъ тѣхъ, чьи имена давно стали достояніемъ исторіи.

Дача К. К. Эшлиманъ называется по-татарски „Планжи-Сарай“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „Домъ-Архитектора“. Стараго „планжи“-архитектора Карла Ивановича Эшлимана нѣкогда знали всѣ обыватели Южнаго берега. Имъ были воздвигнуты первыя казенныя сооруженія въ Ялтѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ, церковь въ Кореизѣ и старый ялтинскій соборъ, а также сгорѣвшій дворецъ великаго князя Константина Николаевича въ Ореандѣ, живописными развалинами котораго ежегодно любуются тысячи путешественниковъ.

Каролина Карловна разсказываетъ исторію водворенія семьи Эшлиманъ въ Крыму:

—„Въ жизни нашей семьи большую роль играетъ случай. И мой отецъ и моя мать уроженцы Швейцаріи. Отецъ мой родомъ изъ кантона Берна изъ городка Бургдорфа, гдѣ старый грозный замокъ съ хранящимся въ немъ вооруженіемъ и утварью Среднихъ вѣковъ хранитъ стародавнія преданія о кровавыхъ временахъ фоговъ. Моя мать родомъ изъ городка Шафгаузена, куда низвергающіяся со скалъ воды знаменитаго Рейнскаго водопада привлекаютъ туристовъ изъ всѣхъ странъ Европы. Отецъ родился въ 1808 году. Блестяще окончивъ мѣстную гимназію (kantonalschule), онъ отправился для изученія архитектуры въ Парижскую академію художествъ и закончилъ тамъ свое образованіе, получивъ прекрасный дипломъ. Послѣ того отецъ нѣкоторое время частнымъ образомъ практиковалъ въ Бернѣ, а затѣмъ получилъ должность помощника городского архитектора. Случайно ему попался въ руки номеръ газеты, въ которомъ одно знатное и богатое семейство приглашало подходящее лицо сопутствовать ихъ сыну, отправлявшемуся на югъ Россіи. Отца заинтересовало это странное объявленіе и онъ пошелъ по указанному въ газетѣ адресу. Молодой иностранецъ, нуждавшійся въ спутникѣ и ментерѣ, былъ испанскій графъ Ошандо-де-ла-Банда. Онъ ѣхалъ въ Крымъ, на Южный берегъ, въ имѣніе Кореизъ, принадлежавшее тогда княгинѣ Аннѣ

Сергѣевнѣ Голицыной, урожденной Всеволожской. Она хорошо была знакома съ семьею графа Ипандо-де-ла-Банда по Швейцаріи и, когда узнала, что врачи посовѣтовали молодому графу отправиться на излеченіе въ теплыя страны, пригласила его къ себѣ на зимовку въ Кореизъ.

Хотя мой отецъ по счету явился 29-мъ кандидатомъ, изъ заявившихъ желаніе сопутствовать графу, и былъ наиболѣе молодымъ изъ нихъ, родители больного юноши предпочли его другимъ. Вскорѣ молодые люди тронулись въ далекій путь. Ѣхали они въ дорожной каретѣ, нарочно на этотъ случай пріобрѣтенной. Путь лежалъ черезъ Вѣну на Одессу. Тамъ мой отецъ долженъ былъ передать съ рукъ на руки молодого графа директору пансіона г. Жерару. Г. Жераръ отказался везти графа въ Корензъ, такъ какъ въ это время въ пансіонѣ производились экзамены. Онъ попросилъ моего отца доставить графа въ Крымъ. Отцу волей неволей пришлось согласиться. Въ іюлѣ 1828 года молодые путешественники благополучно добрались до Коренза. Княгиня Голицына любезно встрѣтила отца и пригласила его остаться погостить у нея, обѣщая доставить ему выгодную работу.

Мой отецъ, имѣвшій возможность близко узнать княгиню, разсказывалъ много любопытнаго объ этой интересной женщинѣ. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка на Южномъ берегу Крыма водворились самые видные члены мистическаго кружка, который во вторую половину царствованія императора Александра Благословеннаго, пріобрѣлъ такое громадное вліяніе на впечатлительнаго государя *). Въ этомъ кружкѣ мистиковъ видную роль играла княгиня Анна Сергѣевна Голицына. Это, по разсказамъ отца, была очень странная женщина. Уже самый ея бракъ вызывалъ много разговоровъ. Тотчасъ послѣ вѣнца княгиня передала своему мужу портфель, наполненный деньгами, этотъ портфель она держала въ рукахъ во все время обряда вѣнчанія, и заявила ему: „здѣсь, князь, половина моего приданаго, вы возьмете это себѣ, а засимъ—позвольте съ вами проститься и пожелать вамъ всего наилучшаго: каждый изъ насъ пойдетъ своей дорогой. И вы и я сохранимъ полную свободу дѣйствій“. Князь немедленно уѣхалъ, княгиня нѣкоторое время жила въ Петербургѣ, а затѣмъ поселилась въ Кореизѣ, куда съѣзжались къ ней ея многочисленные

*) Это были: министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. Александръ Ник. Голицынъ, учредитель въ Россіи Библейскаго Общества, знаменитая баронеса Варвара-Юліана Крюднеръ и другіе.

друзья, въ ихъ числѣ было много иностранцевъ. Между прочимъ, у нея долго гостила графиня Ламоттъ, сыгравшая такую позорную роль въ извѣстной исторіи съ ожерельемъ несчастной французской королевы Маріи-Антуанеты *).

Въ гостинной, гдѣ принимала княгиня гостей, на изящномъ столикѣ неизмѣнно лежало Евангеліе. Каждаго приходившаго къ ней, княгиня заставляла прочитывать главу изъ Св. Писанія. Но это нисколько не мѣшало княгинѣ собственноручно на конюшнѣ жестоко пороть плеткою своихъ провинившихся крѣпостныхъ и, когда мой отецъ, возмущенный ея жестокимъ обращеніемъ съ дворовыми людьми, высказалъ ей свое удивленіе и осужденіе, княгиня, любезно улыбаясь, на изящномъ французскомъ языкѣ отвѣтила ему:

„Monsieur Эшлиманъ, прошу васъ для себя немножко больше снисхожденія и немножко больше любезности“.

Княгиня подчасъ давала и болѣе рѣзкіе отвѣты. Такой отвѣтъ получилъ между прочимъ таврическій губернаторъ Казначеевъ, человѣкъ въ высшей степени добрый и стремившійся обуздать произволъ именитыхъ владѣльцевъ крымскихъ латифундій. Владѣнія княгини не были огорожены, татарскій скотъ иногда переступалъ границу имѣнія, а еще чаще пасся на спорныхъ участкахъ. Княгиня пристрѣливала облюбованныхъ ею животныхъ и убитую скотину свѣжевала и отправляла въ свои погреба. Губернатору во множествѣ поступали жалобы на нее отъ татаръ сосѣднихъ деревень. Казначеевъ счелъ нужнымъ объясниться съ княгиней и отправился въ Кореизъ.

„Княгиня, обратился онъ къ ней: ко мнѣ поступаетъ отъ татаръ много жалобъ на васъ. Вы убиваете ихъ скотъ; я попрошу васъ больше этого не дѣлать“.

Анна Сергѣевна, въ упоръ смотря на губернатора, молчала. Казначеевъ повторилъ свою просьбу.

„Ты—дуракъ“, оборвала его княгиня и вышла изъ комнаты.

Вышло такъ, что моему отцу пришлось загоститься у княгини значительно дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. Въ 1829—30 годахъ на

*) Это извѣстіе подтверждаетъ и Вигель въ своихъ „Запискахъ“ (III кн., часть VII, стр. 6—7) и баронесса М. А. Боде, воспоминанія которой были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1882 годъ (кн. 3-я).

югѣ Россіи свирѣпствовала чума, дорога въ Одессу была закрыта, между тѣмъ тамъ у г. Жерара оставлены были и бумаги и вещи молодого архитектора. Отецъ томился вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Княгиня передавала ему кое какія работы, но они слишкомъ мало отнимали у него времени. Между тѣмъ прибылъ въ Крымъ намѣстникъ Кавказа и главный начальникъ Новороссійскаго края графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, впослѣдствіи князь. Княгиня представила моего отца графу. Хорошо образованный и воспитанный швейцарецъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на могущественнаго русскаго сановника. Графъ Воронцовъ заявилъ Эшлиману, что онъ не отпуститъ его на родину и устроитъ на службу въ Крыму. И, дѣйствительно, по представленію намѣстника, вскорѣ учреждена была должность казеннаго архитектора Южнаго берега Крыма. Карлу Ивановичу предложили занять эту должность. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ согласился и съ этого времени окончательно содѣялся гражданиномъ Россійской имперіи. Первая казенная постройка, возведенная имъ, была временная деревянная карантинная застава въ Ялтѣ.

Графъ Воронцовъ до самой смерти не переставалъ благоволить къ моему отцу и не стѣснялся посвящать его въ свои самыя интимныя дѣла. Графъ сильно увлекался Нарышкиной, урожденной графиней Потоцкой. По его порученію строилъ мой отецъ домъ для Нарышкиной въ Мисхорѣ и часто молодой архитекторъ выслушивалъ приказанія намѣстника, когда тотъ стоялъ на колѣняхъ передъ ней. Выстроенный имъ домъ до сихъ поръ существуетъ въ Мисхорѣ.

Нѣсколько второстепенныхъ построекъ возвелъ отецъ и для самаго намѣстника въ его имѣніи Алупка; главныя же постройки и знаменитый алупкинскій замокъ были выстроены по проекту англійскаго архитектора Блора. Двѣнадцать лѣтъ трудились надъ его постройкою итальянскіе мастера подъ руководствомъ архитектора Гонта. Матерьяломъ служилъ мѣстный зеленый гранитъ. Какъ то разъ мой отецъ спросилъ графа Воронцова, въ какую сумму обошелся алупкинскій дворецъ.

—„Онъ мнѣ стоитъ очень дорого, отвѣтилъ графъ Воронцовъ, первоначально я записывалъ суммы отпускаемыя на его постройки, но когда расходы превысили милліоны, я пересталъ ихъ записывать, такъ какъ не хочу знать во что онъ мнѣ обошелся“.

Мой отецъ всегда съ большой похвалой отзывался о графѣ Воронцовѣ.

II. Семья Мауреръ.

Каролина Карловна разсказываетъ исторію семьи своей матери:—„Случай забросилъ моего отца въ Россію, передаетъ она, такой же случай привелъ сюда-же нѣсколько ранѣе и мою мать. Ея отецъ, а мой дѣдъ, г. Мауреръ, занималъ на родинѣ большую должность. Его считали краснымъ, и когда палъ Наполеонъ, противники, не взирая на большія заслуги моего дѣда, удалили его съ занимаемой имъ должности. На него это такъ сильно подѣйствовало, что онъ занемогъ и умеръ. Послѣ того моей бабкѣ сталъ ненавистенъ Шафгаузенъ и она только о томъ и думала, какъ бы покинуть городъ, гдѣ она такъ много выстрадала за любимаго человѣка. Однажды подъ вечеръ къ ней въ домъ вошла незнакомая дама.

„Меня преслѣдуетъ по пятамъ полиція, заявила она: я вынуждена скрываться. Разрѣшите сегодняшнюю ночь переночевать у васъ; вы этимъ окажете мнѣ величайшую услугу. Завтра на разсвѣтѣ я оставлю вашъ домъ“.

Моя бабка была немало смущена визитомъ и просьбою дамы, но тѣмъ не менѣе не захотѣла отказать иностранкѣ въ пріютѣ. Дама заночевала у насъ. На утро она попросила мою бабушку, чтобы та разрѣшила ея дочери, а моей теткѣ Еленѣ Яковлевнѣ проводить ее до городскихъ воротъ. Теткѣ моей было тогда всего 17 лѣтъ, она только что кончила институтъ Песталоцци. Бабушка разрѣшила. Передъ уходомъ гостья открыла свое имя—это была знаменитая баронесса Крюднеръ, имѣвшая одно время такое громадное вліяніе на императора Александра Перваго. У городскихъ воротъ баронесса попросила мою тетку проводить ее до границы кантона. Тетка была въ возрастѣ, когда дѣвушка легко подчиняется чужому вліянію, а баронесса обладала свойствомъ увлекать и подчинять своей волѣ даже сильные мужскіе характеры. На границѣ кантона г-жа Крюднеръ уговорила Елену Яковлевну отправиться съ нею дальше.

Въ это время имя баронессы Крюднеръ гремѣло въ Швейцаріи, да и не только въ Швейцаріи, но и по всей Европѣ. Швейцарскія газеты полны были описаній ея дѣйствій. Одни ругали ее, злословили на ея счетъ, насмѣхались надъ нею, другіе, напротивъ, преклонялись передъ нею, слѣпо слѣдовали ея внушеніямъ. Въ 1816-мъ году Швейцарію и южную Германію постигъ сильный неурожай: сдѣ-

лался голодъ, онъ принялъ вскорѣ такіе ужасные размѣры, что на перепутьяхъ и по дорогамъ подбирали трупы умершихъ отъ голода; люди питались обрывками ремней, древесною корою, корнями несъѣдобныхъ растеній. Это, по разсказамъ моей матери и тетокъ, по истинѣ было ужасное время. И вотъ въ этотъ-то голодный годъ, осенью 1816-го года и зимою 1817-го года, баронесса Крюднеръ и ея друзья проявили необычайно энергичную благотворительную дѣятельность. Всюду, гдѣ появлялась баронесса, собирались толпы бѣднаго люда. Ей устраивали возвышеніе, съ котораго она говорила свои горячія проповѣди, а въ это-же время въ громадныхъ котлахъ варили пищу голодающимъ. Скопленіе массы людей вызывало нѣкоторый безпорядокъ, и правительства швейцарскихъ кантоновъ и городовые магистраты, опасаясь народнаго бунта, старались поэтому поскорѣе спровадить отъ себя неудобную гостью. Такъ странствовала она по Швейцаріи изъ кантона въ кантонъ, изъ города въ городъ, постоянно гонимая властями и полиціей. Моя тетка сопутствовала ей въ ея послѣднихъ скитаніяхъ по Швейцаріи, отъ Шафгаузена до границъ Баденскаго великаго герцогства. Отсюда баронессу и ея спутниковъ отправили въ Россію. Послѣ многихъ мытарствъ г-жа Крюднеръ и ея самые близкіе друзья, а въ числѣ ихъ была теперь и моя тетка Елена Яковлевна, добрались до Лифляндіи и поселились въ имѣніи баронессы—въ помѣстьѣ Коссе. Это было зимой 1817-го года.

Вскорѣ бабушка получила изъ Россіи письма отъ самой баронессы и отъ Елены Яковлевны, въ которыхъ обѣ настойчиво убѣждали ее перебраться въ Россію. Послѣдняя нѣкоторое время колебалась, а затѣмъ сдалась и со всей семьей переѣхала въ Россію, сперва въ Коссе.

Когда баронесса Крюднеръ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, заболѣла у себя въ имѣніи, княгиня Анна Сергѣевна Голицына уговорила ее отправиться съ нею на югъ Россіи въ Крымъ. Баронесса Крюднеръ согласилась. Весною 1824-го года княгиня А. С. Голицына, больная Крюднеръ, ея зять и дочь Беркгеймы, семья Мауреръ (моя бабушка, ея сыновья и дочери) и другія лица, рѣшившіяся поселиться въ Крыму, тронулись въ путь. Ѣхали водою по Волгѣ и по Дону. Моя мать и тетка Елена Яковлевна часто вспоминали объ этой достопамятной поѣздкѣ.

Въ Крыму моя бабушка, близъ Бахчисарая, у деревни Азекъ, на берегу рѣки Альмы, купила себѣ имѣньице. Здѣсь-то и встрѣтились

другъ съ другомъ мои родители, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этой поѣздки. По странной прихоти судьбы они, будучи кровными швейцарцами и изъ старинныхъ швейцарскихъ родовъ, неожиданно попали въ Россію и притомъ черезъ посредство двухъ знатныхъ русскихъ дамъ, стоявшихъ во главѣ тогдашняго мистическаго кружка—баронессы Крюднеръ и княгини А. С. Голицыной; между тѣмъ ни мой отецъ, ни члены семьи моей бабушки, за исключеніемъ тетки Елены Яковлевны Мауреръ, никогда не были мистиками. Послѣдняя, единственная изъ всей семьи, приняла православіе. Замужъ она не пошла и до самой смерти поддерживала дружбу и оживленную переписку со многими членами мистическаго кружка въ Россіи.

Я уже была взрослой дѣвушкой, когда однажды пріѣхала въ Азекъ. Молодежь собиралась ѣхать осматривать достопримѣчательности Бахчисарая, Успенскій монастырь и Чуфутъ-кале. Тетка Елена Яковлевна уговаривала меня остаться: она хотѣла мнѣ прочитать письма Крюднеръ и другихъ своихъ друзей (изъ нихъ уже многихъ не было въ живыхъ). По легкомыслію, свойственному тому возрасту, въ какомъ я тогда была, я предпочла ѣхать въ Бахчисарай. Послѣ того мнѣ не пришлось при жизни тетки попасть въ Азекъ, и, когда позже я спохватилась и стала разыскивать письма моей тетки, было уже поздно: я ихъ не нашла; очень можетъ быть, что по смерти Елены Яковлевны ихъ уничтожили.

Семья моей бабушки жила еще въ Кореизѣ, когда императоръ Александръ Первый вторично посѣтилъ Южный берегъ Крыма. Это было въ 1825 году, осенью. Государь остановился въ Нижней Ореандѣ, которая незадолго передъ тѣмъ была куплена имъ у графа Кушелева-Безбородки. Управляющимъ имѣніемъ былъ Фельдманъ. Въ Ореанду навстрѣчу ему собирались жители окрестныхъ селеній, въ томъ числѣ и „кореизская колонія“. Одна изъ моихъ тетокъ, Генріэтта Яковлевна Мауреръ, въ то время бывшая въ возрастѣ молодой дѣвушки, отличалась очень привлекательной наружностью. Императоръ обратилъ на нее вниманіе, онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ей руку. Когда государь поднималъ голову, локоны волосъ моей тетки упали на его густые эполеты и запутались въ нихъ. Это происшествіе очень сконфузило ее.

Прошло послѣ того немного дней и изъ Таганрога пришло, какъ громъ поразившее всѣхъ, извѣстіе о смерти великодушнаго императора. Этой смерти долго не хотѣли вѣрить, а потомъ стали ходить слухи,

что якобы государь живъ и здоровъ, но, утомленный понесенными трудами на благо своего народа и долгою войною съ Наполеономъ, добровольно сложилъ съ себя бремя правительственныхъ заботъ и ушелъ отъ міра въ невѣдомыя глухія мѣста, чтобы въ тиши и въ полной безвѣстности отдаться молитвѣ и служенію Богу".

III. Старая Ялта.

Каролина Карловна разсказываетъ о „старой Ялтѣ:—„Случайно попали мои родители въ Россію, но пожалѣть имъ о томъ не пришлось. Счастливо протекла ихъ жизнь въ новомъ отечествѣ. Счастливо она прошла и для мѣня, родившейся здѣсь въ Крыму. Въ нынѣшнемъ 1912-мъ году мнѣ минуло семьдесятъ пять лѣтъ, въ этомъ-же году столько-же лѣтъ исполнилось городу Ялтѣ. Нѣкогда греческій, потомъ генуэзскій и, наконецъ, турецкій городъ, Ялита, Джалита, Ялта послѣ присоединенія Крыма къ Россіи существовала какъ незначительное приморское поселеніе (Аутка была гораздо больше ея), и только 17-го сентября 1837 года въ силу Высочайшаго повелѣнія императора Николая Павловича переименована была въ городъ. Отецъ часто вспоминалъ событія, при которыхъ это нѣкогда маленькое селеніе съ десяткомъ какимъ нибудь жалкихъ рыбачьихъ хижинъ стала городомъ и мѣстомъ, куда устремились десятки тысячъ больныхъ, путешественниковъ, прожигателей жизни и всевозможныхъ дѣльцовъ.

Приморское селеніе Ялта обращено было въ городъ вслѣдствіе представленія новоросійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова.

Въ 1837 году на южный берегъ Крыма прибылъ императоръ Николай Павловичъ съ Августѣйшимъ семействомъ. Царская семья помѣстилась въ Алупкѣ у графа Михаила Семеновича Воронцова. Намѣстникъ, заранѣе поручившій моему отцу составить проекты плана города и будущихъ построекъ его, распорядился представить ихъ на утвержденіе Государя. Императоръ былъ не въ духѣ. А тутъ его къ тому же въ конецъ разстроилъ неудачный смотръ одного полка, только что прибывшаго съ Кавказа, которымъ управлялъ тогда генералъ Муравьевъ. Люди имѣли измученный видъ, пришли въ ободранныхъ и запыленныхъ мундирахъ. Воронцовъ уговорилъ государя сдѣлать смотръ полку. На смотру—онъ былъ устроенъ на площадкѣ надъ шоссейной дорогой идущей въ Мисхоръ—выстроенный полкъ неудачно исполнилъ команду императора и окончательно осрамился.

Государь, блѣдный отъ раздраженія, съ плеткой въ рукахъ вплотную подъѣхалъ къ сконфуженному въ конецъ командиру полка генералу Абентроту и гнѣвно сказалъ ему:

—„Генералъ, если черезъ мѣсяцъ твой полкъ не приметъ надлежащій видъ, я отдамъ тебя подъ судъ“!

Сказавъ это, онъ круто повернулъ коня и поскакалъ въ Ялту. За нимъ послѣдовала свита.

На площадкѣ, гдѣ теперь стоитъ часовня въ память бракосочетія царствующихъ нынѣ Государя и Государыни, императоръ Николай Павловичъ въ клочки порвалъ всѣ представленія генерала-губернатора о наградахъ подчиненныхъ ему лицъ и нѣкоторыя другія представленныя ему бумаги, но тогда-же повелѣлъ обратить Ялту въ городъ, очертилъ на картѣ его границы и утвердилъ составленный моимъ отцомъ планъ. Наканунѣ этого дня, 16-го сентября, освящена была только что законченная постройкою церковь во имя св. Іоанна Златоуста,—та церковь, что обычно называютъ старымъ соборомъ. Она была сооружена по Высочайшему повелѣнію на казенный счетъ. Строилъ ее мой отецъ. Церковь была выстроена въ готическомъ стилѣ. Сейчасъ и наружный и внутренній видъ ея сильно измѣненъ. Позднѣйшія постройки и перестройки нарушили ея первоначальный строго-выдержанный обликъ.

Какъ строитель церкви, мой отецъ погребенъ въ чертѣ ограды этого храма, на площадкѣ обращенной къ городу и бухтѣ. Причтъ церкви затруднялся похоронить его на этомъ мѣстѣ, но послѣдовало по этому поводу Высочайшее распоряженіе въ Бозѣ почившаго императора Александра III и отецъ мой, по вѣроисповѣданію протестантъ, нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе подъ сѣнію созданнаго имъ православнаго храма.

Изъ Ялты императоръ Николай Павловичъ на пароходѣ отбылъ въ Алупку. Онъ прогостилъ тогда на Южномъ берегу нѣсколько дней, пребывая все время въ самомъ дурномъ настроеніи. Что было причиною этого разстроеннаго душевнаго состоянія Государя, для окружающихъ его, за исключеніемъ быть можетъ графа Воронцова, да еще двухъ-трехъ облеченныхъ довѣріемъ Императора лицъ, осталось неизвѣстнымъ.

На моихъ глазахъ создавалась и росла Ялта, и, когда я вспоминаю прежнюю Ялту, тотъ маленькій тихій городокъ, который нѣкогда ютился на пригоркѣ вокругъ стараго собора и сравниваю его съ теперешней шумной, многолюдной и богатой Ялтою, я не узнаю знакомыхъ мнѣ по прежнимъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ домовъ и улицъ, все совершенно видоизмѣнилось, камня на камнѣ не осталось отъ прежней *старой Ялты*.

Тамъ, гдѣ теперь размѣщена лучшая часть города, Набережная, Виноградная и другія прилегающія къ нимъ улицы, шли табачныя плантаціи, участки засѣянные льномъ, лежали немногіе виноградники и сады. Вся часть теперешней Ялты, начиная отъ Полицейскаго моста и до Аутки—въ то время типичной деревушки горнаго Крыма,—было пустопорожнее мѣсто. И только тамъ, гдѣ теперь находится Городской садъ, поблизости отъ бурнаго во время дождей потока Учанъ-Су, сиротливо поднимался среди зелени каштановъ и боярышника одинокій, крохотный домикъ г-жи Жокмаръ. Это была француженка эмигрантка. Когда она прибыла въ Россію, я не знаю, но я помню ее въ Ялтѣ чуть ли не съ самыхъ раннихъ годовъ моего дѣтства. Это была высокаго роста, сильная и мужественная женщина. Одѣвалась она оригинально, по мужски. Носила феску, бешметъ и шаровары, на ногахъ высокіе сафьяновые сапоги. Въ привычкахъ и въ образѣ жизни она тоже предпочитала слѣдовать сильной половинѣ человѣческаго рода. Съ ружьемъ въ рукахъ смѣло отправлялась она въ горы, пробиралась по дикимъ ущельямъ и кручамъ, бродила по лѣсамъ, выслѣживая дичь и охотясь на козъ и оленей, служившихъ ей пищею; преслѣдовала лисицъ и барсуковъ. Прислуги она не держала, жила въ домѣ, никого и ничего не страшась. Умерла она 70 лѣтъ, и сколько мнѣ помнится, въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Вокругъ Ялты тянулись владѣнія вельможъ: Учъ-Чамъ, теперь принадлежащій княгинѣ М. В. Борятинской, въ то время составлялъ владѣніе графа Понятовскаго, дача г-жи Бакуниной—принадлежала Ермолову, брату извѣстнаго генерала Ермолова, героя войны 1812 года и грознаго покорителя Кавказа, Ялтинская долина—графу Мордвинову, нашъ Планжи-Сарай, бывшій тогда безыменной дачей,—графу Сухтелену, Ливадія—графу Потоцкому и Верхняя Ореанда—графу Витту.

Этотъ гр. Виттъ увлекъ красавицу графиню Собанскую. Она оставила мужа и пріѣхала въ Ореанду. Княгиня Анна Сергѣевна Голицына, узнавъ объ этой исторіи, пришла въ сильнѣйшее негодованіе.

—„При первой-же встрѣчѣ съ этой негодницей я плюну ей въ морду“! заявляла она моему отцу и другимъ.

Однако такого скандала не произошло. Увидя гр. Собанскую, княгиня въ такой мѣрѣ была очарована ея необычайно-привлекательной наружностью, что подошла къ ней, обняла ее и поцѣловала.

—„Боже, какая-же вы душечка“! сказала она ей.

Съ этого момента Анна Сергѣевна не переставала благоволить къ красавицѣ сосѣдкѣ, и когда охладѣвшій къ ней гр. Виттъ разошелся съ Собанской, бросивъ бѣдную женщину, пожертвовавшую ради него и мужемъ и общественнымъ положеніемъ, на произволъ судьбы, княгиня приняла въ ней горячее участіе и энергично хлопотала за нее.

При постройкѣ кореизской часовни—ее строилъ мой отецъ—крестъ предназначенный на ея куполъ, оказался слишкомъ громоздкимъ. На часовнѣ утвердили другой крестъ, а этотъ княгиня распорядилась поставить на одной изъ скалъ Верхней Ореанды, такъ, чтобы онъ былъ видѣнъ изъ оконъ дома графа Витта.

—„Поставьте его на горѣ,—сказала она моему отцу: пусть онъ служитъ живымъ укоромъ графу въ его поведеніи и напоминаетъ ему о днѣ Страшнаго Суда“.

Крестъ былъ утвержденъ на указанномъ мѣстѣ. На утро лучи солнца озарили яркимъ блескомъ массивъ его, чтобы освѣтить новую причуду княгини и, изумленный этимъ зрѣлищемъ, графъ Виттъ могъ снова пожимать плечами на выходки своей безпокойной сосѣдки. Крестъ этотъ стоитъ и понынѣ на томъ же мѣстѣ.

Графъ Виттъ остался на всю жизнь холостымъ. Минуя своихъ наслѣдниковъ, онъ захотѣлъ подарить Верхнюю Ореанду великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, но великая княгиня отклонила его настойчивыя просьбы принять даръ.

—Нѣтъ, графъ,—сказала она ему,—если ужъ вы такъ хотите, чтобы я владѣла Ореандою, предоставьте мнѣ ею пользоваться пожизненно, такъ какъ на иныхъ условіяхъ я не считаю себя въ правѣ принять ее; уступивъ вашему желанію я поступила бы несправедливо по отношенію къ вашимъ наслѣдникамъ“.

Вотъ почему по смерти великой княгини Елены Павловны Верхняя Ореанда перешла по наслѣдству къ родственницѣ графа—графинѣ Шуваловой, а затѣмъ къ ея дочери—княгинѣ Долгоруковой.

Властолюбивая и энергичная кн. А. С. Голицына часто вмѣшивалась въ семейныя отношенія окружающихъ ея лицъ. Баронъ Беркгеймъ не разъ жаловался моему отцу на своенравную княгиню, что та сѣетъ раздоры между супругами Беркгеймъ. Баронесса постоянно пребывала въ Кореизѣ, баронъ обычно жилъ у себя на дачѣ, въ Судакѣ, подлѣ генуэзской крѣпости. Каждый разъ, какъ онъ пріѣзжалъ въ Кореизъ, кн. Голицына принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ не оставался наединѣ съ женою. Княгиня вообще отрицала брачное сожительство между людьми.

—„Княгиня, какъ Аргусъ, слѣдитъ за мною и баронессою, ни на минуту не оставляя насъ вдвоемъ—жаловался баронъ Беркгеймъ моему отцу—я не имѣю возможности сказать женѣ съ глазъ на глазъ двухъ словъ. Кромѣ того она постоянно вооружаетъ противъ меня мою жену. Неужели я ужъ такъ плохъ? Не знаю къ чему все это приведетъ“?

Въ концѣ концовъ эти раздоры закончились полнымъ разрывомъ между супругами Беркгеймъ. Баронъ уѣхалъ въ Германію и уже не вернулся къ женѣ. Тамъ онъ вскорѣ и умеръ. Баронесса Беркгеймъ по смерти княгини Голицыной продала свои виноградники и уѣхала изъ Крыма. Говорили, что послѣ многихъ скитаній она вышла замужъ за какого-то подозрительнаго господина въ Орловской губерніи и тамъ умерла въ одиночествѣ и въ нищетѣ.

У баронессы Беркгеймъ была воспитанница; отъ нея взяла ее къ себѣ княгиня А. Бор. Мещерская. Воспитанница эта вышла очень хорошей дѣвушкой. Ее звали—Елизавета Львовна Франкъ. Она умерла чахоткою, надорвавъ себѣ голосовыя связки непрестаннымъ чтеніемъ княгинѣ книгъ. Другая воспитанница княгини имѣла иную судьбу. Княгиня Мещерская замѣтила, что дѣвушка нравится ея управляющему г. Мейеру. Однажды она спросила у нея:

—„Настя, нравится тебѣ г. Мейеръ“?

И, когда та, покраснѣвъ, отвѣтила утвердительно, княгиня при удобномъ случаѣ задала подобный же вопросъ Мейеру. Получивъ отъ

него откровенный отвѣтъ, княгиня предложила ему жениться на ея воспитанницѣ:

—„Послѣ моей смерти—добавила она—вы оба получите мою землю около Ай-Тодора (теперь „Барбо Кристо“ г-на Титушкина), а пока поѣзжайте туда и хозяйничайте тамъ“.

Поблагодаривъ свою благодѣтельницу, молодые супруги отправились въ имѣніе. Благодаря неустаннымъ трудамъ ихъ и вложеннымъ Мейеромъ его деньженкамъ, пустырь черезъ нѣсколько лѣтъ обратился въ превосходное имѣніе. Тогда благодѣтельница княгиня, отказавшись отъ своего прежняго рѣшенія, продала его князю Воронцову за 100,000 рублей. Обремененный семьею, Мейеръ потерялъ въ имѣніи и то, что раньше было имъ скоплено.

Также какъ и ея сестра—графиня Татьяна Борисовна Потемкина, владѣвшая имѣніемъ около Аю-Дага, княгиня А. Б. Мещерская очень интересовалась мистическими книгами“.

IV. Крымская война.

К. К. Эшлиманъ вспоминаетъ событія Крымской войны:—„Я очень хорошо помню это время,—разсказываетъ Каролина Карловна,—вѣдь я тогда была уже взрослой дѣвушкою; и потому отчетливо помню все пережитое въ тѣ дни. Наша семья проживала тогда у себя на дачѣ. Отецъ каждый день ѣздилъ въ городъ и привозилъ намъ новости, слышанныя имъ отъ освѣдомленныхъ лицъ. А новости эти въ большинствѣ случаевъ были грустныя. На Альмѣ русскія войска понесли жестокое пораженіе, Евпаторія и Балаклава заняты были непріятельскими войсками, славный русскій черноморскій флотъ, за годъ передъ тѣмъ одержавшій при Синопѣ блестящую побѣду, потопленъ былъ своими на рейдѣ севастопольскаго порта, а самъ Севастополь обложенъ тѣснымъ кольцомъ непріятельской арміи. О доблестныхъ подвигахъ его защитниковъ доходили вѣсти, но мало было надежды на то, что гарнизонъ многострадальнаго города, несмотря на все геройство русскихъ войскъ, выдержитъ долгую осаду и бѣшеныя атаки союзниковъ снабженныхъ къ тому-же и лучшею артиллеріей и всѣми послѣдними средствами военной техники...

Мы не знали, какъ будутъ вести себя непріятельскія войска относительно мирнаго населенія. Что-же касается турокъ, то на этотъ

счетъ сомнѣній не существовало: ихъ варварскій способъ войны и уже учиненныя мѣстами звѣрства надъ христіанскимъ населеніемъ, не обѣщали ничего хорошаго.

Отецъ принялъ мѣры къ тому, чтобы во всякое время семья наша свободно могла выѣхать во внутреннія мѣстности губерніи. На конюшнѣ постоянно стояли двѣ пары воловъ и лошади, въ сараѣ—нужные экипажи и подводы. Всѣ болѣе или менѣе цѣнныя вещи были упакованы и лежали готовыми къ погрузкѣ на подводы. Наконецъ, тревожныя ожиданія разрѣшились прибытіемъ непріятельской эскадры.

Помню,—это было 11-го октября передъ самымъ разсвѣтомъ—въ окно комнаты, гдѣ помѣщалась моя сестра и я, кто-то тревожно сталъ стучать. Наспѣхъ одѣвшись, мы вышли на дворъ узнать въ чемъ дѣло. Стучалъ нашъ дворникъ.

—Непріятель пришелъ въ Ялту, испуганно объявилъ онъ намъ: надо будить Карла Ивановича и ѣхать отсюда.

Мы распорядились пока отца не будить—могло статься, что дворникъ ошибся,—и побѣжали на ближайшій пригорокъ, что-бы оттуда самимъ наблюдать, что дѣлается въ Ялтѣ.

Мы увидѣли на рейдѣ четырнадцать военныхъ судовъ. Это была эскадра адмирала Шарнгарнье. Команда судовъ занята была промѣромъ глубины бухты.

Когда мы возвратились домой, отецъ уже былъ одѣтъ и собирался ѣхать въ Ялту. Онъ хотѣлъ на мѣстѣ собрать всѣ подробности и выяснить, что дѣлать дальше. Когда онъ пріѣхалъ туда, непріятельскій дессантъ уже занялъ своими караулами всѣ выходы изъ города, но отца пропустили безъ особенныхъ затрудненій. Непріятельскіе офицеры завѣрили его, что мирнымъ жителямъ не будетъ сдѣлано никакой обиды. И, дѣйствительно, за все взятое ими въ ялтинскихъ лавкахъ было добросовѣстно уплочено. Брали они здѣсь, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, мыло, свѣчи и кое-какіе другіе продукты. Въ Ливадіи и въ Массандрѣ забрали они сахаръ и шампанское.

Три дня пробылъ непріятельскій дессантъ въ Ялтѣ и покинулъ ее, не причинивъ жителямъ никакой обиды.

Когда заключено было перемиріе, мы опять увидѣли непріятельскихъ офицеровъ—это были англичане и французы, совершавшіе прогулки въ окрестностяхъ Ялты. Англичанъ сопровождали ихъ жены и сестры. Англійскія леди разъѣзжали на прекрасныхъ арабскихъ скакунахъ. Онѣ были въ восторгѣ отъ Южнаго берега Крыма, немало восхищались великолѣпнымъ алупскимъ замкомъ, Массандрою, Ливадіей и Ореандой. Нарядныя кавалькады англійскихъ амазонокъ, сопровождаемыхъ британскими и французскими офицерами, разъѣзжали по шоссе и повсюду вносили большое оживленіе.

Не обошлось безъ курьезовъ. Въ единственную ялтинскую гостинницу, г-на Собеза, (она помѣщалась тамъ, гдѣ теперь Центральная гостинница), явился англичанинъ и спросилъ номера для себя и для своей лошади. Хозяинъ гостинницы извинился передъ посѣтителемъ и заявилъ ему, что для него самого помѣщеніе въ гостинницѣ имѣется, что-же касается лошади, то ей придется помѣститься на конюшнѣ гостинницы.

Упрямый Англичанинъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ.

—„Моя лошадь привыкла жить рядомъ со мною—заявилъ онъ—и иначе не можетъ помѣщаться. Если вамъ мало одного фунта стерлинговъ за номеръ лошади, я заплачу три, пять, десять фунтовъ, но прошу васъ отвести номеръ и для коня“.

Г-нъ Собезъ въ концѣ концовъ уступилъ и четвероногій квартирантъ занялъ номеръ по сосѣдству съ номеромъ своего хозяина.

Оригинальные постояльцы пробыли въ гостинницѣ три дня.

Однажды группа катающихся офицеровъ заѣхала къ намъ на дачу. Они, конечно, любезно были приняты. Въ разговорѣ одинъ изъ офицеровъ спросилъ отца:

—„Скажите, когда дессантъ высадился въ Ялтѣ, вы очень испугались?“ На это отецъ отвѣтилъ, что онъ былъ увѣренъ въ томъ, что, если высадившіеся окажутся французами, англичанами или савойцами, они, какъ представители культурныхъ націй, мирнымъ жителямъ зла не причинятъ.

—„Вы не ошиблись, думая такъ, сказалъ офицеръ:—мы никогда не позволили-бы честь своей арміи запятнать обидою мирныхъ жите-

лей. Знайте, что во время военныхъ дѣйствій никто изъ нашихъ офицеровъ и солдатъ не переступилъ ограды Ореанды только потому, что намъ было извѣстно, что Ореанда принадлежитъ дамѣ—русской императрицѣ".

Высадкѣ въ Ялтѣ непріятельскаго дессанта предшествовали неоднократныя ложныя тревоги. Одна изъ нихъ особенно памятна мнѣ. Мать моя была больна и ее временно пришлось помѣстить въ городѣ на отдѣльной квартирѣ. По очереди я и мои сестры дежурили около больной. Однажды ночью, когда я находилась при ней, на улицѣ раздались тревожные крики. Вслѣдъ за тѣмъ кто-то сталъ громко стучать въ нашу дверь. „-Не отпирай—сказала мнѣ мать—спроси черезъ дверь: кто стучитъ?"

На мой вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ:

—„Это я—дворникъ. Подымайтесь скорѣе, барышня, непріятель пришелъ. Весь городъ бѣжитъ на горы".

Дѣйствительно, по улицѣ, съ наскоро связанными узлами, бѣжали мужчины, женщины и дѣти, по мостовой громыхали отъѣзжающіе экипажи.

Наскоро одѣвшись, мы приготовились было тоже покинуть нашу квартиру, но, по счастію, въ этотъ моментъ подоспѣлъ посланный отъ отца. Отецъ прислалъ сказать, чтобы мы не безпокоились, такъ какъ никакой опасности нѣтъ: тревога была напрасная. Она была вызвана появленіемъ въ морѣ въ неурочное время судовыхъ огней. Въ городѣ ихъ приняли за огни непріятельскаго флота, между тѣмъ это были огни съ судовъ запоздавшихъ рыбаковъ.

Много въ ту ночь было курьезныхъ эпизодовъ. Такъ одна еврейка, спасавшаяся изъ города въ горы, со страха вмѣсто своего ребенка подхватила подушку и въ дорогѣ убаюкивала ее, въ полной увѣренности, что это ея дитя.

Послѣ этого переполоха отецъ на другой-же день перевезъ мою мать на нашу дачу".

V. Старожилы Южнаго берега.

Обращеніе Ялты изъ мѣстечка въ уѣздный городъ, предрѣшенное императоромъ Николаемъ Первымъ еще осенью 1837 года, въ бытность его на Южномъ берегу Крыма, нашло себѣ осуществленіе только въ началѣ слѣдующаго года. 23-го марта 1838 года данъ былъ Сенату указъ, въ силу котораго въ южной части Таврической губерніи учреждался новый уѣздъ, подъ названіемъ Ялтинскаго. Въ составъ его, „сверхъ собственно такъ именуемаго Южнаго берега Крыма", включались также три волости и греческія селенія по ту сторону горъ. Указъ повелѣвалъ учредить въ Ялтѣ городское и уѣздное управленіе. Объ учрежденіи магистрата, думы и сиротскаго суда мѣстное начальство должно было войти съ особымъ представленіемъ, когда по мѣстнымъ обстоятельствамъ признано будетъ возможнымъ и нужнымъ. Вѣдѣніе городскими доходами и расходами возложено было на городскую полицію и двухъ депутатовъ назначенныхъ отъ мѣстныхъ жителей.

Новому городу дарованы были всѣ права и преимущества представленные Городовымъ Положеніемъ, а въ цѣляхъ скорѣйшаго заселенія его промышленнымъ населеніемъ ялтинскіе купцы и мѣщане освобождены были на 5 лѣтъ: первые отъ платежа за право торговли, а вторые отъ взноса въ Казну мѣщанскаго оклада. На тотъ-же пятилѣтній срокъ Ялта освобождалась и отъ воинскаго постоя.

Однако всѣ эти льготы мало содѣйствовали дальнѣйшему росту города, Ялта долгое время оставалась почти все въ тѣхъ же размѣрахъ—маленькимъ, незначительнымъ городкомъ, и только съ начала шестидесятыхъ годовъ, когда по совѣту лейбъ-медика проф. Сергѣя Петровича Боткина, Ливадія была избрана мѣстомъ жительства для императрицы Маріи Александровны, супруги императора Александра II, и на Южномъ берегу подолгу стала гостить царская семья, городъ началъ быстро увеличиваться въ своихъ размѣрахъ, облегающіе его пустыри въ короткое время покрылись роскошными виллами и дачами и сѣть его улицъ далеко продвинулась и по склонамъ холма Дарсана и по берегу моря въ сторону Ливадіи.

„Съ пріѣздомъ царской семьи въ Ливадію,—разсказываетъ К. К. Эшлиманъ,—городокъ Ялта сталъ расти и застраиваться со сказочной быстротой. Около домика Madame Жокмаръ, въ предѣлахъ те-

перешняго Городского сада, выстроилъ для себя небольшой домикъ баронъ Лодэ, ротмистръ пограничной стражи. На деньги, занятыя въ Бессарабскомъ банкѣ, рядомъ съ этимъ домикомъ онъ выстроилъ потомъ другой большой, изъ котораго впослѣдствіи перестроенъ былъ теперешній курзалъ Городского сада. По сосѣдству съ барономъ Лодэ пріобрѣлъ себѣ участокъ земли графъ Адлербергъ, министръ императорскаго двора.

Баронъ Лодэ старательно занялся устройствомъ сада возлѣ своихъ домовъ. Это имъ посажены и выращены большія деревья въ теперешнемъ Городскомъ саду: велингтоніи и другія.

Графъ Адлербергъ, владѣнія котораго обнимали часть Городского сада, со стороны Набережной, слѣдовалъ примѣру сосѣда и тоже старательно засаживалъ свой участокъ деревьями и кустами. Какъ всегда, злые языки не приминули возвести на графа обвиненія, что онъ устраивается за счетъ царскаго имѣнія, и потому за его владѣніемъ утвердилось ходячее названіе—„Маленькой Ливадіи“. Впослѣдствіи баронъ Лодэ продалъ городу сперва одну половину своего владѣнія, сколько помнится, за 40.000 рублей, а затѣмъ другую за 30,000 рублей. Между тѣмъ было время, когда моему отцу весь участокъ отъ Полицейскаго моста до Ливадійскаго, иначе говоря, все пространство, занятое теперь Набережной и Виноградной улицами, предлагали купить за 500 рублей. У отца не было тогда этихъ денегъ и сдѣлка не состоялась.

Баронъ Лодэ былъ женатъ на Елизаветѣ Александровнѣ Ашеръ. Это была очень милая семья. Старикъ Александръ Васпльевичъ Ашеръ прибылъ на Южный берегъ вмѣстѣ съ другими переселенцами достопамятной „кореизской“ колоніи. Онъ былъ крещеный еврей. У баронессы Крюднеръ служила камеристкой очень хорошая, образованная и дѣльная дѣвушка, фрейленъ Гертруда, фамиліи ея я, къ сожалѣнію, не помню. Ашеръ влюбился въ Трудхенъ, какъ обычно называла ее баронесса, и настойчиво сталъ добиваться взаимности. Девять лѣтъ ухаживалъ онъ за ней. Онъ нравился ей, но дѣвушку смущало его еврейское происхожденіе. Въ концѣ концовъ онъ добился своего: она согласилась выйти за него замужъ и бракъ этотъ оказался счастливымъ.

А. В. Ашеръ первое время занимался строительными подрядами. Нужно отдать ему справедливость, подрядчикъ онъ былъ очень неваж-

ный и всякое неудачное сооруженіе долгое время потомъ называли „ашеровской постройкой“. Потомъ онъ служилъ въ Ялтинскомъ уѣздѣ приставомъ. Скопивъ небольшія деньги онъ купилъ участокъ земли за Гурзуфомъ подлѣ Аю-Дага. Это имѣніе—„Кизильташъ“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „Красный Камень“.

Дѣтямъ своимъ Александръ Васпльевичъ Ашеръ далъ основательное образованіе. Всѣ они вышли хорошими людьми и сынъ его, Сергѣй Александровичъ Ашеръ, впослѣдствіи оставилъ по себѣ добрую память, какъ хозяйливый и земскій дѣятель. Дочь старика Ашера, Елизавета Александровна, позднѣе вышедшая замужъ за ротмистра барона Лодэ, окончила курсъ въ Одесскомъ институтѣ. Она устроила въ Кизильташѣ нѣчто въ родѣ учебнаго пансіона, въ которомъ за плату 300 рублей въ годъ, содержала и обучала дѣтей разнымъ предметамъ: наукамъ, музыкѣ и рукодѣлію. Въ то время въ Ялтѣ, кромѣ уѣзднаго училища, другихъ учебныхъ заведеній не было, и даже въ губернскомъ городѣ Симферополѣ имѣлась всего только одна прогимназія. При такихъ условіяхъ пансіонъ М-Ше Ашеръ явился истиннымъ благодѣяніемъ для жителей Южнаго берега.

Семья Ашера отличалась рѣдкимъ гостепріимствомъ, фрау Ашеръ къ тому же была замѣчательная хозяйка. Эту способность наслѣдовала отъ нея одна изъ дочерей—Татьяна Александровна. Въ гостепріимномъ домѣ Ашеровъ собиралось многолюдное общество—вся тогдашняя интеллигенція Южнаго берега. Одна изъ дочерей старика Ашера, Анна Александровна, вышла замужъ за Визинга—перваго предсѣдателя ялтинземской управы. Впослѣдствіи его смѣнилъ въ этой должности его шуринъ, Сергѣй Александровичъ Ашеръ.

Была еще одна семья, гдѣ я часто бывала въ молодыхъ годахъ—это была семья академика Кеппена. Одна изъ его дочерей, Александра Петровна, вышедшая замужъ за директора Никитскаго сада, гр. Келлера, обладала прекраснымъ голосомъ и чудесно пѣла; другая, Наталья Петровна, отличалась большими познаніями въ лингвистикѣ. Она основательно знала нѣсколько языковъ и, между прочимъ, санскритскій. Старикъ Петръ Ивановичъ Кеппенъ жилъ съ семьею въ своемъ имѣніи Карабахѣ, за Аю-Дагомъ. Онъ всецѣло поглощенъ былъ научными занятіями. Фрау Кеппенъ не разъ жаловалась на мужа, за причиняемыя безпокойства. У супруговъ была одна кровать. До самой смерти, ежедневно, какова бы не была погода, старикъ въ 2 часа ночи вставалъ съ постели и отправлялся наружу смотрѣть показанія термометра.

Прямо съ воздуха, холодный, а подчасъ, и мокрый, онъ опять укладывался въ постель и при этомъ, иногда приносилъ такой холодъ, что фрау Кеппенъ принуждена была порядкомъ дрогнуть. Какъ не билась она, упрямый старикъ не захотѣлъ ради ея удобства отказаться отъ своихъ метеорологическихъ наблюденій.

Отецъ мой интересовался П. И. Кеппеномъ, главнымъ образомъ, какъ замѣчательнымъ знатокомъ таврическихъ древностей. Въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ неутомимо трудился старикъ академикъ надъ розысканіемъ и описаніемъ остатковъ греческой и генуэзской старины и его книга „Крымскій Сборникъ“, по свидѣтельству археологовъ, до сего времени не имѣетъ сочиненія равнаго себѣ по научнымъ достоинствамъ.

Былъ еще одинъ замѣчательный человѣкъ, съ которымъ пришлось столкнуться моему отцу въ Крыму. Это былъ художникъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Въ Ѳеодосіи гдѣ проживаетъ много караимовъ, строилась новая кенасса (синагога). Таврическій губернаторъ А. И. Казначеевъ пріѣхалъ осмотрѣть постройку. Проѣзжая по улицамъ города, онъ обратилъ вниманіе на превосходно исполненный эскизъ лошади, нарисованной на однихъ воротахъ. Губернаторъ заинтересовался рисункомъ.

—„Кто это нарисовалъ?“—спросилъ онъ сопутствующихъ ему чиновниковъ.

—„Извините, ваше превосходительство,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, понявъ вопросъ губернатора, какъ выраженіе неудовольствія на безпорядокъ въ городѣ—все это балуется одинъ здѣшній армяшка. Нѣтъ никого сладу съ мальчишкой, постоянно пачкаетъ своею мазнею ворота и заборы“.

Губернаторъ, иначе оцѣнившій эту „мазню“, подробно разспросилъ о мальчикѣ и сказалъ моему отцу:

—„Займитесь мальчикомъ, Эшлиманъ, я думаю, изъ него выйдетъ нѣчто примѣчательное“.

Отецъ исполнилъ просьбу губернатора и, пока жилъ въ Ѳеодосіи, охотно занимался съ нимъ.

„Пачкуна“ опредѣлили въ 1833 году пансіонеромъ въ Академію Художествъ. Подъ руководствомъ Филиппа Таннера онъ сталъ рисовать морскіе виды и уже въ 1835 году за одинъ изъ своихъ этюдовъ получилъ первую серебряную медаль“.

VI. Въ Ливадіи.

Приморская полоса земли, составляющая въ настоящее время царское имѣніе, Ливадію, послѣ окончательнаго утвержденія русскихъ въ Крыму пожалована была императрицей Екатериной II-й архипелажскимъ грекамъ. Начальникъ ихъ, генералъ Ревеліоти, купилъ у нихъ эту землю, нѣкоторое время владѣлъ ею, а затѣмъ въ 1834 году продалъ ее графу Потоцкому. Послѣдній ревностно занялся приведеніемъ въ порядокъ своего имѣнія. Онъ выстроилъ для себя домъ, соорудилъ необходимыя хозяйственныя постройки и разбилъ садъ и виноградники. По смерти графа удѣльное вѣдомство купило у его наслѣдниковъ Ливадію и государь Александръ II пожаловалъ ее своей супругѣ, императрицѣ Маріи Александровнѣ.

К. И. Эшлиманъ, управлявшій въ это время Ореандою, получилъ изъ Придворной Конторы приказаніе подготовить Ливадію къ царскому пріѣзду. Срокъ былъ назначенъ короткій; домъ графа не требовалъ передѣлокъ, но явилась необходимость возвести цѣлый рядъ новыхъ построекъ: малый дворецъ для наслѣдника-цесаревича, помѣщеніе для свиты, службы для придворной прислуги, казармы и конюшни для царскихъ лошадей; понадобилось соорудить до 60 новыхъ зданій. Въ виду такого большого числа построекъ и спѣшности работъ, К. И. Эшлиманъ обратился въ Придворную Контору съ просьбой прислать ему помощника. Въ помощь ему командировали архитектора-декоратора Монигетти.

„Отецъ мой,—разсказываетъ Каролина Карловна Эшлиманъ,—всегда всѣ проэкты и чертежи построекъ составлялъ самъ. Онъ поступилъ также и въ этотъ разъ. Когда всѣ они были имъ составлены, онъ передалъ ихъ для ознакомленія своему помощнику. Около этого времени Монигетти понадобилось ѣхать въ Петербургъ; получивъ на то разрѣшеніе своего новаго начальника, онъ, захвативъ съ собою проэкты, отправился туда, и тамъ безъ вѣдома отца представилъ ихъ на утвержденіе въ Придворную Контору. Это еще было полъ-бѣды, но, представляя ихъ въ контору, онъ выдалъ ихъ за свои собственные.

Проэкты были утверждены и Придворная Контора производство всѣхъ работъ возложила на одного Монигетти. Этотъ безсовѣстный поступокъ несказанно огорчилъ моего отца и онъ сперва рѣшилъ было жаловаться на Монигетти, но я уговорила его оставить это дѣло безъ вниманія. Впослѣдствіи Богъ наказалъ этого человѣка: онъ сошелъ съума. Постройки выполнены были имъ неудачно. Малый дворецъ, предназначенный для Наслѣдника Цесаревича, далъ въ стѣнахъ трещены. Изъ Петербурга присланъ былъ для осмотра экспертъ профессоръ Гриммъ. Профессоръ заѣхалъ къ моему отцу и высказалъ ему свое недоумѣніе по поводу образовавшихся трещинъ.

—„Провѣрьте фундаментъ, посовѣтовалъ ему отецъ.—Мнѣ думается, что при закладкѣ его строители отступили отъ положенныхъ нормъ“.

Профессоръ послѣдовалъ совѣту и, дѣйствительно, когда обнажили фундаментъ, то оказалось, что глубина его не превышала одного аршина, между тѣмъ по мѣстнымъ условіямъ требовалась глубина въ одну сажень. Тогда пришлось передѣлывать Малый дворецъ отъ самаго основанія. Согласно желанію цесаревны Маріи Ѳеодоровны, его возстановили въ прежнемъ стилѣ и въ прежнемъ внутреннемъ видѣ“.

Въ 1861 году по окончаніи красносельскаго лагернаго сбора императоръ Александръ Николаевичъ съ императрицею и съ Августѣйшими дѣтьми въ первый разъ отправился во вновь пріобрѣтенное имѣніе. Они пробыли здѣсь до начала Октября. Вся царская семья жила въ этотъ разъ въ Большомъ дворцѣ (въ домѣ графа Потоцкаго). За отсутствіемъ церкви въ Ливадіи, государь и государыня присутствовали на богослуженіи въ старомъ соборѣ. За неоднократное служеніе въ высочайшемъ присутствіи настоятель собора отецъ Василій Сердюковъ пожалованъ былъ 11-го Октября кабинетнымъ наперснымъ крестомъ.

Съ 1867 года царская семья почти каждую осень пріѣзжала въ Ливадію. Здѣсь Августѣйшіе хозяева отъ времени до времени принимали у себя заграничныхъ гостей—членовъ царствующихъ домовъ. Въ 1869 году пробылъ въ Ливадіи нѣкоторое время принцъ Карлъ Гогенцоллернъ, незадолго передъ тѣмъ признанный русскимъ дворомъ въ достоинствѣ князя Румыніи, позднѣе пріѣзжалъ сюда герцогъ Эдинбургскій, бразильскій императоръ Донъ-Педро и другіе высокіе гости.

Царская семья жила очень просто. Доступъ въ Ливадію былъ открытъ всѣмъ желающимъ и члены царскаго семейства имѣли постоянное непосредственное общеніе и съ ялтинскими горожанами и съ обывателями сосѣднихъ деревень.

„Обыкновенно послѣ завтрака,—разсказываетъ К. К. Эшлиманъ,—государыня Марія Александровна отправлялась въ легкомъ экипажѣ на прогулку. Экипажъ этотъ представлялъ изъ себя пролетку съ плетенымъ кузовомъ; поверхъ его былъ устроенъ синій балдахинъ. Государыня привѣтливо отвѣчала на поклоны гуляющихъ и каждый разъ, когда я и мои сестры встрѣчали ее на прогулкѣ, она милостиво улыбаясь, привѣтствовала насъ возгласомъ: „Guten Tag!“ или „Wie geht es!“

Вся царская семья, а въ особенности императрица, относились къ окружающимъ съ рѣдкимъ вниманіемъ. Я никогда не забуду того трогательнаго участія и милостиваго вниманія, съ какимъ отнеслась государыня Марія Александровна къ нашей семьѣ, когда заболѣла тифомъ моя сестра Елисавета Карловна. Государыня почти каждый день присылала справляться о ея здоровьи одну изъ своихъ фрейлинъ.

Государыня и великіе князья часто посѣщали служащихъ въ Ливадіи и въ Ореандѣ. Въ числѣ другихъ посѣтили они г. Классена, ореандскаго садоваго мастера. Классенъ жилъ одиноко; разумѣется, скучалъ, и потому каждую среду онъ устраивалъ у себя нѣчто въ родѣ пирушки, на которую приглашалъ мужскую компанію изъ своихъ знакомыхъ. Обычно наканунѣ онъ отправлялся въ городъ за провизіей и закусками. У него былъ единственный экипажъ—бѣгунки. Такъ какъ на бѣгункахъ укладывать покупки неудобно, то онъ подъ спдѣніемъ устроилъ ящики. Для того, чтобы не забрасывала его грязь, онъ придѣлалъ съ боковъ защитныя крылья. Отъ этихъ доморощенныхъ приспособленій бѣгунки получили удивительно странный видъ и экипажъ его сталъ извѣстенъ подъ кличкой „летучей мыши“, съ которой онъ, дѣйствительно, имѣлъ нѣкоторое сходство. Во время прогулокъ великіе князья неоднократно встрѣчали его на этихъ бѣгункахъ и необычайный экипажъ очень ихъ заинтересовалъ. Возвращаясь однажды къ себѣ домой, г. Классенъ, услыхалъ у себя на балконѣ, тамъ, куда обыкновенно ставилъ онъ свой экипажъ, веселый смѣхъ. То были государыня, и великіе князья. Они пришли осматривать „летучую мышь“. Старикъ долженъ былъ во всѣхъ подробностяхъ объяснить императрицѣ и юнымъ

великимъ князьямъ устройство своего экипажа и назначеніе всѣхъ его приспособленій.

Случалось, что по дорогѣ изъ города, г. Классенъ встрѣчалъ катающуюся императрицу. Каждый разъ, когда онъ задерживалъ лошадь и собирался соскочить съ дрожекъ, чтобы стоя раскланяться съ государыней, Марія Александровна останавливала старика возгласомъ: „Bleiben Sie sitzen! Bleiben Sie sitzen!“

Классенъ не былъ женатъ и Императрица по этому поводу любила подтрунивать надъ нимъ, задавая ему вопросъ:

—„Классенъ, скажите пожалуйста, отчего вы не женились?“

Старикъ, краснѣя до корней волосъ, обычно отвѣчалъ:

—„Не суждено было Ваше Императорское Величество“.

Но Государыня, которую это смущеніе старика не мало смѣшило, продолжала настойчиво добиваться болѣе опредѣленнаго отвѣта. Послѣ нѣсколькихъ такихъ бесѣдъ Классенъ, сталъ прятаться отъ императрицы, что, конечно, не осталось незамѣченнымъ и еще болѣе забавляло ее.

Самъ старикъ Классенъ былъ добрѣйшее существо и его иначе не называли, какъ дядя Классенъ. Я думаю, что очень немногіе знали его полное имя—Егоръ Андреевичъ. Въ Россію онъ прибылъ въ молодыхъ годахъ, съ родными не переписывался, и потому, отвыкъ отъ Германіи. Когда послѣ многихъ лѣтъ отсутствія Классенъ поѣхалъ къ себѣ на родину, онъ скоро соскучился тамъ по Россіи и, возвратился опять въ Крымъ.

Классенъ много читалъ, особенно охотно книги теософическаго содержанія, при чемъ любимымъ его авторомъ былъ мистикъ Юнгъ-Шиллингъ. Отчасти причиной его интереса къ этимъ книгамъ послужилъ необычайный случай съ его братомъ—лютеранскимъ пасторомъ. Послѣдній нѣкоторое время жилъ въ Сѣверной Америкѣ и священствовалъ въ одномъ изъ штатовъ, расположенныхъ возлѣ Мисиссипи, сколько помнится, въ Огейо. Соскучившись по родинѣ, онъ возвратился въ Германію и получилъ приходъ въ одномъ мекленбургскомъ мѣстечкѣ. Тамъ онъ, вопреки настойчивымъ совѣтамъ своихъ прихо-

жанъ, панялъ подъ квартиру давно пустовавшій домъ. Объ этомъ домѣ шла нехорошая молва; разсказывали, что въ немъ живутъ какіе-то духи, не дающіе покоя жильцамъ. Отнеся такіе разсказы къ обычному суевѣрію, пасторъ поселился въ домѣ, но въ первую же ночь несказанно былъ пораженъ странными явленіями. Всю ночь въ домѣ слышались непонятные звуки, онъ и его домашніе ясно различали топотъ множества ногъ, шуршаніе дамскихъ платьевъ и всевозможные другіе звуки. Принимая все это за игру разстроеннаго воображенія, пасторъ провелъ въ домѣ еще двѣ ночи. Звуки не прекращались. На третью ночь пасторъ сказалъ по нѣмецки обращаясь къ невидимымъ духамъ: „Всѣ добрые духи славятъ Господа Бога!“ И въ тотъ же моментъ со всѣхъ сторонъ онъ услышалъ множество голосовъ восклицавшихъ: „J tacke! J tacke!“

Этотъ возгласъ на нижнегерманскомъ нарѣчіи соотвѣтствуетъ словамъ: „Jch danke! (благодарю)“.

Не только вечеромъ и ночью, но также и днемъ происходили въ этомъ домѣ странныя явленія. Каждый разъ, какъ пасторъ садился къ столу писать письма или какіе либо документы, а также читать книгу, передъ нимъ, на бумагу, ложилась густая тѣнь, какъ будто кто стоялъ за его спиной. Онъ пробовалъ столъ перемѣщать, садился за другой столъ—тѣнь неизмѣнно продолжала ложиться передъ нимъ.

Эти необъяснимыя и безпокойныя явленія въ концѣ концовъ заставили пастора оставить странный домъ.

Какъ садовникъ, Егоръ Андреевичъ Классенъ до нѣкоторой степени освоился съ метеорологическими явленіями и по разнымъ признакамъ могъ предугадать погоду, хотя, конечно, не всегда вѣрно. Императрица часто спрашивала его:

— „Классенъ, какая погода завтра будетъ?“

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ его предсказаній, государыня, смѣясь, назвала его „лжепророкомъ“, и послѣ того обычно обращалась къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, именуя его новымъ прозвищемъ.

VII. Въ Ореандѣ.

Императрица Александра Ѳедоровна, супруга Николая I, обычно для поправленія здоровья ѣздила на островъ Сицилію, въ Палермо. Чтобы избѣжать излишнихъ расходовъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ такими заграничными поѣздками, императоръ Николай Павловичъ подарилъ императрицѣ Нижнюю Ореанду и построилъ тамъ для нея дворецъ. Его строилъ К. И. Эшлиманъ; обошелся онъ баснословно дешево и государь не мало дивился цифрѣ, въ какую онъ сталъ. Архитектору Эшлиману назначали награду, причемъ предложили самому выбрать ее. Предполагали наградить его или чиномъ, или орденомъ, или единовременной денежною наградою. К. И. Эшлиманъ вмѣсто того попросилъ опредѣлить въ учебныя заведенія на казенный счетъ двухъ его сыновей. Его просьба была уважена и два его сына были помѣщены въ пансіонъ при симферопольской гимназіи.

„Государь Николай Павловичъ,—даря Ореанду Александрѣ Ѳедоровнѣ, имѣлъ неосторожность сказать ей:

— „Этотъ дворецъ послѣ моей смерти будетъ твоимъ вдовьимъ домомъ“. Государыня, горячо любившая своего супруга, огорчилась этимъ напоминаніемъ о его смерти и послѣ этого она рѣшительно отказалась жить въ Ореандѣ. Она завѣщала имѣніе великому князю Константину Николаевичу. Послѣдній любилъ Ореанду и подолгу живалъ въ ней.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ очень доступенъ и простъ въ обхожденіи. При немъ входъ въ Ореанду не былъ возбраненъ публикѣ и великокняжескій паркъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ прогулокъ ялтинцевъ и экскурсантовъ. Иногда благодушіе великаго князя простиралось настолько далеко, что онъ дарилъ гуляющимъ дамамъ букеты цвѣтовъ. По этому поводу много шутокъ вызывалъ тотъ способъ, какимъ великій князь передавалъ иногда цвѣты дамамъ. Приготовленный букетъ онъ поручалъ своему вахмистру; тотъ долженъ былъ подать его той дамѣ, которую найдетъ самою красивою. Въ какой мѣрѣ вкусъ новаго Парпса отвѣчалъ дѣйствительному представленію о красотѣ и отвѣчалъ вкусамъ самаго великаго князя, можно догадываться.

Великій князь очень любилъ дѣтей. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ на дачу, сейчасъ-же начиналъ возню съ моими малолѣтними племян-

никами и племянницами. Иногда онъ приглашалъ ихъ къ себѣ въ Ореанду. Тамъ онъ игралъ съ ними въ прятки, бѣгалъ въ горѣлки, но горѣть отказывался.

— „Ну, ужъ отъ этого избавьте меня—заявлялъ онъ, смѣясь, ребятамъ—горѣть я не буду".

Любимицей его была моя племянница Валя—бойкая дѣвочка и не безъ нѣкотораго кокетства.

— „А, тебя зовутъ Валей—значитъ *валить* можно",—восклицалъ великій князь и, поднявъ дѣвочку на воздухъ, дѣлалъ видъ, что хочетъ бросить ее на землю.

Нелады съ главнымъ управляющимъ удѣльными имѣніями заставили моего отца отказаться отъ управленія Ореандою. Отецъ выставилъ мотивомъ просьбы объ увольненіи преклонныя лѣта. Но и послѣ отставки отъ должности онъ продолжалъ пользоваться милостивымъ расположеніемъ великаго князя; великій князь Константинъ Николаевичъ по прежнему время отъ времени удостаивалъ нашъ домъ своимъ посѣщеніемъ.

Однажды поздно вечеромъ отецъ, выйдя на балконъ, увидалъ за Ялтою громадное зарево.

— „Это въ Ливадіи или въ Ореандѣ что-нибудь горитъ",—сказалъ онъ. Предположеніе его оправдалось: горѣлъ дворецъ въ Ореандѣ.

По поводу этого пожара ходитъ много всякихъ вздорныхъ басенъ. Между тѣмъ дѣйствительною причиною пожара было неосторожное обращеніе съ папиросами мальчиковъ—дѣтей дворцовыхъ служащихъ. Они забрались на чердакъ и тамъ курили. Отъ неосторожно брошеннаго окурка загорѣлась сложенная тамъ морская трава; за чердакомъ занялся весь верхъ дворца. Великаго князя и управляющаго въ это время въ Ореандѣ не было. Когда Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ изъ Ялты, онъ обратилъ вниманіе на сильный запахъ гари. Стали искать причину тому. Открыли дверь на чердакъ. Токъ воздуха мгновенно усилилъ пламя до громадныхъ размѣровъ, и тогда запылалъ весь дворецъ. Прибывшая изъ Ливадіи пожарная команда, съ одною небольшою трубою, не могла справиться съ пламенемъ. Слабая струя воды, выбрасываемая трубою, вызывала только хохотъ въ зрителяхъ.

Великій князь, убѣдившись въ ея безполезности, распорядился всѣ усилія пожарныхъ направить на защиту другихъ построекъ.—„Пусть горитъ дворецъ!—сказалъ онъ,—спасайте другія постройки! Тогда струю трубы направили на крыши сосѣднихъ флигелей.

Дворецъ горѣлъ жарко, но медленно, и это дало возможность вынести изъ покоевъ всю движимость, спасти окна, рамы и двери, успѣли даже выломать и вынести камины.

Сутки съ лишнимъ горѣлъ дворецъ. На пожаръ собралась большая толпа зѣвакъ. Любопытные, въ ночь пожара, платили бѣшеныя деньги извозчикамъ за проѣздъ изъ Ялты въ Ореанду: по 20 и даже по 30 руб. въ оба конца.

Великій князь разсказывалъ отцу, что въ толпѣ, присутствовавшей на пожарѣ, онъ слышалъ, какъ многіе говорили:

— „Дворецъ сжегъ самъ великій князь: онъ хотѣлъ уничтожить компрометирующія его бумаги. Оттого онъ и не велѣлъ тушить пожаръ“.

Константинъ Николаевичъ отнесся къ этой праздной болтовнѣ съ презрѣніемъ: онъ посмѣялся надъ глупцами, между тѣмъ злая сплетня пустила глубокіе корни, и въ обществѣ и по сіе время живутъ сказки о поджогѣ дворца.

На предложенія построить новый дворецъ великій князь отвѣчалъ:

— „Я самый бѣдный изъ братьевъ и у меня нѣтъ денегъ на это“.

Онъ поселился послѣ пожара во флигелѣ.

Въ Ореандѣ—въ числѣ другихъ лицъ—мнѣ привелось неоднократно видѣть молодую княгиню Воронцову, супругу князя Семена Михайловича Воронцова.

Жена свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, рожденная гр. Браницкая, не отличалась семейными добродѣтелями, и также какъ и ея мужъ, имѣла связи на сторонѣ. Единственный сынъ князя, Семенъ Михайловичъ, не походилъ на отца ни наружностью, ни талантами, ни душевными качествами; это былъ бѣлобрысый увалень, надъ которымъ, знающіе его, подтрунивали, называя „бѣлугою“. Отецъ бывало въ шутку говаривалъ:

— „Сенька не сынъ князя, а сынъ какого нибудь курьера или вахмистра“.

Женился Семенъ Михайловичъ на вдовѣ—Маріи Васильевнѣ Столыпиной, урожденной княжнѣ Трубецкой, женщинѣ замѣчательно красивой и неглупой, но очень легкомысленной. О похожденіяхъ ея въ Парижѣ и внезапной смерти ея мужа, Столыпина, много говорили нехорошаго.

Старики были противъ этого брака, и, когда въ алупкинской церкви вѣнчали молодую чету, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и княгиня-мать не захотѣли присутствовать при обрядѣ вѣнчанія. Не были они и за свадебнымъ столомъ.

Молодой княгинѣ очень хотѣлось имѣть наслѣдника. Она прибѣгала ко всякаго рода медикаментамъ, обращалась за помощью къ ворожеямъ и къ разнымъ шарлатанамъ, но изъ этого ничего не вышло. Тогда княгиня задумала выдать за своего чужого ребенка. Попыткѣ этой, не безъ вѣдома старой княгини, помѣшала графиня Шуазель, очень дружившая со старичками. Она помѣстилась въ проходной комнатѣ и, когда несли въ спальню молодой княгини подысканнаго ребенка, графиня предупредила ея свекровь. Старики рѣшительно возстали противъ подобнаго подлога и передачи ихъ родового имени и титула безвѣстному дитяти: такимъ путемъ затѣя молодой княгини потерпѣла крушеніе и ей не пришлось по смерти мужа остаться владѣлицей Алупки. Тѣмъ не менѣе она вывезла послѣ его смерти всю движимость дворца, страшно тѣмъ опустошивъ его; только, по счастію, замѣчательной воронцовской библіотекою пренебрегла она“.

VIII. Семья архитектора.

До покупки у графа Сухтелена того участка земли, гдѣ теперь помѣщается дача „Планжи Сарай“, Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ жилъ съ семействомъ поблизости отъ этого мѣста,—на дачѣ генерала Ермолова (теперь эта дача принадлежитъ Семьѣ Бакунинихъ, называется она „Горная Щель“). Въ то время долину Ялты густо покрывали лѣса, служившія подчасъ надежнымъ пріютомъ разнаго рода бродягамъ и людямъ, стоявшимъ внѣ закона.

—„Очень немногіе—разсказываетъ Каролина Карловна—помнятъ знаменитаго крымскаго Зелимъ-хана—разбойника Алима. Это была

оригинальная личность, о похожденіяхъ котораго говорилъ нѣкогда весь Крымъ. Красавецъ собою, смѣлый до безразсудства и неизмѣнно великодушный, Алимъ главнымъ образомъ учинялъ разбои и грабежи въ Таушанскихъ лѣсахъ. Неожиданно, верхомъ на горячемъ конѣ, вооруженный съ ногъ до головы, появлялся онъ изъ-за дубовъ и буковъ, росшихъ по сторонамъ большой дороги, что идетъ изъ Симферополя въ Алушту, передъ почтовымъ дилижансомъ и грознымъ окликомъ:— „Стой"!—останавливалъ экипажъ.

—„Показывайте, что у кого есть!—приказывалъ Алимъ—Показывайте, ничего не утаивая!" И путешественники послушно доставали ему свои драгоцѣнности и деньги. Разбойникъ отбиралъ себѣ львиную долю, а остальное возвращалъ собственникамъ. Тѣхъ, кто пытался скрыть отъ него деньги или цѣнныя вещи, Алимъ жестоко наказывалъ своею нагайкою. Часть добычи Алимъ щедро раздѣлялъ между бѣдняками изъ татаръ. Конечно, тѣ за это очень любили его и всѣми мѣрами содѣйствовали ему, если онъ попадалъ въ опасное положеніе. Власти долго не могли изловить отважнаго разбойника. Поймали его въ Симферополѣ, въ городскомъ саду. Алимъ, утомленный переѣздомъ, неосторожно на ночь укрылся въ бесѣдкѣ городского сада, привязавъ около нея своего коня. По этому коню узнали о присутствіи въ бесѣдкѣ неуловимаго джигита. Его арестовали; судили и, два раза прогнавъ сквозь строй, сослали въ Сибирь.

Этотъ-то самый Алимъ неожиданно и нанесъ намъ визитъ на дачу, когда мы жили въ „Горной Щели". Я была тогда еще совсѣмъ юною. Моя мать на дворѣ солила огурцы; мы, дѣти, были около нея. Отца дома не было. Къ воротамъ подъѣхалъ молодцоватый татаринъ, соскочилъ съ коня и подошелъ къ намъ.

—„Гдѣ хозяинъ"?—спросилъ онъ мою мать.

Не подозрѣвая, кто такой прибывшій гость, и въ то время необратившая вниманія на крайнее смущеніе нашей прислуги, мать объяснила татарину, что мужа нѣтъ дома, и когда онъ вернется, она въ точности не знаетъ. Татаринъ простился съ нами и, вскочивъ на коня, также быстро изчезъ, какъ и появился. Только, когда всадникъ скрылся за деревьями, рабочіе назвали моей матери грозное имя неожиданнаго гостя".

Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ умеръ на восемьдесять пятомъ году жизни, въ 1893-мъ году (4-го апрѣля). За этотъ длинный промежу-

токъ времени его дѣти успѣли сами состариться; одинъ изъ сыновей, Александръ Карловичъ, профессоръ механики Петровско-Разумовской академіи и Московскаго Императорскаго Техническаго училища, еще при жизни отца выслужилъ полную пенсію и вышелъ въ отставку. Семья „стараго планжи“ къ этому времени давно уже разбрелась въ разныя стороны *). Перешло въ другія руки и имѣніе семьи Мауреръ—Азекъ. При отцѣ оставалась одна Каролина Карловна, и ей, какъ самому близкому человѣку, повѣрялъ старикъ свои воспоминанія, разсказывалъ о былыхъ давнихъ дняхъ своей молодости, о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ разными людьми александровской и николаевской эпохъ.

—„Я много разъ уговаривала отца—разсказываетъ Каролина Карловна—заняться составленіемъ мемуаровъ; онъ на своемъ вѣку встрѣчался со многими замѣчательными лицами и былъ очевидцемъ достопримѣчательныхъ событій; его памятныя записки, безъ сомнѣнія, представляли бы большой интересъ, но отецъ, когда заходилъ объ этомъ разговоръ, каждый разъ отвѣчалъ мнѣ:

—Мемуары только тогда имѣютъ цѣну, когда они написаны правдиво, подробно и откровенно: мнѣ пришлось-бы безпокоить тѣхъ, кто давно въ гробу лежитъ, ворошить память не только людей достойныхъ и честныхъ, но также многихъ, кто этими качествами не обладалъ. Не хочу своими записками никого огорчать. Пусть, что извѣстно мнѣ дурного про нихъ, умретъ со мною.

Отклоняя мои уговоры о составленіи мемуаровъ, отецъ въ то же время охотно дѣлился со мною своими воспоминаніями. Въ осенніе и зимніе вечера, когда холодный порывистый вѣтеръ вздымалъ сердитую волну на морѣ и бушевалъ въ горахъ, наметая на вершинахъ Яйлы сугробы снѣга, онъ, сидя въ своемъ покойномъ креслѣ, начиналъ разсказывать о прошломъ, разсказывалъ интересно, ярко характеризуя лица и событія...

Очень сожалѣю, что въ свое время не записывала его разсказы. Теперь мнѣ трудно ихъ вспомнить: память измѣнила, и, боюсь, что многое за давностью времени могу спутать“.

*) Кромѣ указанныхъ Александра Карловича и Каролины Карловны, Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ выростилъ: 1) сыновей: Эммануила Карловича, служившаго инженеръ-механикомъ на одномъ заводѣ, Михаила Карловича—окончившаго Петровско-Разумовскую сельско-хозяйственную академію и женатаго на сестрѣ извѣстнаго русскаго электротехника Яблочкова—Екатеринѣ Николаевнѣ, и Владиміра Карловича, архитектора и художника; и 2) дочерей: Софію, Елизавету, Марію и Анну.

Я перевелъ рѣчь на событія Крымской войны.

Эти опасенія Каролины Карловны Эшлиманъ врядъ-ли имѣютъ достаточныя основанія. Внося новыя подробности въ біографіи упоминаемыхъ ею лицъ, „воспоминанія“ Каролины Карловны, сличенныя мною съ другими источниками, разбросанными въ отдѣльныхъ изданіяхъ и въ историческихъ журналахъ, изумили меня ихъ строгой точностью.

В. Кашкаровъ.

ПИСЬМА ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ВИТГЕНШТЕЙНА*).

Кёнигсбергъ, 3 Января 1813 г.

Надѣюсь, милый другъ, что Вы, отбросивъ колебанія, пріѣдете ко мнѣ сюда; моя главная квартира устроена, и войска расквартированы по окрестностямъ.

Мой корпусъ присоединяется къ Чичагову, такимъ образомъ у меня будетъ меньше дѣла. Мы проведемъ пріятно вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Пріѣзжайте же скорѣе.

Пруссаки поднимаются массами на защиту праваго дѣла. Остатокъ французской арміи стоитъ на Вислѣ, даже дальше, противъ Данцига, но онъ тамъ долго не останется; страна скоро вполнѣ очистится.

Необходимо, чтобы австрійцы высказались за насъ; миръ тогда будетъ прочный и продолжительный. Что касается насъ, то я думаю, что наше дѣло окончено; намъ остается только поддерживать нашихъ союзниковъ и не итти дальше.

Могу безъ хвастовства сказать, что сдѣлалъ прекрасную компанію. За нее благодаритъ меня вся Россія. Много со всѣхъ сторонъ шлютъ привѣтственныхъ писемъ. Но, хотя я и пріобрѣлъ имя въ Европѣ, я не скрываю о себѣ, что у меня есть завистники, стараю-

*) „Lettres du Feld-Maréchal Prince de Sayn-Wittgenstein-Berlebourg à sa femme, pendant les guerres Napoléoniennes, 1804—1814, réunies par les soins de Madame la Princesse Leonille de Sayn-Wittgenstein-Sayn, née Princesse Bariatinsky (Lausanne 1905).

Переводъ этихъ писемъ разрѣшенъ издательницей только одному лицу, которое было указано племянницей княгини Леониллы Ивановны, Маріею Петровной Зиновьевой, родной внукой фельдмаршала Петра Христіановича, по матери. Въ имѣніи ея „Стройницѣ“, Подольской губ. воздвигнутъ на высокомъ берегу Днѣпра памятникъ фельдмаршалу Витгенштейну. Москвичамъ М. П. Зиновьева извѣстна своей благотворительностью, и дѣятельнымъ сотрудничествомъ въ „Братолюбивомъ обществѣ“ съ покойной княгиней Надеждой Борисовной Трубецкой, его учредительницей.

Письма изъ названнаго сборника за 1812 годъ были напечатаны въ одномъ журналѣ, посвященномъ войнѣ отечественной. П. Б. (младшій).

щіеся повредить мнѣ всѣми способами, но это имъ не удается. Впрочемъ, я уже не долго буду заботить ихъ. Отечество спасено; я теперь стану заботиться только о томъ, какъ бы немного отдохнуть. Остальное пусть дѣлаютъ безъ меня.

25 Марта 1813.

Врагъ разбитъ, другъ мой, мы захватили у него двѣ пушки и взяли много плѣнныхъ. Съ нашей стороны потеря незначительна. Пруссаки сражались превосходно. Я хотѣлъ начать аттаку сегодня, но горячность пруссаковъ увлекла ихъ, и пришлось начать сраженіе еще вчера. Вы уже, безъ сомнѣнія, знаете, что Даренбергъ и Черниковъ взяли въ плѣнъ цѣлую дивизію (двѣнадцать пушекъ и три знамени).

Я ставлюсь главной квартирой въ Изербетѣ. Вы будете жить въ комнатахъ императрицы Екатерины; тамъ есть ея портретъ.

Можете пуститься въ путь завтра.

Альтенбургъ, 22 Апрѣля 1813 г.

Дѣло подъ Люценомъ было блестящее. Наполеонъ разбитъ. Мы отняли у него шесть пушекъ и взяли много плѣнныхъ. Императоръ Александръ самъ присутствовалъ и подвергался большой опасности. Мы потеряли очень много людей, а особенно много пруссаки. Наполеонъ отброшенъ больше, чѣмъ на 10 верстъ, и сраженіе прекратилось только съ наступленіемъ ночи. На слѣдующій день я хотѣлъ возобновить аттаку, къ несчастью, у меня не осталось зарядовъ, и пришлось остановиться. Непріятель на своемъ мѣстѣ, и не трогается. Бюловъ отнялъ Галле, а Клейстъ—Лейпцигъ. Все будетъ рѣшено на этихъ дняхъ.

До свиданія, другъ мой, я страшно усталъ: три дня не ложился.

Вердорфъ, 24 апрѣля 1813 г.

Государь прислалъ мнѣ орденъ св. Андрея; Вы, безъ сомнѣнія, порадуетесь этому извѣстію. Еслибъ у меня хватило боевыхъ запасовъ, все было бы кончено; а теперь приходится дать еще сраженіе. Постараюсь пробыть здѣсь какъ можно дольше, чтобы не пришлось вторично переправляться черезъ Эльбу. Австрія, какъ говорятъ, готова объявить войну; будемъ надѣяться; это было бы счастливымъ событіемъ.

Сколько крови пролито въ этотъ день! Прусскіе генералы Блюхеръ и Шарнгорстъ ранены, а также многіе изъ нашихъ.

Гадербергъ, 27 Апрѣля 1813 г.

Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ, я долженъ отступать, дорогой другъ, благодаря королю Прусскому, приказавшему Клейсту и Бюлову отступать. Поэтому совѣтую Вамъ ѣхать въ Франкфуртъ на Одерѣ, извѣстите меня, гдѣ Вы остановитесь завтра. Я постараюсь не пустить непріятеля черезъ Эльбу. Мы стараемся выиграть время, пока австрійцы не выскажутся.

Вамъ должно быть очень непріятно повсюду встрѣчать массу обозовъ и прусскихъ солдатъ.

Я заваленъ дѣломъ. Пусть у Васъ лошади всегда стоятъ на готовѣ; если услышите, что непріятель приближается, поѣзжайте въ Кенигсбергъ.

Бауценъ, 4 мая 1813 г.

Я все еще въ Бауценѣ, дорогой другъ; непріятель не отваживается на рѣшительное дѣло. У моего арріергарда каждый день были стычки, и онъ забралъ по крайней мѣрѣ полторы тысячи плѣнныхъ; непріятель потерялъ шесть тысячъ человѣкъ. Мы снова переходили въ наступленіе. Армія въ 80 тысячъ человѣкъ погонится за Наполеономъ. Барклай присоединяется къ намъ; изъ этого можно видѣть, что мы сильны.

Вы хорошо сдѣлали, что уѣхали изъ Франкфурта.

У меня нѣтъ ни минуты отдыха. Я часто буду писать Вамъ.

Лобау, 11 Мая 1813 г.

Посылаю Вамъ Келлера, мой другъ; онъ нездоровъ. Боюсь, какъ бы не захворалъ серьезно.

У насъ было кровопролитное дѣло. Наполеонъ собралъ всѣ свои силы и напалъ на насъ близъ Бауцена. У него войска было почти вдвое противъ нашего. Не смотря на это, мы въ первый день удержали за собой поле битвы. На слѣдующій день дѣло началось на разсвѣтѣ и шло хорошо; французы были разбиты на всѣхъ пунктахъ, мы взяли пушку и много плѣнныхъ. Но къ вечеру, пруссаки, атакованные на нашемъ лѣвомъ флангѣ, были принуждены отступить,

что заставило и насъ сдѣлать то же. Отступленіе совершилось въ величайшемъ порядкѣ. Мы и пруссаки не потеряли ни одной пушки.

Но зато въ эти два дня мы лишились покрайней мѣрѣ десяти тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. Бѣдный Остерманъ раненъ. Келлеръ Вамъ все разскажетъ.

Когда Барклай соединится со мной, я попрошу Государя поручить ему командованіе всей арміей. Теперь среди насъ столько генераловъ старше меня. Рѣшеніе Австріи ожидается съ нетерпѣніемъ. Если его не послѣдуетъ, намъ придется итти на Хемницъ, гдѣ мы найдемъ всѣ наши резервы. Если Австрія объявитъ войну, мы снова вернемся къ наступленію.

Посылаю Вамъ, милый другъ, письмо отъ Государыни съ пасхальнымъ яйцомъ для Васъ. Храни Васъ и дѣтей Господь.

Близъ Севенберга, 15 Мая 1813.

Пока Австрія еще не объявила войну, мы принуждены отступать понемногу.

Непріятелю, преслѣдующему насъ и нападающему на насъ ежедневно, не удалось отнять у насъ ни единаго колеса, между тѣмъ какъ мы, еще не далѣе какъ вчера, отбили у него восемнадцать пушекъ.

Объявленіе войны со стороны Австріи ожидаютъ послѣ завтра: мы готовимся къ великимъ событіямъ. Бернадоттъ двинулся. Вальмоденъ и Бюловъ—подъ его начальствомъ. У меня свалилась съ плечъ большая тяжесть: главное командованіе передано наконецъ Барклаю.

И такъ я командую русскими, Блюхеръ-пруссаками, а Барклай тремя соединенными арміями. Мое положеніе было невыносимо, когда у меня подъ начальствомъ было четыре генерала старше меня. Я цѣлые пять мѣсяцевъ мучилъ Государя, чтобы онъ рѣшился поручить командованіе одному, и теперь стану дѣлать, что мнѣ прикажутъ.

Остерманъ, кажется, отправился въ Чехію; онъ писалъ мнѣ, но не сказалъ, гдѣ находится. Я совѣтовалъ ему поѣхать въ Баденъ, гдѣ воды очень полезны для раненыхъ.

Хеймницъ, 20 Мая 1813.

Мы укрѣпляемся со сто тысячной арміей на Хеймницкихъ позиціяхъ, другъ мой. Я думаю, что повторится то-же, что въ послѣднюю компанію: мы будемъ переходить съ одной позиціи на другую, все отступая.

Я не сочуствую подобному способу дѣйствія, но вѣдь не я распоряжаюсь. Австрія еще молчитъ. Я радъ, что начальство съ меня снято, потому что никогда не рѣшился бы вести войну подобнымъ способомъ. Наполеонъ проситъ перемирія, чтобы начать переговоры о мирѣ. Мы, кажется, согласимся, и, боюсь, попадемъ въ просакъ.

Теперь, другъ мой, поговорю о себѣ. Третьяго дня я получилъ весьма пріятный сюрпризъ: письмо изъ Петербурга отъ столичныхъ купцовъ, посылающихъ мнѣ вексель на пятнадцать тычячъ рублей. Государь разрѣшилъ мнѣ принять эти деньги. Я отвѣтилъ, что куплю близь Петербурга землю, которая останется для моего потомства навсегда памятью о благодарности купечества города, и прибавилъ, что такъ закрѣплю это имѣніе*), чтобъ оно навсегда осталось въ нашемъ роду. Государь же говоритъ, что Россія, такъ же, какъ и онъ, никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ мною родинѣ. Городъ Дерптъ предоставилъ три тысячи рублей въ мое распоряженіе. Я предназначаю этотъ даръ для раненыхъ офицеровъ. Петербургское дворянство съ своей стороны пишетъ мнѣ большую благодарность черезъ предводителя. Посылаю Вамъ всѣ эти документы, мой другъ, чтобы Вы ихъ сберегли вмѣстѣ съ векселемъ.

Мнѣ писала Императрица—мать, поручая мнѣ принца Евгенія Вюртембергскаго.

Храни Васъ Господь. Какъ скоро будетъ заключенъ миръ, Вы пріѣдете ко мнѣ.

Мы вмѣстѣ поѣдемъ къ сестрѣ.

Хеймницъ, 24 Мая 1813 г.

Такъ какъ заключено перемиріе на срокъ болѣе шести недѣль, и моя штабъ-квартира остается здѣсь, то посылаю къ Вамъ Аѳанасьева,

*) Дружноселіе.

чтобы онъ привезъ Васъ. Намъ удастся прожить здѣсь нѣкоторое время, и возможно, что будетъ заключенъ миръ. Императоръ австрійскій прибылъ на границу, и онъ будетъ вести переговоры отъ лица всей Европы, а особенно—Германіи; никто не можетъ сдѣлать этого лучше его, такъ какъ у него армія въ полтораста тысячъ человѣкъ, и онъ можетъ дѣйствовать, въ случаѣ, если бы Наполеонъ не принялъ условій.

Прощайте, мой другъ, ожидаю Васъ съ нетерпѣніемъ. Главная квартира Государя будетъ въ Рейхенбергѣ.

Пріѣзжайте какъ можно скорѣе.

Хеймницъ, 9 Августа 1813.

Вы въ Прагѣ, мой другъ, и спрашиваете, куда ѣхать, если непріятель подойдетъ къ ней? Это мало вѣроятно, но въ такомъ случаѣ надо ѣхать въ Ольмюцъ, находящійся совершенно въ сторонѣ отъ операціонной линіи. Жители Праги напрасно ѣдутъ въ Вѣну; тамъ скорѣе могутъ потревожить. Сегодня я еще приближаюсь къ Саксонской границѣ; непріятель встрѣтилъ два дня тому назадъ въ Гобель Циттау, думая тѣмъ остановить наше движеніе. Вчера и сегодня онъ стоялъ, не двигаясь напротивъ австрійскаго генерала Нейперга. У меня былъ Остерманъ; я нахожу, что онъ вполнѣ здоровъ.

Сейчасъ выѣзжаю.

Альтенбургъ, 17 Августа 1813 г.

Я надѣялся скоро увидаться съ Вами, другъ мой, но дѣло затягивается.

Вамъ нельзя пріѣхать въ Франкфуртъ, потому что туда переносится театръ военныхъ дѣйствій. Дѣло было очень сложное. Еслибъ мнѣ предоставили свободу дѣйствія, я легко взялъ бы Дрезденъ; а вмѣсто того, меня остановили въ Пирнѣ, и вся армія собралась подъ стѣнами Дрездена, между тѣмъ какъ ей слѣдовало бы итти на Лейпцигъ. Такимъ образомъ потеряли три дня, а арміи дали время подойти къ Дрездену и встрѣтить насъ за укрѣпленіями. Мы бились цѣлыя сутки и не подвинулись ни на шагъ. На слѣдующій день насъ аттаковали большія силы, которыя мы отбросили на всѣхъ пунктахъ.

Надо Вамъ сказать, что всѣ эти дни стояла отвратительная погода: дождь не переставалъ лить; а на третій день, не знаю по ка-

кой причинѣ, мы получили приказаніе отступить. Дороги въ ущельяхъ непроѣзжаемы: наши артиллерійскія лошади не въ силахъ итти дальше; войско сильно страдаетъ. Утѣшительнаго нѣтъ ничего. Дѣлаютъ все, чтобы напортить, но думаю, что это не удастся.

Императоръ австрійскій прислалъ мнѣ крестъ Маріи Терезіи—малый крестъ,—пбо по статуту надо начинать съ малаго. Посылаю Вамъ грамоту, чтобъ не потерять ея.

Непріятель преслѣдуетъ насъ весьма слабо (къ нашему счастью, такъ какъ онъ могъ бы захватить всѣ наши пушки). Мы уже потеряли много багажа.

Несчастному Моро отняли ноги.

Прощайте, милый другъ, завтра я буду въ Теплицѣ.

Близь Теплица, 18 Августа 1813.

Богъ, кажется, за насъ; Онъ внушилъ намъ аттаковать непріятеля, что намъ вполнѣ удалось: это, надѣюсь, поправитъ наши дѣла. Корпусъ Вандама почти уничтоженъ подъ стѣнами Лейпцига. Намъ досталось пять генераловъ, 36 пушекъ и больше пяти тысячъ плѣнныхъ. Блюхеръ, съ своей стороны, также на голову разбилъ французовъ, взявъ 55 пушекъ и три тысячи плѣнныхъ.

Бюловъ, въ арміи принца шведскаго, разбилъ ихъ при Пристеницѣ. Судя по всему этому, дѣла принимаютъ лучшій оборотъ. Оставайтесь же, пока, спокойно въ Прагѣ, другъ мой, посмотримъ, что дѣлать дальше.

У бѣднаго Остермана оторвало руку.

Прощайте, мой другъ, я радъ, что могу отправить Вамъ письмо болѣе утѣшительное, чѣмъ предыдущее.

Теплицъ, 20 Августа 1813 г.

Вы хорошо сдѣлали, другъ мой, что заговорили о нашихъ раненыхъ; надѣюсь, что порядокъ возстановится, потому что мы пошлемъ Кикина, чтобы устроить все это.

Наши дѣла идутъ прекрасно, но къ сожалѣнію, мы этимъ не умѣемъ пользоваться. Непріятель отступаетъ на всѣхъ пунктахъ. Блюхеръ уже отнялъ двѣсти двѣ пушки. Бернадотъ—сорокъ, а мы шестьдесятъ двѣ. Непріятель бросаетъ оружіе и бѣжитъ. Но если мы будемъ сидѣть сложа руки, онъ скоро сконцентрируется и еще можетъ сыграть съ нами плохую штуку, но такъ какъ Господь—нашъ Вождь, то я не сомнѣваюсь, что дѣла пойдутъ хорошо. Барклай получилъ Георгія первой степени; онъ его вполнѣ заслужилъ; это было хорошее дѣло.

Роздано еще много наградъ, но больше ничего не могу сказать Вамъ.

Пирна, 24 Августа 1813 г.

Опять мнѣ пришлось открыть компанію, мой другъ!

Судьба назначила Гувіону-Сенъ-Сиру быть моимъ противникомъ; онъ былъ разбитъ и отступилъ къ Дрездену; я аттаковалъ его на границѣ Богеміи въ ту минуту, когда онъ того не ожидалъ, и вотъ почему сраженіе не было жарко. Я преслѣдовалъ его до Дрездена, гдѣ онъ заперся. Мы потеряли всего около четырехсотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Блюхеръ преслѣдуетъ непріятеля во всю. Вотъ хорошія вѣсти, не правда ли?

Скажите графинѣ Остерманъ, что мужъ ея здоровъ; онъ постоянно при мнѣ.

На этихъ дняхъ надо ожидать большого дѣла противъ Блюхера и Бернадота. Принцъ шведскій, вѣроятно, недалеко.

Да поможетъ имъ Господь; предстоитъ нанести непріятелю очень важный ударъ.

Сегодня надѣюсь занять Пирну.

Господь наградитъ Васъ, что Вы заботитесь о нашихъ раненыхъ; это доброе дѣло.

Теплицъ, 30 Августа 1813 г.

Я увѣренъ, что вы были встревожены въ Прагѣ, узнавъ о близости непріятеля къ Теплицу. Много народа бѣжало, и бѣглецы внесли

тревогу. Но нѣтъ ничего страшнаго, мой другъ. Непріятель только слѣдовалъ за моими передовыми отрядами, направившимися на Дрезденъ; а такъ какъ это стѣсняло движеніе Наполеона, котораго преслѣдуютъ Блюхеръ и Бернадотъ, то онъ съ гвардіей пытался отбросить меня.

Теперь, надѣюсь, пойдемъ впередъ.

Мнѣ грустно слышать, что бѣдный Ротъ такъ боленъ. Я знаю, что Государь пожаловалъ ему десять тысячъ рублей.

Что же касается до назначенія его Генералъ-лейтенантомъ, то думаю, что это не состоится, такъ какъ онъ и въ Генералъ-маіоры произведенъ еще недавно. Кланяйтесь ему и скажите, что я сдѣлаю все возможное, чтобы онъ получилъ хорошую награду.

Не могу писать больше: ѣду въ лагерь.

Петерсвальде, 3 Сентября 1813.

Я все еще передвигаюсь между Теплицемъ и Пирной, другъ мой. Вчера у моего авангарда было блестящее дѣло; мы взяли больше семи сотъ плѣнныхъ.

Армія, не знаю почему, не двигается. Впрочемъ, дѣла идутъ хорошо. Бернадоттъ одержалъ блестящую побѣду надъ Нейемъ, командовавшимъ четырьмя корпусами. Въ послѣднемъ рапортѣ короля шведскаго говорится, что взято болѣе восьмидесяти пушекъ и десяти тысячъ плѣнныхъ. Здѣсь генералъ Фридманъ захватилъ по дорогѣ въ Лейпцигъ генерала и полторы тысячи плѣнныхъ.

Жаль, что мы теряемъ столько времени.

Передайте, пожалуйста, Роту, что онъ получилъ орденъ Краснаго орла. Скажи ему также, чтобъ слушался доктора и не слишкомъ много двигался.

Кульмъ, 6 Сентября 1813 г.

Въ честь именинъ императрицы Елизаветы мы вчера немного прохватили Наполеона, желавшаго выйти изъ Нолендорфскаго ущелья. Я его хорошо встрѣтилъ съ австрійцами, и вечеромъ онъ сталъ отступать.

Ней виновенъ, что не удалось причинить ему большаго вреда. Австрійцы дѣйствовали прекрасно. Наполеонъ самъ командовалъ, и въ дѣлѣ была его гвардія.

Вы прекрасно дѣлаете, что ухаживаете за ранеными; только боюсь, какъ бы Вы не захватили какой болѣзни. Сіонъ говоритъ мнѣ, что Вы часто навѣщаете ихъ, и воздухъ тамъ врядъ ли хорошъ; остерегайтесь-же, другъ мой, и берегите себя.

За время двухъ недѣль сегодня первый день, что не было стычки. До сихъ поръ то непріятель нападалъ на насъ, то мы на него. Это начинаетъ мнѣ чертовски надоѣдать, такъ какъ съ этими стычками теряешь слишкомъ много народа.

Сегодня государь пріѣзжалъ ко мнѣ на аванпосты и спросилъ себѣ позавтракать; я его угостилъ ветчиной, которую Вы мнѣ прислали. Она очень хороша, только ужъ мало осталось. Пришлите еще по первой возможности.

Напишите графинѣ Толстой, что я въ честь Императрицы Елизаветы и побилъ Наполеона. Особенное удовольствіе доставляетъ мнѣ то, что онъ лично командовалъ.

Кульмъ, 9 Сентября 1813 г.

Пользуюсь курьеромъ, котораго отправляетъ князь Горчаковъ, чтобы послать тебѣ нѣсколько словъ, дорогой другъ мой. Послѣ дѣла 5-го числа непріятель отступилъ къ Дрездену, а мы остаемся здѣсь. Пора мнѣ отдохнуть: вотъ уже мѣсяцъ, что не проходитъ дня безъ стычки.

Мы скоро уйдемъ отсюда; у насъ здѣсь рѣшительно во всемъ недостатокъ.

Положеніе непріятеля должно быть самое жалкое; французы начинаютъ питаться кониной.

Дорога отсюда до Дрездена покрыта трупами и павшими лошадьми. Погода ужасная; дождь льетъ, не переставая. Никогда въ Россіи мнѣ не случалось видѣть подобной осени.

Надѣюсь,-что Вамъ скоро можно будетъ пріѣхать въ Делау, Ваше любимое мѣсто пребыванія. Онъ уже занятъ нашими войсками. Какъ скоро мы перейдемъ черезъ Эльбу и вступимъ въ Лейпцигъ,—что, вѣроятно, совершится въ скоромъ времени,—можете пріѣхать.

Я не писалъ Вамъ, что мой бѣдный поваръ умеръ отъ пули, выпущенной случайно дуракомъ Емеліяномъ.

Я пробуду здѣсь по крайней мѣрѣ четыре дня.

Остаюсь на вѣки Вашъ.

Кульмъ, 10 Сентября 1813 г.

Я получилъ вчера Ваше письмо черезъ Кочубея, и очень смѣялся, узнавъ, что Вы постоянно ходите пѣшкомъ потому, что скупитесь купить пару лошадей. Чтобъ избавить Васъ отъ издержекъ, я распорядился послать Вамъ лошадей.

По всѣмъ вѣроятіямъ, мы еще до 15 двинемся на Лейпцигъ. Я иду авангардомъ. Беннигсенъ замѣнитъ меня здѣсь.

Боюсь, чтобы бѣдный Ротъ не кончилъ какъ Коцебу.

Берегите себя; не ходите слишкомъ часто въ госпиталь. Говорятъ, что Баварцы перешли на нашу сторону; повидимому это правда. Вотъ, стало быть, еще хорошее подкрѣпленіе. Наполеонъ все еще не хочетъ уходить изъ окрестностей Дрездена, но думаю, что голодъ скоро принудитъ его къ этому.

Дуксъ, 16 Сентября 1813 г.

Наконецъ-то мы двинулись, мой другъ, идемъ на Эрфуртъ. Если хотите быть поближе ко мнѣ, поѣзжай въ Карлсбадъ; оттуда, если мы пойдемъ дальше, Вы поѣдете къ моей сестрѣ*). Шведскій кронпринцъ черезъ Росбахъ направляется къ Лейпцигу. Беннигсенъ тамъ, а Блюхеръ будетъ преслѣдовать непріятеля, лишь только онъ удалится отъ Дрездена. Мы идемъ на Комотау, Маріенбергъ и Хемницъ.

---

*) Гр. Келлеръ.

Когда пріѣдете въ Карлсбадъ, то будете отъ меня совершенно въ такомъ же разстояніи, какъ теперь. Вюртембергцы присоединяются къ намъ.

Келлеръ просилъ меня крестить у него ребенка и собирался дать ему мое имя, не зная еще, будетъ ли это мальчикъ или дѣвочка. Напишите ему, что я согласенъ на это съ удовольствіемъ.

Комотау, 19 Сентября 1813 г.

Я преслѣдую Наполеона, поспѣшно отступающаго. Къ несчастью, черезъ-чуръ долго забавлялись въ Теплицѣ, и мы пришли слишкомъ поздно, чтобы быть въ состояніи сильно повредить ему, иначе ему досталось бы похуже, чѣмъ при Березинѣ.

Сейчасъ проѣхалъ курьеръ Тильмана, и сказалъ, что Наполеонъ уже за Лейпцигомъ. Стало быть, онъ лично спасенъ.

У Тильмана было дѣло два дня тому назадъ вмѣстѣ съ Платовымъ. Они взяли три тысячи плѣнныхъ и пять пушекъ.

Вотъ что я могу сообщить Вамъ, другъ мой; самъ я здоровъ. Однако вчера я свалился вмѣстѣ съ лошадью и немного ушибъ ногу. Придется похромать нѣсколько дней.

Теперь наши войска въ сборѣ. Непріятель не предпринялъ ничего серьезнаго, однако онъ подошелъ къ Лейпцигу; вѣроятно, тамъ мы дадимъ битву.

Аннабергъ, 22 Сентября 1813 г.

Завтра буду въ Цвикау. Стало быть, все удаляюсь отъ Васъ. Лишь только непріятель очиститъ окрестности Дрездена, напишу Вамъ. На этихъ дняхъ мои казаки будутъ въ Эрфуртѣ, такъ что могу получить извѣстіе о сестрѣ.

Начинаемъ дѣйствительно двигаться. Шведскій принцъ и Блюхеръ должно быть уже перешли Эльбу, чтобъ направиться къ Лейпцигу. Моментъ чрезвычайно интересный. Я пріѣхалъ въ Аннабергъ и нахожу, что городъ прелестенъ; впрочемъ, таковы всѣ Саксонскіе города. Здѣсь есть кружевныя фабрики; посылаю Вамъ образцы ихъ издѣлій. Можетъ быть, я плохо выбралъ; не сердитесь. Кружева мнѣ кажутся

очень красивы; изъ нихъ Вы можете себѣ сдѣлать чепчики. Спина у меня здорова, только представляетъ изъ себя географическую карту всѣхъ цвѣтовъ—желтаго, чернаго и синяго!

Благодарю Васъ, другъ мой, что не слишкомъ часто ходите въ госпиталь. Это дѣло доброе: но зараза страшна.

Борна, 29 Сентября 1813 г.

Началось послѣднее дѣйствіе, другъ мой, и мнѣ кажется, мы приближаемся къ развязкѣ. Армія Наполеона сосредоточена въ окрестностяхъ Лейпцига, и наши войска ее такъ окружаютъ, что у нея нѣтъ выхода. Всѣ пути ей перерѣзаны; дороги кишатъ нашими партизанами.

Чернышевъ въ Касселѣ; онъ отнялъ двадцать семь пушекъ и взялъ много плѣнныхъ.

Сестра въ Готѣ, а мужъ ея въ Штеттинѣ. Я здѣсь встрѣтилъ брата Келлера и просилъ сообщить ему, что подхожу; думаю, что наши казаки уже тамъ.

Вотъ письмо для Барятинскаго; перешлите его ему.

Не удивляйтесь, мой другъ, что пишу такъ плохо; три ночи не смыкалъ глазъ; меня будятъ каждую минуту.

Прощайте, дорогой другъ, скоро увидимся; такъ не можетъ долго продолжаться.

P. S. Сію минуту узналъ оффиціально, что баварцы за насъ. Выѣзжайте, чтобы приблизиться ко мнѣ и къ сестрѣ. Поѣзжайте на Карлсбадъ, и оттуда на Эрфуртъ.

7 Октября 1813 г.

Радостная, прекрасная вѣсть, дорогой другъ: Наполеонъ разбитъ; онъ бѣжитъ! Двѣсти тридцать пушекъ, больше тринадцати генераловъ и до двадцати пяти тысячъ человѣкъ въ нашихъ рукахъ. Лористонъ, Ренье, Мармонъ въ плѣну. Понятовскій потонулъ въ Эльстерѣ. Мы преслѣдуемъ бѣгущую армію; все, что есть нѣмецкаго, переходитъ на нашу сторону: саксонцы, поляки, баварцы, гессенцы; и все это къ

намъ переходитъ съ артиллеріей. Творится что-то неслыханное. Мы тоже понесли значительныя потери. Такой битвы во вѣкъ не будетъ. Семьсотъ тысячъ человѣкъ на одномъ полѣ сраженія!

Генералъ Шевичъ и Мантейфель убиты. Въ моемъ корпусѣ осталось мало людей. Мы утѣшаемся, видя, что конецъ близокъ.

Мое появленіе въ Лейпцигѣ вызвало радость. Меня узнали и привѣтствовали криками. Бѣдный городъ сильно пострадалъ; мы его взяли приступомъ, такъ какъ онъ былъ занятъ французами. Блюхеръ, Беннигсенъ и я, мы вступили въ него съ разныхъ сторонъ. Барклай и Беннигсенъ произведены въ графы.

Я получилъ орденъ Маріи Терезіи первой степени, и, кажется, готовятся брилліанты. Впрочемъ, мнѣ ничего не надо.

14 Октября 1813 г.

Такъ какъ я получилъ приказаніе двигаться дальше, то не буду имѣть счастья обнять Васъ еще нѣсколько времени, мой другъ, но мы далеко не уйдемъ, потому что почти достигли Рейна.

Мы здѣсь остановимся. Вы же побудьте у моей сестры въ Готѣ, если захотите. Кстати, не церемоньтесь съ нею относительно хозяйства и ведите его сами. Она теперь не въ состояніи имѣть хорошаго стола: французы ограбили ее до нитки и даже утащили всю кухонную посуду.

Она теперь почти въ бѣдности съ своими девятью дѣтьми; семь лѣтъ она жила, нуждаясь, такъ какъ ея доходовъ не хватало, чтобы содержать французовъ, стоявшихъ у нея. Я опредѣлилъ двухъ ея сыновей въ Гродненскій полкъ. Пятеро у нея еще дома. Не можете себѣ представить, до чего она измѣнилась; навѣрное, горе ее состарило. Она посѣдѣла.

Заботьтесь же сами о своемъ столѣ, какъ дѣлалъ я, и пусть это ей ничего не стоитъ. Что же касается ея мужа, я постараюсь черезъ Государя добыть ему мѣсто въ Германіи*), такъ какъ все начинаютъ снова организовывать.

Сестра передастъ Вамъ это письмо; еще разъ поручаю ее Вамъ.

*) Графъ Келлеръ былъ назначенъ прусскимъ посломъ въ Вѣну.

Гота, 16 Октября 1813 г.

Сестра ждетъ Васъ съ нетерпѣніемъ. Я нанялъ для Васъ помѣщеніе въ городѣ. Французы бѣгутъ здѣсь такъ же, какъ въ Россіи; они умираютъ дорогой и все жгутъ на своемъ пути. Я остаюсь здѣсь, чтобы взять Эрфуртъ, гдѣ непріятель укрѣпился; можетъ случиться, что взятіе города потребуетъ нѣкотораго времени.

Мы ждемъ Васъ съ нетерпѣніемъ. Я устраиваю свою штабъ-квартиру въ имѣніи сестры, въ милѣ отъ Эрфурта.

Ганау, 18 Октября 1813 г.

Я благополучно прибылъ сюда, другъ мой; переправы черезъ рѣки хороши, но дороги очень плохи; если не станетъ морозить, грязь будетъ ужасная.

Городъ, хотя великъ, но некрасивъ. Я живу у помощника мэра, у котораго порядочный домъ. Завтра ѣду въ Саверпъ. Остановлюсь въ Люневиллѣ, и если дороги окажутся хороши, ты пріѣдешь ко мнѣ на нѣсколько дней и увидишь Францію. Я вышлю кого-нибудь Вамъ на встрѣчу.

Кстати: не знаю, не остался ли у Васъ одинъ изъ моихъ эполетъ; другой здѣсь. Перешлите мнѣ его.

Дѣла идутъ прекрасно. Шварценбергъ разбилъ Л...*) и взялъ двѣнадцать пушекъ. Его авангардъ уже былъ въ Шомонѣ, и онъ со всей арміей направляется въ Труа, въ тринадцати миляхъ отъ Парижа.

Непріятель отступаетъ на всѣхъ пунктахъ и стягивается къ Шалону на Марнъ. Какъ видите, мы приближаемся къ Парижу. Надѣюсь, что не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ все будетъ рѣшено. Жители до сихъ поръ принимаютъ насъ хорошо.

*) Вѣроятно Латуръ-Мобуръ, которому раздробило ногу при Лейпцигѣ. Маршалъ Ларпстонъ былъ тоже разбитъ и взятъ въ плѣнъ, но не Шварценбергомъ, а русскимъ генераломъ Емануелемъ.

РУССКІЕ ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ 1814 ГОДУ

Замѣтка *).

Александръ I былъ очаровательно любезенъ по отношенію къ Франціи. Въ Moniteur'ѣ отъ 2-го апрѣля 1814 г. было объявлено: „Военные всѣхъ чиновъ, находящіеся въ настоящее время въ Парижѣ, по какимъ либо обстоятельствамъ, или для поправленія отъ ранъ,—не имѣютъ надобности скрываться, такъ какъ они совершенно свободны". Но эта любезность все же не гарантировала отъ непріятностей. Корпусъ жандармовъ, очень преданный Наполеону, открыто относился враждебно къ иностранцамъ. Австрійскій главнокомандующій, князь Шварценбергъ, приказалъ было ихъ разоружить и уволить, но префектъ полиціи выпросилъ отмѣну этого распоряженія. Волненіе между ними росло. Капитанъ отряда, помѣщавшагося въ казармахъ Минимъ, просилъ префекта полиціи съѣздить и уговоритъ его отрядъ. Префектъ пріѣхалъ утромъ и сталъ говорить рѣчь о поддержаніи добраго порядка, но былъ прерванъ криками: „Мы хотимъ быть съ императоромъ!". Въ этотъ моментъ нѣсколько озлобленныхъ солдатъ бросились на него, но были остановлены офицерами. Префектъ объявилъ тогда, что желающіе могутъ уйти со службы и „присоединиться къ императору", но безъ оружія; они получатъ паспорты и должны удалиться не позже 6 часовъ вечера. Только 4 человѣка оставили службу. Русскіе казаки, глядя на Францію какъ на завоеванную страну, стали дѣлать рекогносцировки и брать то, что плохо лежало. На новомъ мосту они устроили даже рынокъ для сбыта захваченнаго. Губернаторъ Парижа, генералъ Сакенъ, назначилъ по деревнямъ особыхъ охранителей. *Къ его особѣ былъ прикомандированъ префектомъ Парижа особый агентъ, чтобы удер-*

*) По мемуарамъ Пакье, Мирбо и даннымъ Парижскаго Національнаго Архива.

живать его отъ распоряженій, могущихъ повредить порядку и спокойствію, какія онъ могъ по неопытности сдѣлать.

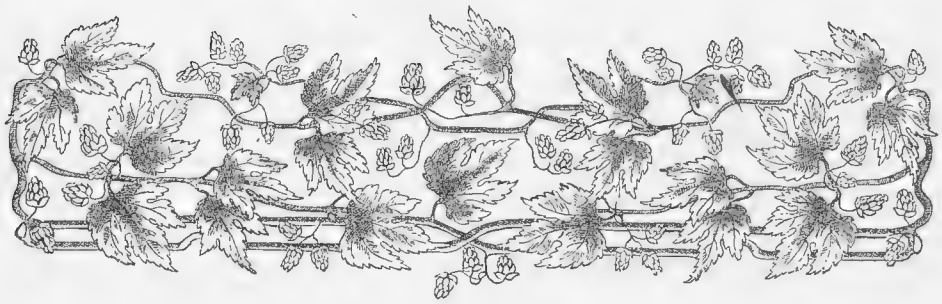
Роялисты вездѣ уничтожали вензеля Наполеона и сбрасывали его изображенія. Нѣкто де-Мобрейль дошелъ до того, что проѣхался по бульварамъ, привязавъ крестъ Почетнаго Легіона къ хвосту своей лошади. Его чуть не убили.

2-го апрѣля Талейранъ давалъ обѣдъ Александру. Во время обѣда префекту Парижа донесли, что, по приказанію одного изъ адъютантовъ Государя, сегодня въ оперѣ даютъ „Торжество Траяна“, и самъ Александръ хочетъ быть тамъ съ королемъ прусскимъ. Префектъ спросилъ Талейрана, извѣстно ли ему это? Тотъ переговорилъ съ Александромъ, и эта опера была замѣнена „Весталкой“. Дѣло въ томъ, что „Торжество Траяна“—было составлено въ честь Наполеона. Въ особенности конфузно было положеніе короля прусскаго во время сцены, когда Траянъ, изъ милости къ одной знатной дамѣ, бросаетъ попавшее ему въ руки письмо ея мужа, повергающее Траяна въ большую опасность. Сцена эта была взята съ натуры. Она произошла съ Наполеономъ въ Берлинѣ, и знатная дама была княгиня Гацфельдъ.

Въ воскресенье, 3 апрѣля, Александръ посѣтилъ сенатъ, гдѣ ему поднесли декретъ о низложеніи Наполеона. Онъ сказалъ: „Я—другъ французовъ; то, что вы сдѣлали, еще болѣе увеличило нашу дружбу. Разумно и справедливо дать Франціи прочныя и либеральныя учрежденія: мои союзники и я будемъ покровительствовать свободѣ вашей“. Потомъ онъ добавилъ: „Чтобы показать, что я хочу заключить съ вашей націей прочный союзъ, я возвращаю вамъ всѣхъ французскихъ плѣнныхъ“. Популярность Александра возрастала въ Парижѣ все болѣе и болѣе; онъ всюду ѣздилъ одинъ и посѣщалъ общественныя учрежденія, сопровождаемый овиціями.

С. Фарфоровскій

Парижъ, 1912.



АДОЛЬФЪ ИВАНОВИЧЪ ДОБРЯНСКІЙ-САЧУРОВЪ

(Родился 6 (18) декабря 1817 г.—умеръ 6 (19) марта 1901 г.)

Первый періодъ жизни: 1817—1848 гг.

(Время до выступленія на общественное поприще).

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, выводимаго имъ отъ Томова Совы, который, по его словамъ, въ X вѣкѣ переселился съ Руси въ Угрію съ княземъ Гейзою, былъ тамъ воеводою и мужественно защищалъ православіе отъ посягательствъ католиковъ. Дворянство Добрянскихъ, какъ полагалъ Адольфъ Ивановичъ, было признано жупаномъ Кендешемъ изъ Макомвизы въ 1445 году и Мараморышскою законодательною палатою въ 1763 году. Дѣдъ и отецъ А. И. Добрянскаго были священники. Его мать—Шарлотта Андреевна, урожденная Сепешгазій (дочь Левочскаго городского головы), была очень образованной женщиной и говорила на пяти языкахъ: нѣмецкомъ, мадьярскомъ, французскомъ, латинскомъ и, отчасти—русскомъ.

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій родился 6 (18) декабря 1817 года въ селѣ Рудлевѣ (Земплинской столицы), гдѣ его отецъ—Иванъ Ивановичъ—былъ настоятелемъ прихода. Первые годы дѣтства Адольфъ Ивановичъ провелъ у своихъ родителей, гдѣ и научился русскому чтенію и письму.

Когда А. И. Добрянскому исполнилось пять лѣтъ, его отправили для изученія нѣмецкаго языка къ бабушкѣ Варварѣ Сепешгазій въ городъ Левочу; здѣсь онъ прошелъ также первые два класса гимназіи (1827—1828 гг.). Послѣдующіе классы онъ проходилъ: третій въ Рож-

нявѣ (1829 г.) гдѣ, кромѣ того, хорошо научился мадьярскому, языку; четвертый и пятый—въ Мишковцѣ (1830—1831 гг.), гдѣ, подъ руководствомъ мѣстнаго православнаго духовенства, познакомился съ догматами и обрядами православной церкви. Шестой классъ (въ то время послѣдній)—опять въ Левочѣ, такъ какъ неподалеку отъ этого города находилось село Завадка, въ которое былъ тогда переведенъ изъ Рудлева его отецъ. Во всѣхъ классахъ гимназіи А. И. Добрянскій шелъ первымъ ученикомъ.

Высшее образованіе А. И. Добрянскій получилъ по двумъ факультетамъ: философскому—въ Кошицахъ (1833 г.) и Ягрѣ (1834 г.) и юридическому—въ Ягрѣ (1835—1836 гг.). Уже въ годы студенчества сложилось свавянофильское міросозерцаніе А. И. Добрянскаго, и онъ былъ духовнымъ вождемъ ягерской славянской молодежи. Надо замѣтить, что въ Ягрѣ онъ даже подвергался преслѣдованію со стороны лицейскаго начальства за свое ревностное посѣщеніе православнаго храма. И широкое славянолюбіе и преданность православію, столь характерныя для всей послѣдующей жизни и дѣятельности А. И. Добрянскаго, развились и окрѣпли въ немъ подъ воздѣйствіемъ угро-сербскаго православнаго духовенства. Даже первую книгу на общерусскомъ языкѣ онъ получилъ отъ серба (Исаковича). Поэтому-то на склонѣ лѣтъ Адольфъ Ивановичъ любилъ называть себя Срѣмцемъ, въ честь Срѣма (земли на югѣ Угріи), гдѣ такъ много православныхъ сербскихъ монастырей.

По окончаніи университетскихъ наукъ онъ недолгое время занимался юридической практикой, а затѣмъ отправился въ Шавницу и поступилъ для изученія горнаго дѣла и лѣсоводства въ Горную и Лѣсную Академію, въ которой и прослушалъ полный, четырехгодичный курсъ. Тутъ А. И. Добрянскій познакомился съ русскими изъ Россіи и Галичины и представителями другихъ славянскихъ племенъ, пріѣзжавшими учиться въ знаменитую тогда академію (нынѣ же совсѣмъ заглохшую подъ мадьярскимъ управленіемъ).

9 (21) іюня 1840 года онъ былъ назначенъ практикантомъ въ Виндшахту, около Щавницы, а въ 1842 году его сдѣлали тамъ же кунстофицеромъ.

2 (14) мая 1846 года А. И. Добрянскому,—за его четырехлѣтнюю полезную службу, изобрѣтенія и улучшенія и особенно за заслуги по предупрежденію наводненій въ шахтахъ—была назначена награда въ

200 гульденовъ. Въ томъ же (1846) году онъ былъ вызванъ въ Вѣну для слушанія высшей математики, механики, архитектуры и машиностроенія и занятій въ строительныхъ мастерскихъ Вѣнско-глокницкой желѣзной дороги подъ руководствомъ лучшихъ спеціалистовъ-инженеровъ.

22 апрѣля (4 мая) 1847 года А. Добрянскому приказано ѣхать въ Чехію, гдѣ ему удалось затѣмъ открыть каменно-угольныя копи, а черезъ мѣсяцъ онъ назначенъ кунстофицеромъ въ Брандейзель, въ той же Чехіи. Кромѣ того, Адольфъ Ивановичъ много способствовалъ развитію каменноугольнаго дѣла въ Моравіи и австрійской Силезіи.

Въ бытность въ Чехіи онъ познакомился съ В. В. Ганкою и другими дѣятелями Славянскаго Возрожденія, что̀ еще болѣе укрѣпило славянофильскія воззрѣнія А. И. Добрянскаго.

Второй періодъ жизни: 1848—1886 гг.

(Время самой оживленной государственной и общественной дѣятельности).

16 (28) марта 1848 г. А. И. Добрянскому данъ приказъ вернуться въ Угрію. Въ апрѣлѣ онъ представился министру финансовъ Кошуту, а затѣмъ поѣхалъ снова въ Виндшахту, около Щавницы, гдѣ находилась у своихъ родителей его жена съ дѣтьми. Здѣсь словаки восторженно встрѣтили А. И. Добрянскаго и избрали его депутатомъ въ угорскій сеймъ; однако выборъ былъ насильственно отмѣненъ на мѣстѣ, въ городкѣ Нѣмцахъ, и депутатомъ объявленъ нѣмецъ-мадьяронъ Эмерихъ Шенбери (прежде Шенбергъ).

Мадьяры, видя въ А. И. Добрянскомъ предводителя всѣхъ угорскихъ славянъ, хотѣли его схватить и предать казни. Поэтому Адольфу Ивановичу пришлось спасаться бѣгствомъ отъ мадьярскихъ шовинистовъ, боровшихся за свою *свободу*, основанную *на рабствѣ* всѣхъ не-мадьярскихъ народностей Угріи.

21 сентября (3 октября) А. И. Добрянскій получилъ 4-недѣльный отпускъ въ Завадку, куда вскорѣ и отправился къ отцу. По дорогѣ онъ узналъ о казни нѣсколькихъ словацкихъ патріотовъ, что еще болѣе подтвердило его предположенія о грозящей ему опастности. Онъ скрывался то у своего отца на Спишѣ, то у зятя Яницкаго въ Мальцовѣ. Когда же пришло австрійское войско подъ начальствомъ графа Шлика и стало побѣждать мадьяръ, А. И. Добрянскій поселился въ Пряшевѣ,

гдѣ собиралъ подписи подъ прошеніемъ къ императору Францу-Іосифу о присоединеніи Угорской Руси къ Галичинѣ. Этимъ путемъ угро-русское населеніе хотѣло навсегда избавиться отъ притѣсненій мадьяръ.

Вскорѣ стали подходить новыя мадьярскія войска, и генералъ Шликъ началъ отступать. А. И. Добрянскій, ѣхавшій на свадьбу своего брата Константина Ивановича, едва не попался въ руки гонведамъ (въ ночь съ 4 (16) на 5 (17) февраля 1849 года), успѣвъ во́-время укрыться отъ выстрѣловъ въ сосѣднемъ лѣсу. Когда же и на слѣдующій день Кошутовы солдаты продолжали искать Адольфа Ивановича, мѣстные русскіе крестьяне дали имъ отпоръ, взяли въ плѣнъ мятежниковъ и отдали ихъ въ руки отступавшаго австрійскаго войска. Послѣ этого А. И. Добрянскій отправился въ Галицкую Русь, гдѣ остановился въ Тыличѣ у священника Михаила Кринницкаго. Здѣсь его жена родила сына Мирослава; съ ними были еще дочь Ольга и сынъ Владиміръ. Когда здоровье жены улучшилось, А. И. Добрянскій уѣхалъ въ Перемышль, гдѣ познакомился съ епископомъ (позднѣе митрополитомъ) Григоріемъ Яхимовичемъ и крылошанами: Полянскимъ, Вытушинскимъ, Ганилевичемъ и Іосифомъ Левицкимъ, который впослѣдствіи посвятилъ ему свое сочиненіе.

Далѣе мы видимъ А. И. Добрянскаго въ столицѣ Галицкой Руси—гор. Львовѣ. Здѣсь онъ былъ съ большимъ почетомъ принятъ русскими патріотами (онъ прямо изъ гостинницы поѣхалъ въ архіеп. зданіе при св. Юрѣ, гдѣ и жилъ съ семьей). Во Львовѣ А. И. Добрянскій познакомился съ Куземскимъ, Малиновскимъ, Лотоцкимъ, Величковскимъ, братьями Хоминскими, Гуркевичемъ, Петрушевичемъ, Зубрицкимъ и многими другими дѣятелями Галицкой Руси. А. И. Добрянскій участвовалъ въ засѣданіяхъ „Головной рады русской“ и въ депутаціи, высланной радою для поднесенія намѣстнику графу Голуховскому прошенія о присоединеніи Угорской Руси къ Галицко-Владимирскому королевству, подписанаго угро-русской интеллигенціей. Потомъ А. И. Добрянскій поѣхалъ въ Вѣну узнать, почему нѣтъ отвѣта на это прошеніе. Замѣститель министра внутреннихъ дѣлъ, два раза долго разговаривавшій съ А. И. Добрянскимъ, сказалъ ему, что „правительство не можетъ допустить, чтобы Угорская Русь освобождалась собственными силами отъ ига мадьяръ, такъ какъ это вело бы непремѣнно къ непорядкамъ, и что желаемому возсоединенію австрійской Руси противустоятъ важные интересы государства“ (Автобіографія).

19 апрѣля (1 мая) 1849 года А. И. Добрянскій былъ назначенъ помощникомъ гражданскаго комиссара при русскомъ войскѣ графа Франца

Зичія, а 13 (25) іюня—гражданскимъ комиссаромъ при 3 корпусѣ генерала Ридигера. Послѣдній очень цѣнилъ совѣты А. И. Добрянскаго, знавшаго хорошо мѣстность, людей и общее положеніе вещей въ Угріи. На прощаніе Адольфъ Ивановичъ получилъ отъ Ридигера благодарственное письмо. Вообще А. И. Добрянскій пользовался большимъ уваженіемъ и любовью со стороны военно-начальствующихъ лицъ, что послѣдними не разъ подчеркивалось и на дѣлѣ. Такъ, напр., князь Паскевичъ подарилъ ему два драгоцѣнныхъ пистолета.

А. И. Добрянскій участвовалъ въ большихъ сраженіяхъ при Вацовѣ и Дебрецинѣ. А въ селѣ Артандѣ близъ Великаго Варадина ему пришлось присутствовать при пріемѣ графомъ Ридигеромъ мадьярской военной депутаціи, которая отъ лица всей арміи просила о присоединеніи Угріи къ Россіи. Подъ Вилагошемъ А. И. Добрянскій былъ единственнымъ представителемъ Австріи, и ему передали плѣнныхъ.

Во время похода Адольфу Ивановичу пришлось пережить немало тяжелыхъ минутъ, вслѣдствіе чего пошатнулось его крѣпкое здоровье. Онъ вездѣ освобождалъ изъ тюремъ заключенныхъ мадьярами ни въ чемъ неповинныхъ славянскихъ дѣятелей, слѣдилъ, чтобы не было грабежей, и заботился о продовольствіи войска. Интересно при этомъ отмѣтить, что мѣстное мадьярское населеніе не хотѣло отпускать съѣстныхъ припасовъ для австрійскихъ солдатъ, наоборотъ, для русскихъ воиновъ имъ дѣлалось все охотно. Это мадьяры объясняли тѣмъ, что австрійцевъ считаютъ своими врагами, а русскихъ—союзниками, такъ какъ послѣ окончанія возстанія примутъ подданство Россіи. За свою дѣятельность въ качествѣ военнаго комиссара при русской арміи въ 1849 году, А. И. Добрянскій былъ награжденъ сразу двумя орденами: св. Владимира 4 ст. (указъ данъ 20 авг. (1 сент.), грамота—16 (28) сент. 1849 г.) и св. Анны 3 ст. (указъ данъ 21 авг. (2 сент.), а грамота—2 (14) сент. 1849 г.) Это необычайное пожалованіе надо объяснять по всей вѣроятности тѣмъ, что къ ордену Владимира его представилъ князь Паскевичъ, а къ ордену Анны—генералъ Ридигеръ. Замѣтимъ при этомъ, что австрійскій императоръ разрѣшилъ А. И. Добрянскому русскіе ордена принять и носить, русскую же медаль въ память похода съ надписями „За усмиреніе Венгріи и Трансильваніи“—и „Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“! принять, но *не носить* (объ этомъ сохранилось особое письмо графа Зичія отъ 20 іюня (2 іюля) 1850 года), можетъ быть потому, что видѣлъ въ послѣдней надписи намекъ на предложеніе русскому царю угорской

короны; въ австрійской же медали за угорскій походъ А. И. Добрянскому отказано (бумага вѣнскаго „Platz Commando“ отъ 2 (14) дек. 1882 года).

Нѣкоторое время (въ 1849 году), А. И. Добрянскій управлялъ въ качествѣ верховнаго комиссара Сегединскимъ округомъ, но вскорѣ опасно заболѣлъ и оставилъ эту должность. Тотчасъ по выздоровленіи А. И. Добрянскій вмѣстѣ съ братомъ—каноникомъ Викторомъ Ивановичемъ и другими угро-русскими патріотами отправился въ Вѣну просить императора о присоединеніи Угорской Руси къ Галичинѣ. Члены депутаціи, имѣвшіе полномочія отъ Пряшевскаго епископа Іоспфа Гаганца и обѣихъ угро-русскихъ консисторій, были милостиво приняты императоромъ Францемъ-Іоспфомъ, но удовлетворенія своей просьбы не добились. Однако, образованіе Ужгородскаго округа и назначеніе А. И. Добрянскаго и другихъ угро-руссовъ на административныя должности въ Угорской Руси въ значительной степени объясняются впечатлѣніемъ, произведеннымъ этимъ посольствомъ на вѣнскія правительственные круги. 3 (15) октября 1849 года Адольфъ Ивановичъ былъ назначенъ вторымъ окружнымъ докладчикомъ (референтомъ) и правителемъ канцеляріи въ Ужгородъ.

Дѣятельность А. И. Добрянскаго на этомъ поприщѣ была весьма благотворна для Угорской Руси. Онъ добился назначенія русскихъ чиновниковъ, ввелъ въ дѣлопроизводство русскій языкъ, сдѣлалъ русскія надписи на улицахъ, призналъ русскую церковь оффиціальной и, вообще, высоко поднялъ національное самосознаніе среди угро-русскаго населенія.

Однако, патріотическая дѣятельность А. И. Добрянскаго не могла понравиться мадьярскимъ политикамъ, стремившимся къ порабощенію угро-русскаго народа; они добились того, что Адольфъ Ивановичъ, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего назначенія, былъ (приказомъ командующаго войсками Кошицкаго военнаго округа генерала Бордоло, отъ 19 февраля (3 марта) 1850 года) посланъ въ Шарышъ въ качествѣ королевскаго комиссара для разслѣдованія злоупотребленій жупана и другихъ чиновниковъ.

Дальнѣйшая (съ 1850 по 1861 гг.) служебная карьера А. И. Добрянскаго протекала слѣдующимъ образомъ.

30 апрѣля (12 мая) 1850 г. Бордоло вызвалъ А. И. Добрянскаго для устнаго доклада о командировкѣ въ Кошицы, гдѣ послѣдній и остался

опять въ качествѣ референта. Въ концѣ 1850 года А. И. Добрянскій получилъ двѣ командировки въ Шарышскую столицу для разбора жалобъ крестьянъ на притѣсненія помѣщиковъ.

4 (16) марта 1851 года А. И. Добрянскій назначенъ окружнымъ референтомъ въ Будапештѣ, а 14 (26) марта—тамъ же секретаремъ перваго класса при угорскомъ намѣстничествѣ.

Императорскимъ указомъ отъ 9 (21) іюня 1853 г. назнанъ членомъ намѣстническаго совѣта съ жительствомъ въ Великомъ Варадинѣ, а императорскимъ указомъ отъ 23 мая (4 іюня) 1860 г. переведенъ на ту же должность въ Будапештъ.

Въ бытность свою въ Великомъ Варадинѣ А. И. Добрянскій часто состоялъ членомъ и предсѣдателемъ разныхъ коммиссій и исполнялъ самыя отвѣтственныя порученія. Особенно отличился онъ при устройствѣ земельныхъ отношеній освобожденныхъ въ 1848 году крестьянъ, при постройкѣ желѣзныхъ и другихъ дорогъ, осушкѣ болотъ и регуляціи рѣкъ (такъ, напримѣръ, А. И. Добрянскій сдѣлалъ судоходною рѣку Марошъ и сократилъ ея теченіе на 10 миль; также сократилъ теченіе рѣкъ: Кереша и Беретва на 53 мили и Самоша—на 27); главная заслуга А. И. Добрянскаго состоитъ въ томъ, что онъ все это выполнилъ съ малыми затратами, такъ какъ заинтересовалъ этимъ дѣломъ мѣстное населеніе.

За всѣ эти заслуги А. И. Добрянскій получилъ въ 1857 году орденъ Желѣзной короны 3 ст., а 22 декабря того же (1857) г. (3 янв. 1858 г.) ему пожаловано рыцарское достоинство съ прибавленіемъ *Сачуровъ* (von Szacsurov); онъ купилъ передъ тѣмъ село Сачуровъ, въ Земплинской столицѣ, которое впослѣдствіи продалъ.

Въ 1859 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ отличился при покупкѣ лошадей для австрійской арміи, сражавшейся тогда въ Италіи. Въ томъ же (1859) году императорско-королевскій геологическій институтъ избралъ его членомъ-корреспондентомъ за заслуги при химико-геологическомъ изслѣдованіи минеральныхъ источниковъ.

Въ 1861 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ командированъ изъ Будапешта въ Мукачевъ для ревизіи мѣстной тюрьмы.

Въ 1861 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ избранъ отъ Шарыша депутатомъ въ угорскій сеймъ, но едва онъ въ немъ появился,

какъ мадьярскіе шовинисты встрѣтили его криками: „молчать“, „долой его“ и не только не дали произнести замѣчательную рѣчь (впослѣдствіи напечатанную по-нѣмецки), но даже отмѣнили его выборъ. Когда же А. И. Добрянскаго-Сачурова населеніе избрало вторично, власти вновь отмѣнили выборъ. Положеніе А. И. Добрянскаго-Сачурова въ Будапештѣ сдѣлалось невыносимымъ и онъ, безъ предварительнаго полученія отпуска, уѣхалъ въ Вѣну и ходатайствовалъ предъ императоромъ о переводѣ его въ столицу Австріи. Ему, однако, вмѣсто удовлетворенія просьбы, было приказано немедленно вернуться въ Будапештъ для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей (бумага графа Форгача отъ 1 (13) ноября 1861 года).

Въ бытность въ Вѣнѣ (весною 1861 г.) Адольфъ Ивановичъ прочелъ нѣкоторымъ собравшимся у него мѣстнымъ славянамъ свою рѣчь, которую онъ хотѣлъ было произнести въ угорскомъ сеймѣ во время преній объ адресѣ (онъ не могъ этого сдѣлать потому, что мадьярское большинство нарочно отложило провѣрку его полномочій до окончанія преній). Вскорѣ послѣ этого упомянутая непроизнесенная рѣчь была напечатана на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „*Рѣчь депутата угорскаго сейма Адольфа Добрянскаго по вопросу объ адресѣ*“ („*Rede des ungarischen Landtags-Adgeordnetén Adolf Ritter von Dobrzansky in der Adress-Angelenheit*“, Вѣна, 1861 г., стр. 130).

Въ первой части этой замѣчательной рѣчи Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ отношеніе Угріи къ другимъ частямъ Габсбургской монархіи и на основаніи историческихъ данныхъ доказываетъ, что Угрія такъ же, какъ и Чехія, состоитъ съ Австріею не въ персональной, а въ реальной уніи (хотя въ случаѣ пресѣченія династіи Габсбурговъ обѣ онѣ снова обратились бы въ самостоятельныя избирательныя королевства).

Во второй части рѣчи А. И. Добрянскій-Сачуровъ требуетъ правъ на національное существованіе для не-мадьярскихъ народовъ Угріи и предлагаетъ раздѣлить ее на пять автономныхъ національныхъ областей: нѣмецко-мадьярскую, сербскую, румынскую, русскую и словацкую, соглашаясь, впрочемъ, на исключительное употребленіе мадьярскаго языка въ общемъ сеймѣ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ. Каждый изъ перечисленныхъ народовъ долженъ имѣть свои низшія, среднія и высшія юридическія школы; въ единственномъ же тогда Будапештскомъ университетѣ преподаваніе можетъ вестись на мадьярскомъ языкѣ.

Говоря о не-мадьярскихъ народахъ, Адольфъ Ивановичъ особенно подробно останавливается на историческихъ правахъ угро-руссовъ, которые издавна пользовались полною автономіею и даже особымъ привилегированнымъ положеніемъ. Въ доказательство этого А. И. Добрянскій-Сачуровъ приводитъ множество неизданныхъ до тѣхъ поръ грамотъ, найденныхъ имъ главнымъ образомъ въ архивѣ Лелесскаго монастыря (Земплинской столицы). Эта часть рѣчи имѣетъ особенную научную цѣнность, какъ первое,—послѣ оконченнаго въ самомъ началѣ XIX в. труда Базиловича,—серьезное, основанное на документальныхъ данныхъ, сочиненіе по исторіи Угорской Руси, не утратившее своего значенія и до настоящаго времени.

Въ 1862 г. А. И. Добрянскій-Сачуровъ получилъ, по случаю 1000-лѣтія Россіи, русскій орденъ Анны 2 ст., а въ 1863 г. ему пожалованъ австрійскій чинъ гофрата.

Императорскимъ указомъ отъ 22 мая (3 іюня) 1864 г. онъ назначенъ совѣтникомъ-докладчикомъ угорской придворной канцеляріи въ Вѣнѣ. До введенія дуализма (1867 г.) и образованія отвѣтственнаго министерства въ Будапештѣ, канцелярія эта была высшимъ правительственнымъ органомъ для Угріи, такъ что должность совѣтника придворной канцеляріи соотвѣтствовала должности министра.

Въ 1867 г. угорская придворная канцелярія была упразднена, и Адольфъ Ивановичъ, не желая быть орудіемъ воинствующаго мадьяризма, вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя служенію родному народу на закарпатской окраинѣ Русской Земли.

Изъ плодовъ болѣе ранней дѣятельности А. И. Добрянскаго-Сачурова въ этомъ направленіи отмѣтимъ основаніе въ 1864 г. литературнаго общества св. Василія Великаго въ Ужгородѣ, сыгравшаго важную роль въ угро-русскомъ возрожденіи и дожившаго до начала XX вѣка, когда оно было преобразовано въ паевое книгоиздательское товарищество „Уніо“.

Въ 1865 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ избранъ отъ Шарыша депутатомъ угорскаго сейма, въ которомъ онъ и оставался до конца 1868 года. Въ сеймѣ Адольфъ Ивановичъ проявилъ кипучую и разностороннюю дѣятельность, о которой можно лучше всего судить по произнесеннымъ имъ, въ 1867—1868 годахъ, рѣчамъ. (Болѣе же раннихъ рѣчей намъ не удалось достать. Возможно, что онѣ и не были

изданы, такъ такъ раньше угорскій сеймъ былъ областнымъ и только съ 1867 г. получилъ самостоятельное значеніе).

1) *27 октября (8 ноября) 1867 года* онъ говорилъ о мѣстномъ самоуправленіи по поводу запроса о роспускѣ правительствомъ Ягерской стóличной коммиссіи (подобіе земскаго собранія) за политическое выступленіе. По мнѣнію А. И. Добрянскаго-Сачурова, мѣстное самоуправленіе не подчинено (субординировано) правительству, а сочинено (координировано) съ нимъ. Такъ вѣдь всегда было въ Угріи, такъ обстоитъ дѣло и въ Австріи. Дѣйствія правительства нарушаютъ конституцію. Впрочемъ, Адольфъ Ивановичъ не присоединился ни къ одному предложенію, такъ какъ сеймъ, не протестовавшій противъ болѣе крупныхъ правонарушеній,—въ Семиградьѣ и Рѣкѣ, въ Хорватіи и Славоніи, гдѣ въ послѣднее время даже навязывали депутатовъ, чѣмъ подтасовывали выборы,—поступилъ бы непослѣдовательно, защищая права мадьярскихъ самоуправленій, которыя (это видно изъ поведенія Земплинской стóлицы по отношенію къ населяющему ее русскому народу) часто представляютъ не интересы населенія, а взгляды отдѣльныхъ лицъ—членовъ коммиссіи. А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ за то, чтобы сеймъ, обсудивъ предложеніе, просто перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, въ надеждѣ на внесеніе правительствомъ законопроекта о мѣстномъ самоуправленіи.

2) *1(13) декабря 1867 года* онъ выступилъ съ рѣчью, направленной противъ законопроекта о принятіи Угріей части австрійскаго государственнаго долга. А. И. Добрянскій-Сачуровъ признается, что всегда былъ противникомъ дуализма, но разъ послѣдній получилъ силу закона, то Угрія тѣмъ самымъ освобождается отъ платежа австрійскихъ долговъ. Къ тому же угорская половина монархіи бѣднѣе и болѣе обременена налогами; пусть лучше Австрія увеличитъ налогъ на доходы съ капиталовъ: тогда она не только покроетъ перерасходъ, но и настолько окрѣпнетъ, что Угрія будетъ смотрѣть на нее, какъ на могущественнаго и постояннаго союзника. При этомъ Австрія должна немедленно позаботиться объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій чеховъ и другихъ славянъ, а также положить предѣлъ произволу графа Голуховскаго, политика котораго довела Галицкую Русь до небывалаго упадка. Угрія, съ непредставленными въ сеймѣ Хорватіей и Славоніей, и безъ того слишкомъ обременена; а вѣдь политика переобремененія—наихудшая политика! Для пріобрѣтенія или сохраненія свободы Угріи нужны не войско и не налоговыя жертвы, а скорѣйшее разрѣшеніе вопросовъ національныхъ и соціальныхъ. Придерживаясь такого взгляда и не

желая брать на себя отвѣтственности за послѣдствія принятія законопроекта, А. И. Добрянскій-Сачуровъ присоединился къ предложенію Коломана Тиссы.

3) *24 іюня(6 іюля) 1868 года* А. И. Добрянскій-Сачуровъ выступилъ по поводу законопроекта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ податяхъ, защищая при этомъ свою поправку.

4) *25 іюня (7 іюля) 1868 года* говорилъ противъ законопроекта, вводившаго налогъ на дома, что было бы особенно обременительно для крестьянскаго населенія Угріи.

5) *7(19) октября 1868 года* А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ своей рѣчи защищалъ министерскій законопроектъ объ учрежденіи, вмѣсто одного, восьми аппелляціонныхъ судовъ въ разныхъ частяхъ Угріи, высказавшись при этомъ противъ мнѣнія сеймовой комиссіи, которая, въ ущербъ не-мадьярскимъ народностямъ, отстаивала учрежденіе только двухъ аппеляціонныхъ судовъ—въ Будапештѣ и въ странѣ семиградскихъ секлеровъ, въ гор. Вашархелѣ-на-Марошѣ. А. И. Добрянскій-Сачуровъ указывалъ на опасность для Угріи отъ недовѣрія не-мадьярскихъ народностей къ правосудію, а, коснувшись исторіи вопроса, говорилъ и объ особыхъ правахъ въ Угорской Руси Мукачевскаго „domini arcis“ т.-е. владѣльца Мукачевскаго замка.

6) *8(20)октября 1868 года* А. И. Добрянскій-Сачуровъ посвятилъ свою рѣчь вопросу о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ брачныя дѣла. Онъ приписывалъ причину неудовлетворительности церковныхъ властей всѣхъ вѣроисповѣданій Угріи государственному вмѣшательству и особенно подчеркивалъ, что, вопреки условіямъ уніи, уніатскіе епископы не избираются духовенствомъ и народомъ, а назначаются властями, что они придерживаются больше западныхъ каноновъ, чѣмъ восточныхъ, и что аппеляція отъ ихъ судовъ по брачнымъ дѣламъ противозаконно восходитъ къ римскому престолу.

7) *13(25) ноября 1868 года* рѣчь А. И. Добрянскаго-Сачурова была посвящена законопроекту о народностяхъ. Въ виду большой важности этого вопроса передаемъ болѣе подробно содержаніе рѣчи вождя угрорусскаго народа. Указавъ на огромное значеніе для Угріи національнаго вопроса, отъ благополучнаго разрѣшенія котораго зависитъ необходимое условіе ея государственнаго существованія—внутренній миръ,—

А. И. Добрянскій-Сачуровъ заявляетъ, что не можетъ поддерживать законопроекта большинства комиссіи, а напротивъ требуетъ того, чтобы въ основу подробнаго обсужденія былъ положенъ проектъ меньшинства. Основное различіе между обоими проектами заключается въ томъ, что первый изъ нихъ, умалчивая о фактическомъ и законномъ существованіи всѣхъ остальныхъ народовъ государства, даетъ основаніе стремленію возвести мадьярскій народъ на степень единственнаго государственнаго народа—вершителя судебъ государства. Такое поведеніе большинства коммиссіи ораторъ считаетъ несогласнымъ со всѣмъ предшествующимъ поведеніемъ сейма, выразившаго въ адресахъ 1861 г. готовность сдѣлать народностямъ всѣ уступки, согласныя съ единствомъ и цѣлостью государства и основными устоями тысячелѣтней угорской конституціи. Вѣдь не-мадьярскіе народы большею частью жили въ Угріи еще до прихода мадьяръ, отчасти же заняли ее вмѣстѣ съ мадьярами; во всякомъ случаѣ сообща защищали ее кровью и денежными жертвами. Кромѣ того, какъ въ Семиградьѣ и Хорватіи, такъ и въ собственной Угріи, каждый народъ не только самъ всегда называлъ и называетъ себя народомъ, но таковымъ онъ является и въ законодательствѣ.

Въ доказательство этого Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ порознь историческія права народовъ словацкаго, румынскаго, сербскаго, нѣмецкаго, ясъ-кунскаго (половецкаго) и русскаго и въ подтвержденіе своего положенія ссылается на многочисленныя королевскія грамоты и сеймовые законы. „Уважаемой палатѣ извѣстно“, говорилъ онъ, „что *народы ясъ-кунскій и русскій*, по свидѣтельству исторіи, отчасти населяли уже передъ приходомъ, отчасти же, *соединившись* съ мадьярами, сообща создали это отечество, въ качествѣ первыхъ *союзниковъ* мадьярскаго народа съ самаго начала имѣли свою особую территорію и народное самоуправленіе, а въ законѣ 47: 1498 года они, будучи упомянуты вмѣстѣ (Philistei, Cumani et Rutheni), получили напоминаніе, что, если бы они посмѣли въ граничащихъ съ ихъ территоріями округахъ (сто́лицахъ) нарушить спокойствіе, т.-е. и впредь освобождать крѣпостныхъ, то они вызываются на судъ палатина.

„Несомнѣннымъ дѣлаетъ это утвержденіе... относительно русскихъ прежде всего тотъ стародавній обычай, по которому ихъ территоріей подъ названіемъ „dicatus“ (воеводство) пользовались также и для титула, какъ св. Эмерихъ, который первый завелъ при королевскомъ дворцѣ преобладавшую въ теченіе столѣтій, пользовавшуюся значительнымъ вліяніемъ, русскую стражу и, по свидѣтельству исторіи, умеръ въ ка-

чествѣ „dux Russorum“, такъ Бѣла при Андреѣ I, а позднѣе Іоаннъ Корвинъ и властвовавшіе надъ русскими семиградскіе князья...

„Подтверждаютъ это относительно русскаго народа... тѣ королевскія грамоты, въ которыхъ находится подпись „dux Ruthenorum“, какъ и тѣ грамоты, въ которыхъ упоминаются чиновники русскихъ воеводъ. Такова между прочимъ и обнародованная въ трудѣ Феѣра (Fejér), Codex diplomaticus, выданная въ 1299 г. Бережскимъ жупаномъ очень интересная грамота, въ которой онъ называетъ себя чиновникомъ русскаго воеводы „Nos Ceorgius, comes de Beregh, officialis Leu Ducis Ruthenorum“) (т.-е. „Мы Георгій, жупанъ Бережскій, чиновникъ Русскаго Воеводы Льва“).

„Подтверждаютъ это относительно русскихъ въ особенности данныя въ 1562, 1572 и 1648 гг. подтвержденія полученныхъ отъ королей Угріи привилегій; королевскіе рескрипты, обращенные къ совокупности русскаго народа (universitati populorum Ruthenorum), изъ которыхъ очень важенъ рескриптъ, данный въ 1551 г... касающійся отношеній между обществомъ и іерархіею; далѣе оффиціальныя грамоты Бережской столицы 1747 г... и многочисленные законы нашего отечества, а именно законы 32:1500,6:1572,4:1574,36:1615,48:1618,52:1681,27:1687, особенно же вышеупомянутый законъ 47:1498.

„Итакъ, *народы словацкій и румынскій* уже передъ *приходомъ мадьяръ пользовались самостоятельною государственною жизнью въ этой странѣ*; народы сербскій и нѣмецкій, хотя въ значительной своей части и поселились позже въ этой странѣ, но поселились подъ условіемъ народнаго самоуправленія; соединившіеся же искони съ мадьярскимъ народомъ народы ясъ-кунскій и русскій, какъ первые союзники мадьяръ и участники въ пріобрѣтеніи этой страны, искони имѣли собственное народное самоуправленіе.

„Всѣ эти народы... вездѣ, и во всемъ считались равноправными по слѣдующему принципу нашей стародавней конституціи, Steph. decl. I. cap. 6 § 3: „nam unius linguae Toris regnum impecille et fragile est“ (т.-е. „ибо царство съ однимъ языкомъ и однимъ обычаемъ слабо и хрупко“), что далѣе поясняется въ § 4: „Propterea jubeo te, fili mi, ut bona voluntate eos nutrias et honeste teneas, ut tecum libentius degant quam alibi habitent“, (т.-е. „Поэтому я повелѣваю тебѣ, сынъ мой, охотно ихъ питать и держать въ чести, чтобы они предпочитали оставаться съ тобою, чѣмъ жить въ другомъ мѣстѣ“; изъ наставленія

угорскаго короля Стефана I сыну Эмериху, вошедшаго въ законникъ; стр. 3—5).

Въ доказательство исконной равноправности народовъ Угріи А. И. Добрянскій-Сачуровъ ссылается далѣе на королевскіе титулы разныхъ временъ: „rex Pannoniarum“ (король Панноній), „rex utriusque Pannoniae“ (король обѣихъ Панноній), „rex Ungariae“ или „rex Hungariae“, (король Угріи), а не „rex Hungarorum“ (король мадьяръ), между тѣмъ какъ языческіе князья X вѣка назывались „dux Ungarorum“ (князь мадьяръ); на прямое указаніе законника, что народы (nationes), мадьярскій (со слившимся съ нимъ ясъ-кунскимъ), словацкій, румынскій, русскій и сербскій были первопачально равноправны, а со времени крестьянскаго возстанія въ началѣ XVI в. различались лишь въ томъ отношеніи, что одни народы,—напр., мадьярскій,—за исключеніемъ привилегированныхъ сословій,—утратили право свободнаго перехода, другіе,—напр., русскій и ясъ-кунскій,—сохранили его; наконецъ, на то, что „вслѣдствіе крестьянскаго возстанія законъ отнялъ право свободнаго перехода не у отдѣльныхъ лицъ, а у отдѣльныхъ народовъ, какъ корпорацій,—въ явное доказательство того, что отдѣльные, въ только что приведенномъ законѣ перечисленные народы всегда считались юридическими лицами; далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что въ согласіи съ этимъ по 3 и 4 раздѣлу II части тройного законника являющееся политическимъ факторомъ *населеніе государства*, т.-е. *пользующееся правами населеніе* (populus), состояло изъ привилегированныхъ сословій всѣхъ народовъ, точно также какъ римская республика вначалѣ состояла только изъ патриціевъ, или дворянъ.

„Но уже въ тройномъ законникѣ мы находимъ, что подъ выраженіемъ „populus“ (населеніе) разумѣется собственно и „plebs“ (простой народъ), что, слѣдовательно, только на основаніи существующихъ привилегій разумѣлись подъ этимъ названіемъ не собственно (imrgorgie), въ духѣ тогдашнихъ временъ, одни привилегированные классы; и какъ въ римской имперіи были приняты позже въ ряды населенія (populus) и не-дворяне, такъ случилось и у насъ, а потому въ нашемъ отечествѣ съ 1848 г. всѣ жители государства или *всѣ народы вмѣстѣ* составляютъ *населеніе*, или политическій факторъ государства“ (стр. 6).

Опровергнувъ въ дальнѣйшемъ возраженія мадьярскихъ шовинистовъ противъ мнѣнія объ исконномъ равноправіи угорскихъ народовъ, Адольфъ Ивановичъ переходитъ къ повѣствованію о постепенномъ упадкѣ этого равноправія и самоуправленія: „Правда, что уже съ XVI,

а еще больше съ XVII столѣтія можно было замѣтить въ нашемъ законодательствѣ то стремленіе, которое достигло апогея во Франціи въ концѣ XVIII в., и которое, какъ кажется, до сихъ поръ не прошло въ нашемъ отечествѣ, я разумѣю *несчастное стремленіе къ государственной централизаціи, считающее государство не средствомъ, а цѣлью, слѣдовательно, несмотря на фразы о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, убивающее всякое свободное движеніе, а потому держащее западныя части Европы въ постоянномъ кипѣніи, и очень угрожающее нашему отечеству*“ (стр. 8).

Но стремленіе это сперва не было направлено противъ не-мадьярскихъ народовъ: введя единообразіе въ судопроизводствѣ и управленіи и уничтоживъ національныя территоріи (русскую—въ 1746 г.), оно не коснулось равноправности народовъ.

„Только въ концѣ XVIII в. была изъ Франціи пересажена въ наше отечество идея той чрезмѣрной централизаціи, которая, не довольствуясь единообразіемъ въ управленіи и судопроизводствѣ, хотѣла осуществить централизацію и относительно народности, или господство одного народа надъ остальными; а отсюда можно объяснить тотъ поступокъ законодательной власти 1791 года, что она съ одной стороны не только сохранила, но и пригласила на сеймъ ясъкунскіе и гайдуцкіе округа, тѣ самые, которые были вышеприведенными законами окончательно упразднены; а съ другой стороны уничтожила покоящіяся на государственномъ-правовомъ основаніи привилегіи сербскаго народа.

„На сеймѣ 1790—91 г. впервые пытались употреблять мадьярскій языкъ на ряду съ латинскимъ въ качествѣ языка сеймовыхъ совѣщаній; и хотя эта попытка вслѣдствіе возникшихъ затрудненій не имѣла тогда особенно важныхъ послѣдствій,—все же на этомъ сеймѣ положено было основаніе къ нѣкоторому предпочтенію мадьярскаго языка, такъ какъ предписано было обученіе мадьярскому языку во всѣхъ общественныхъ школахъ, а равно и право употреблять его въ областныхъ учрежденіяхъ, и избранъ особый государственный комитетъ для обработки языка. А на этой основѣ возникли мадьярскія національныя образовательныя учрежденія и вообще доводящіе до невозможности верховенство мадьярскаго языка надъ остальными законы 1830, 1836, 1840, 1844 и 1848 гг.“ (стр. 8—9).

Далѣе ораторъ излагаетъ вкратцѣ сущность каждаго изъ этихъ законовъ и въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ значеніе ихъ для

не-мадьярскихъ народовъ Угріи: „Эти постановленія вышеуказанныхъ законовъ 1830, 1836, 1840, 1844 и 1848 гг. очень оскорбляли не-мадьярскіе народы государства, ибо такимъ образомъ, личная свобода была сильно ограничена, и равноправность народовъ была нарушена въ томъ отношеніи, что вмѣсто безразличнаго латинскаго языка выступилъ, притомъ еще въ болѣе широкихъ предѣлахъ, языкъ живого народа, и на основаніи этихъ законовъ гражданину-мадьяру, годному при знаніи одного своего материнскаго языка къ каждой должности, способному къ осуществленію всѣхъ политическихъ правъ, было дано больше правъ, чѣмъ не-мадьяру, который, кромѣ своего родного языка,—а если хотѣлъ считаться образованнымъ, кромѣ классической латыни,—не могъ обойтись безъ изученія мадьярскаго языка, если хотѣлъ получить лишь какое-нибудь, даже самое скромное мѣсто, или только глубже осуществлять политическія права, словомъ, жить, какъ гражданинъ государства“ (стр. 10).

Но ни эти законы, ни направленныя къ возвеличенію мадьяръ дѣйствія намѣстничества и адреса сейма 1860-хъ годовъ вовсе не уничтожили существованія не-мадьярскихъ народовъ: вѣдь, въ 1848 г. было учреждено представительство не какого-либо народа, а всего населенія, „на основаніи котораго“,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,—„и мы заняли свои мѣста въ этой палатѣ“ (стр. 10). Свое положеніе Шарышскій депутатъ подтверждаетъ цитатами изъ сеймовыхъ адресовъ, упоминающихъ о нѣсколькихъ народахъ Угріи и высказывающихся за полное ихъ равноправіе. а подводя итоги своей рѣчи, между прочимъ замѣчаетъ, что существованіе и равноправность не-мадьярскихъ народовъ обезпечены такими актами, которые, имѣя характеръ договоровъ, не могутъ быть измѣнены, а тѣмъ болѣе отмѣнены одною стороною или большинствомъ голосовъ“ (стр. 11).

Въ заключительной части своей рѣчи А. И. Добрянскій-Сачуровъ заявляетъ: „Въ виду всего этого, я не считаю пріемлемымъ проектъ большинства, который, какъ я сказалъ, отрицая существованіе народовъ государства, какъ-бы стремиться ввести употребленіе понятія „мадьярскій народъ“, вмѣсто „населеніе“; ибо я убѣжденъ, что такое измѣненіе основныхъ государственныхъ законовъ, т.-е. конституціи, не можетъ быть юридически проведено иначе, какъ на основаніи добровольнаго соглашенія въ этомъ смыслѣ заинтересованныхъ народныхъ корпорацій“ (стр. 12).

Проектъ большинства заключаетъ въ себѣ духовную смерть немадьярскихъ народовъ, а смертью нельзя наказывать народы, соста-

вляющіе къ тому же большинство населенія; впрочемъ, по мнѣнію оратора, мадьярскій народъ для того недостаточно силенъ.

„Этого, господа“,—продолжалъ Адольфъ Ивановичъ,—„не слѣдуетъ упускать изъ виду ни относительно государства, которое, состоя изъ нѣсколькихъ народовъ, не можетъ отступить отъ слѣдующей своей указанной въ конституціи цѣли,—что оно обязано одинаково поддерживать благосостояніе всѣхъ этихъ народовъ—и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи не можетъ подавлять большинствомъ голосовъ свои составныя части; ни при частныхъ обществахъ, которыхъ общія собранія на основаніи закона 1849 года („de societatibus actionariis“, т.-е. „объ акціонерныхъ обществахъ“) во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ могутъ, правда, переголосовывать всѣхъ остающихся случайно въ меньшинствѣ членовъ общества, но не относительно опредѣленной уставомъ цѣли, такъ какъ ея измѣненіе, хотя бы принятое общимъ собраніемъ, даетъ меньшинству право выйти изъ общества и потребовать назадъ вложенныя деньги съ соотвѣтствующимъ процентомъ“ (стр. 13).

По этому мнѣнію вождя угро-руссовъ, сеймъ не имѣетъ права даже приступать къ обсужденію проекта большинства.

Переходя къ проекту меньшинства, ораторъ замѣчаетъ, что проектъ этотъ, „который съ одной стороны обезпечиваетъ основанное на нашей конституціи существованіе и развитіе народовъ государства и даже справедливыя національныя притязанія меньшихъ народныхъ обломковъ; съ другой стороны—не требуетъ для отдѣльныхъ *народовъ территорій, чего бы они, однако, на основаніи исторіи и законовъ могли требовать;* даже опредѣляетъ исключительное употребленіе мадьярскаго языка какъ въ законодательствѣ, такъ и въ дѣлопроизводствѣ центральнаго правительства, что они, однако, на основаніи упомянутыхъ законовъ также могли бы оспаривать,—представляетъ весьма удобное основаніе для подробнаго обсужденія (стр. 13).

Хотя законопроектъ этотъ „требуетъ для *отдѣльныхъ народовъ гораздо менѣе*“ того, чего они имѣли бы право требовать, Адольфъ Ивановичъ готовъ уступить большинству во всемъ, что *не заключаетъ духовной смерти не-мадьярскихъ народовъ*“, напр., въ вопросѣ о національныхъ флагахъ, о границахъ административныхъ дѣленій Угріи и во всемъ другомъ, „если бы было оговорено:

„1) что *всѣ народы*, которые перечислены въ 25 раздѣлѣ 3 части тройного законника, *составляютъ одно нераздѣльное населеніе* (populus) *угорскаго государства*;

„2) что народы эти призваны въ качествѣ корпорацій единственно къ развитію своего языка и народности, слѣдовательно къ дѣятельности на культурномъ полѣ, и что въ этомъ отношеніи каждый народъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ безъ права имѣть притязанія на какую бы то ни было помощь другого народа или государства;

„3) что народамъ этимъ, какъ корпораціямъ, не подобаетъ пользованіе никакими другими правами, особенно—политическими, такъ какъ политическій факторъ всего государства, области или отдѣльной общины есть законно собранное представительство населенія государства, области или общины, а также всякій гражданинъ лично безъ различія народности“ (стр. 14).

Отмѣтивъ, что эти пункты не содержатъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ того ограниченія, что народамъ не принадлежатъ политическія права; выразивъ готовность принять даже проектъ большинства, если въ него будутъ включены эти три пункта,—что могло бы успокоить хоть самыя умѣренныя партіи не-мадьярскихъ народовъ; извинившись, что противъ своего обыкновенія произнесъ такую длинную рѣчь,—что было необходимо, для того, чтобы свѣтъ и Угрія знали, какъ умѣренны были требованія не мадьярскихъ народныхъ депутатовъ,—А. И. Добрянскій-Сачуровъ кончаетъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Общество нашего отечества должно узнать, что согласному рѣшенію національнаго вопроса *не помѣшали* находящіеся въ совершенномъ меньшинствѣ и дѣлающіе всѣ согласимыя съ жизнью народовъ уступки *народные депутаты*, а помѣшало то, высказанное съ другой стороны, требованіе, по которому мы должны были отречься отъ единственной коренящейся въ нашихъ основныхъ законахъ *гарантіи нашей народной жизни* и даже *рѣшить нашу народную смерть*,—а въ подобномъ рѣшеніи мы даже не считаемъ компетентными ни себя, ни все законодательное собраніе.

„Если же, несмотря ва то, было бы рѣшено большинствомъ голосовъ исключеніе не-мадьярскихъ народовъ изъ нашего законника или ихъ уничтоженіе,—мы какъ послушные граждане, не можемъ, правда, сопротивляться такому проявленію власти,—но едва ли такое рѣшеніе

національнаго вопроса будетъ кого-либо одушевлять, или въ годину опасности побуждать къ жертвамъ; а потому прошу уважаемую палату, чтобы она изволила... принять во вниманіе, что государство—не цѣль, а средство къ благополучію всѣхъ народовъ, т.-е. населенія, и что въ случаѣ замѣны единственно законнаго населенія (populus) мадьярскимъ народомъ и хорватскіе представители не могли бы занять мѣста въ этой палатѣ, такъ какъ съ ними законодательныя собранія, согласно ихъ адресамъ 1861 г., желали договариваться, какъ со свободнымъ народомъ.

„Я знаю, какъ трудно стоящему на вершинѣ могущества, будь то отдѣльный человѣкъ или корпорація, уступать или хотя, какъ въ настоящемъ случаѣ, немного отступить отъ намѣченнаго пути, ибо льстивыя слова унижающихся передъ силою всегда любятъ преувеличивать, даже представлять несокрушимымъ могущество; знаю, что многіе отъ рѣшенія путемъ закона духовной смерти не-мадьярскихъ народовъ ждутъ ихъ скорѣйшаго *омадьяренія*, а тѣмъ самымъ значительнаго увеличенія мадьярскаго народа, что еще болѣе затрудняетъ отступленіе отъ намѣченнаго пути.

„Но я убѣжденъ въ томъ, что стоящіе на вершинѣ могущества больше всего должны остерегаться возвеличенія со стороны льстецовъ и примириться съ тою вѣчною истиною, что *всякое мірское могущество преходяще*. Итакъ, сильный долженъ, даже съ успѣхомъ, тогда только можетъ исполнить справедливыя, а тѣмъ болѣе основанныя на естественномъ правѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на положительномъ законѣ притязанія, пока его могущество еще не поколеблено, или пока его уступчивость можетъ считаться плодомъ доброй воли.

„Что же касается будущаго омадьяренія не-мадьярскихъ народовъ, то его возможности я не отрицаю относительно тѣхъ обломковъ, которые находятся разсѣянными по мѣстностямъ, населеннымъ преимущественно мадьярскимъ народомъ, особенно если мадьярскій народъ, какъ мы того хотимъ, будетъ не угнетателемъ остальныхъ народовъ, а ихъ вождемъ, чтобы мы такимъ образомъ могли пользоваться благословеннымъ согласіемъ; омадьяреніе же многомилліонныхъ массъ не-мадьярскихъ народовъ, принимая во вниманіе не только то существенное обстоятельство, что народы эти составляютъ большинство населенія государства, но и наше географическое положеніе, я считаю совершенно невозможнымъ, будучи убѣжденъ въ томъ, что и *Угрія такъ мало будетъ или можетъ быть когда-либо мадьярскою, какъ Турція будетъ или можетъ быть когда-либо турецкою*“ (стр. 15—16).

Кромѣ перечисленныхъ рѣчей, А. И. Добрянскому-Сачурову принадлежатъ еще „Запросъ“ и „Предложеніе“, которые касались слѣдующаго:

8) *Запросъ* министру юстиціи о томъ, намѣренъ ли онъ еще въ текущую сессію внести три законопроекта, направленныхъ къ ликвидаціи остатковъ крѣпостного права во всей Угріи (тогда обсуждались 2 законопроекта, касающіеся виноградниковъ, значитъ выгодные почти исключительно мадьярамъ; несмотря на это, А. И. Добрянскій-Сачуровъ защищалъ эти законопроекты, такъ какъ желалъ блага и своимъ національнымъ противникамъ мадьярамъ).

9) *Предложеніе* сеймовыхъ депутатовъ А. И. Добрянскаго-Сачурова и двухъ Румынъ—Влада и Медана сейму постановить, чтобы министръ вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія въ возможно скоромъ времени внесъ законопроектъ объ устройствѣ національныхъ соборовъ румынской и русской уніатскихъ церквей, а пока добился созыва временныхъ соборовъ на такомъ же основаніи, какое уже принято въ законодательномъ порядкѣ для православной церкви (въ *предложеніи* указывается, что условія уніи угорскихъ румынъ и русскихъ—сохраненіе восточнаго обряда, церковнаго права и выборъ епископовъ—не соблюдаются: избирается одинъ только семиградскій митрополитъ, остальныхъ епископовъ назначаетъ папа; въ брачныхъ дѣлахъ не соблюдаются законы восточной церкви; даже обрядъ приходитъ въ упадокъ).

Въ 1867 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ, какъ сказано, вышелъ въ отставку и по истеченіи срока депутатскихъ полномочій поселился въ своемъ имѣніи—селѣ Чертежномъ, гдѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, по прежнему принималъ видное участіе въ жизни Угорской Руси.

Его вторичному избранію въ сеймъ мадьяры, правда, воспрепятствовали грубою силою, но онъ состоялъ предсѣдателемъ основаннаго имъ въ 1864 г. Общества Василія Великаго въ Ужгородѣ. Его стараніями въ Пряшевѣ учреждено Общество Іоанна Крестителя. Кромѣ того, Адольфъ Ивановичъ давалъ направленіе и оказывалъ поддержку угро-русскимъ и даже словацкимъ повременнымъ изданіямъ, а также принималъ дѣятельное участіе и въ галицко-русской печати. Но особенно много занимался А. И. Добрянскій-Сачуровъ церковными дѣлами. Видя, что послѣдніе остатки Православія въ угро-русской церкви—восточный обрядъ и восточные каноны—приходятъ въ упа-

докъ, что на назначеніе епископовъ правительство смотритъ, какъ на орудіе омадьяриванья, а римско-католическіе епископы видятъ въ этомъ средство для обращеніе въ латинство,—Адольфъ Ивановичъ не могъ не задумываться надъ тѣмъ, какъ бы спасти свою церковь отъ непрошенныхъ опекуновъ—латинскаго духовенства и мадьярскихъ властей: плодомъ этихъ размышленій была слѣдующая программа:

1) учрежденіе, кромѣ существующихъ Мукачевской и Пряшевской, еще третьей—Мараморышской—русской уніатской епархіи, съ возведеніемъ епископа Мукачевскаго въ санъ митрополита;

2) митрополитъ и епископы избираются, согласно условіямъ уніи, духовенствомъ и народомъ;

и 3) высшая власть въ угро-русской церкви принадлежитъ собору, состоящему, какъ въ православныхъ церквахъ угро-сербской и угро-румынской, изъ представителей духовенства и мірянъ.

Въ случаѣ осущественія этихъ предначертаній, угро-русская церковь, ставши могла бы безпрепятственно приступить къ очищенію обряда и возстановленію древнихъ каноновъ (съ учрежденіемъ митрополіи, въ дѣла о разводѣ, напр., не могли бы вмѣшиваться не признающіе никакого развода латинскіе архіепископы).

Первою попыткою провести въ жизнь эту программу, принятую и румынами въ примѣненіи къ своей церкви, было вышеупомянутое предложеніе (1868 г.) сеймовыхъ депутатовъ Добрянскаго-Сачурова, Влада и Медана.

Обстоятельства, казалось, благопріятствовали осуществленію намѣреній, А. И. Добрянскаго-Сачурова. Сеймъ только-что принялъ законъ (9: 1868) объ автономіи угро-сербской и угро-румынской православныхъ церквей, въ 9-й статьѣ котораго было оговорено, что, если бы въ Угріи явились православные—не-сербы и не-румыны, то правительство обязано дать и имъ широкую автономію. На какомъ же основаніи могла законодательная власть отказать уніатамъ въ томъ, что она только-что дала и въ будущемъ обѣщала давать православнымъ?

Вопросъ объясняется просто:

Мадьярамъ стыдно было признаться, что они согласились на автономію православныхъ церквей только изъ боязни отнимать у нихъ

права, полученныя ими отъ австрійскихъ императоровъ (отчасти въ XVII—XVIII вв., отчасти въ эпоху абсолютизма 1850-хъ годовъ); что автономію эту они, мадьяры, при первомъ удобномъ случаѣ обратятъ въ пустой звукъ, а давать автономію тѣмъ, у кого ея еще нѣтъ, они и вовсе не намѣрены.

Мадьярскіе политики развили поэтому агитацію за автономію въ Угріи всей католической церкви со включеніемъ русскихъ и румынскихъ уніатовъ. Съ этой цѣлью въ 1868 г. примасъ Угріи, кардиналъ Шиморъ, созвалъ въ Будапештѣ католическій соборъ изъ представителей угорскихъ католиковъ (и уніатовъ) какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія.

На соборъ прибылъ также А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ качествѣ представителя Земплинскаго округа. Онъ потребовалъ, чтобы угро-русская церковь была въ будущемъ представлена на общемъ соборѣ угорской католической церкви корпоративно, т.-е. чтобы члены общаго собора отъ угро-руссовъ избирались на ихъ особомъ соборѣ, и при этомъ заявилъ, что онъ и угро-русскіе единомышленники только въ томъ случаѣ примутъ участіе въ работахъ собора, если послѣдній заранѣе дастъ свое согласіе на исполненіе этого ихъ требованія. Однако, мадьярское большинство собора, къ которому примкнулъ и Мукачевскій епископъ Панковичъ съ кучкою своихъ прислужниковъ, не пошло на встрѣчу справедливымъ требованіямъ угро-руссовъ. Оно лишь приняло автономію руководимой мадьярами католической церкви. Въ виду этого, Адольфъ Ивановичъ покинулъ соборъ и составилъ противъ его рѣшенія возраженіе, одобренное также и другими истинными представителями угро-русской церкви и покрытое множествомъ подписей ея членовъ. Это мужественное заявленіе признаннаго національнаго вождя Угорской Руси и тождественное ему выступленіе угро-румынъ были одною изъ причинъ того, что всѣ разглагольствованія членовъ собора остались безъ послѣдствій, и мадьярамъ тогда не удалось безповоротно подчинить угро-русскую церковь. А. И. Добрянскій-Сачуровъ обнаружилъ при совѣщаніяхъ свои глубокія богословскія познанія, на которыя ничего не могли возразить даже враги. Его рѣчь, сказанная на соборѣ *31 Мая (12 Іюня) 1869 года* была напечатана въ мадьярской газетѣ „Autonomia“ (1869, № 147). Вопросу объ автономіи угро-русской церкви посвящена также и принадлежащая его перу передовая статья въ „Свѣтѣ“ за 1871 г. (№ 2 и „Прибавленіе“ къ нему).

Шовинизмъ и ненависть мадьяръ по отношенію къ А. И. Добрянскому-Сачурову усиливались съ каждымъ годомъ. Мадьяры еще въ

1848—49 и 1868 г.г. хотѣли убить Адольфа Ивановича, но этого имъ сдѣлать къ счастью не удалось. Послѣ засѣданій католическаго собора, къ числу враговъ вождя Угорской Руси присоединились также и нѣкоторые мадьярскіе и мадьяронскіе священники съ угро-русскимъ измѣнникомъ епископомъ Панковичемъ во главѣ. По наущенію послѣдняго въ 1870 году, во время общаго собранія членовъ Общества св. Василія Великаго въ Ужгородѣ, мадьярскіе гонведы напали на коляску, въ которой ѣхалъ сынъ Адольфа Ивановича—Мирославъ Адольфовичъ († 1898 г. въ Холмѣ), и, получивъ на вопросъ: „Кто ѣдетъ?“ отвѣтъ: „Добрянскій“, вытащили юношу изъ коляски и нанесли ему нѣсколько ударовъ саблями по головѣ, причинивъ глубокія раны, которыя—окажись въ колискѣ, вмѣсто 21-лѣтняго юноши, 52-лѣтній вождь угроруссовъ—могли бы быть смертельными. Для угорскихъ отношеній характерно то, что совершенное средь бѣла дня это дикое, возмутительное преступленіе осталось совершенно безнаказаннымъ.

Покушеніе на Адольфа Ивановича имѣло весьма печальныя послѣдствія для дальнѣйшаго культурнаго развитія Угорской Руси. Онъ не могъ уже больше появляться на собраніяхъ угро-русскихъ Обществъ и своимъ убѣдительнымъ и краснорѣчивымъ словомъ воодушевлять ихъ на работу. Поэтому ихъ дѣятельность стала замѣтно падать, пока не замерла окончательно. Прекратили свое существованіе также и газеты: сперва „Свѣтъ“ (1867—1871), затѣмъ, его преемникъ—„Новый Свѣтъ“ (1871—1873). Вмѣсто нихъ сталъ выходить полумадьярскій „Карпатъ“, который, по смерти своего редактора священника Н. Ю. Гомичкова, несмотря на тринадцатилѣтнее существованіе (1873—1886), не могъ, однако, продолжаться изъ-за недостатка читателей, не сочувствовавшихъ мадьярофильскому направленію этой газеты.

Въ 1875 г. Адольфъ Ивановичъ ѣздилъ въ Россію, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ большихъ городовъ онъ побывалъ въ Варшавѣ, Вильнѣ, Петроградѣ, Москвѣ и Кіевѣ; поклонился православнымъ русскимъ святынямъ; представлялся государю цесаревичу Александру Александровичу, который его „съ небывалою снисходительностью принималъ и увѣрялъ, что высоко будетъ держать всегда прапоръ славянскій“ (изъ письма А. И. Добрянскаго-Сачурова къ проф. А. С. Будиловичу, написаннаго въ концѣ 1894 года). Былъ въ Петроградскомъ отдѣлѣ Славянскаго Комитета, познакомился со многими русскими людьми: К. П. Побѣдоносцевымъ, который потомъ съ нимъ переписывался и нерѣдко навѣщалъ его въ Иннсбрукѣ, И. П. Корниловымъ, гофмаршаломъ Г. П. Алексѣевымъ, въ малороссійскомъ имѣніи кото-

раго гостилъ нѣсколько недѣль, кн. Дундуковымъ-Корсаковымъ, М. Н. Катковымъ, И. С. Аксаковымъ, С. М. Соловьевымъ и другими.

Живя въ имѣніи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ много посвящалъ времени литературнымъ трудамъ; за эти (1869—1881) годы, кромѣ уже упомянутыхъ, имъ были напечатаны слѣдующія сочиненія:

„Проектъ политической программы для Руси австрійской“ (1881 г.), „Патріотическія письма“ (1873 г.), „О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ св. Владиміра“ (1880 г.), „Отвѣтъ угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи своему епископу“ (1881) и „Аппеляція къ папѣ отъ имени угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи по вопросу о ношеніи уніатскими священниками бороды“ (1881 г.).

Остановимся на разсмотрѣніи основанной мысли и содержанія каждаго изъ этихъ сочиненій.

Въ разсужденіи *„Проектъ политической программы для Руси австрійской“* (1871 г.) А. И. Добрянскій-Сачуровъ доказываетъ необходимость автономіи для всей австрійской Руси, подъ которой онъ разумѣетъ не только русскія части Галичины и Буковины, но также и Угорскую Русь. Послѣдняя согласно проекту должна, послѣ устраненія двойственности, составлять одно административное цѣлое съ Галичиной и Буковиной и находиться въ составѣ федераціи австро-угорскихъ народовъ, которая будетъ именоваться Австріей. Отсюда и происходитъ принятое авторомъ названіе,—*австрійская* Русь.

Ходъ всего изложенія слѣдующій.

Галицко-русскій, или австрійско-русскій, вопросъ не является мѣстнымъ, наоборотъ, въ его разрѣшеніи заинтересовано все австро-угорское государство. Такъ какъ оно должно, рано или поздно, преобразоваться изъ дуалистическаго въ федеративное, то и австрійской Руси необходимо заранѣе выяснить свои требованія и выработать опредѣленную политическую программу.

„Представляю затѣмъ Радѣ русской,—говоритъ авторъ,—на которой лежитъ обязанность защиты правъ цѣлой Руси австрійской, покорнѣйшее внесеніе, дабы возвала всѣхъ патріотовъ изъ Галиціи,

Угоръ и Буковины до предложенія требованій, и дабы на основаніи тѣхъ же занялась составленіемъ полной *политической* программы" (стр. 4).

При изложеніи программы необходимо исходить изъ того соображенія, что русскій народъ, живущій въ Австріи, является „только частью одного и того же народа русского, мало—бѣло—и великорусского,—имѣетъ одну съ нимъ исторію, одни преданія, одну литературу и одинъ обычай народный" (стр. 9—10).

Это народно-бытовое единство русскаго народа не въ силахъ нарушить даже сепаратистическая дѣятельность украйноманской партіи, которая,—по мнѣнію автора,—когда убѣдится въ „невозможности воскресенія Украины въ предѣлахъ монархіи австрійской" должна будетъ солидарно трудиться со „всею интеллигенціею нашей" (стр. 6).

Затѣмъ указывается на недовольство дуализмомъ всѣхъ (за исключеніемъ нѣмцевъ и мадьяръ) народовъ государства, такъ какъ онъ построенъ на противоестественномъ началѣ господарства нѣмецко-мадьярскаго меньшинства надъ славяно-романскимъ (румыны и итальянцы) большинствомъ.

Дуалистическая система въ частности очень невыгодна и для русскаго народа, такъ какъ дѣлитъ его на двѣ части: австрійскую (Галичина и Буковина) и угорскую (Угорская Русь). Итакъ, Австрія должна преобразоваться изъ дуалистическаго государства въ *федерацію народовъ*. А такъ какъ большинство ея населенія составляютъ славяне, то отсюда вытекаетъ необходимость, чтобы Австрія была какъ во внутренней, такъ и во внѣшней своей политикѣ вполнѣ *славянскимъ* государствомъ.

Обсуждая положеніе восточнаго вопроса и касаясь вмѣстѣ съ тѣмъ могущества Германіи, только что объединившейся послѣ удачной для нея франко-прусской войны (1871 г.), авторъ выражаетъ увѣренность, что объединенной Германіи будетъ служить противовѣсомъ Россія, „разумѣется, въ союзѣ съ племенемъ славянскимъ" (стр. 30).

Говоря о будущей, неизбѣжной войнѣ Россіи съ Германіей изъ-за балканскаго вопроса, А. И. Добрянскій-Сачуровъ дѣлаетъ свои предположенія, которыя свидѣтельствуютъ не только о его горячемъ славянолюбіи, но и замѣчательно вѣрномъ пониманіи задачъ славянской политики Россіи.

Такъ какъ будущая русско-нѣмецкая, или славяно-германская, война должна привлечь на сторону Россіи всѣхъ славянъ, то необходимо предварительно достигнуть русско-польскаго примиренія. Для этого,—по мнѣнію автора,—желательно и справедливо было бы въ лицѣ политики славянской, дабы Поляки назадъ пріобрѣли природныя и нравственныя условія своего быта и развитія національнаго въ предѣлахъ цѣлой имперіи россійской, такъ само было бы совершенно справедливо и необходимо, еслибъ они точно исполняли всѣ основательныя требованія державной идеи россійской" (стр. 41).

Въ своемъ „Проектѣ" А. И. Добрянскій-Сачуровъ затронулъ многіе вопросы внутренней и внѣшней политики Австріи, разсмотрѣвъ ихъ въ тѣсной связи съ положеніемъ и ролью русскаго народа и всего славянства. Впослѣдствіи онъ къ этимъ вопросамъ еще вернулся, и въ цѣломъ рядѣ сочиненій разработалъ ихъ болѣе подробно.

Замѣчавшееся уже въ началѣ 1870-хъ годовъ, съ одной стороны, распространеніе въ Галичинѣ поддерживаемаго поляками украйнофильства, которое уже тогда стало принимать формы мазепинства, а съ другой—косность „старо-русской" партіи, заставили всегда чутко прислушивавшагося къ народнымъ дѣламъ А. И. Добрянскаго-Сачурова выступить во львовской газетѣ „Слово" съ цѣлымъ рядомъ статей подъ общимъ заглавіемъ „*Патріотическія письма*". Въ нихъ онъ задался цѣлью разсмотрѣть четыре основныхъ вопроса: 1) малорусское движеніе въ южной Россіи, 2) малорусское движеніе въ Австріи, 3) возрожденіе славянскихъ народностей въ Австріи и Турціи и, наконецъ, 4) панславизмъ и его послѣдствія (стр. 4). Но въ отдѣльномъ оттискѣ (Львовъ, 1873 г., стр. 157) изложены только первый вопросъ и часть второго.

Въ предисловіи (стр. 3—11) авторъ разъясняетъ цѣль и стиль своихъ „Писемъ", при чемъ особенно подчеркиваетъ вредъ, приносимый русскому дѣлу въ Австріи, какъ украйномапствомъ, подъ знаменемъ котораго искажается правописаніе, дѣлается безобразнымъ малорусское нарѣчіе и поддѣлывается исторія (стр. 7), такъ и рутенствомъ, которое, хотя и считаетъ себя русскимъ движеніемъ, но для русскаго народа тогда сдѣлало еще очень мало, почему и нуждается въ совершенно новыхъ началахъ для своей работы (стр. 9—10).

Въ первой части „Патріотическихъ писемъ" (стр. 13—74), посвященной исторіи украйнофильства въ Россіи, А. И. Добрянскій-Сачу-

ровъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что движеніе это въ первой половинѣ XIX в. имѣло характеръ соціальный (въ отличіе отъ Славянскаго Возрожденія, имѣвшаго народную, или даже политическую окраску), и что въ благородномъ стремленіи къ освобожденію и просвѣщенію крестьянъ, малорусскіе патріоты шли рука объ руку съ великорусскимъ обществомъ. Только подъ воздѣйствіемъ романтизма и особенно Славянскаго Возрожденія украйнофильство стало народно-политическимъ движеніемъ. Дѣятели Славянскаго Возрожденія часто принуждены были начинать съ изобрѣтенія азбуки, выбора правописанія и образованія литературнаго языка; за все это безъ всякой надобности принялись ихъ малорусскіе подражатели, нашедшіе себѣ въ свою очередь подражателей въ лицѣ польскихъ комиссаровъ и мадьярскихъ министровъ...

Свою странную поэзію украйнофильскіе дѣятели внесли въ правописаніе, этнографію и исторію. Заговоривъ объ исторіи, авторъ указываетъ на то, что малорусское козачество не было едино, а дѣлилось на городовыхъ и запорожскихъ козаковъ, изъ которыхъ первые издавна, а вторые со временъ Стефана Баторія были въ зависимости отъ Польши, и что козаки никогда не составляли особаго народа (стр. 62). Когда же возникли правильныя войска, то одна часть козаковъ поступила на военную службу, а другая—занялась земледѣліемъ и слилась съ сельскимъ сословіемъ (стр. 63). Но свободные прежде козаки не могли примириться съ крѣпостнымъ состояніемъ; поэтому только освобожденіе крестьянъ окончательно упрочило единство всего русскаго народа.

Во второй части, посвященной „малорусскому движенію въ Австріи“, авторъ задается цѣлью: во-первыхъ, точно и всесторонне опредѣлить наши австрійско-русскія и обще-русскія задачи и, во-вторыхъ, найти новые пути для достиженія лучшихъ и счастливѣйшихъ отношеній (стр. 76). Съ этой цѣлью Адольфъ Ивановичъ разбираетъ основныя теченія русской исторіи (стр. 81—157), причемъ отмѣчаетъ единство всей русской земли со включеніемъ Галичины въ дотатарскій періодъ (862—1240 г.г.), съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдитъ за собираніемъ Руси отъ Калиты до Екатерины II и въ яркихъ краскахъ изображаетъ печальныя для западныхъ вѣтвей русскаго народа послѣдствія навязанныхъ имъ поляками Люблинской и Брестской уній. Разсматривая новѣйшую исторію австрійской Руси, А. И. Добрянскій-Сачуровъ между прочимъ говоритъ, что „изъ исторіи предыдущихъ столѣтій давно увѣрились мы въ національномъ единствѣ всѣхъ русскихъ отраслей“, а потому даже находясь подъ властью Габсбурговъ

и исполняя обязанности австрійскихъ гражданъ, мы всегда должны трудиться для осуществленія общерусскихъ задачъ. И лишь въ тѣсной связи съ нашими общерусскими задачами и въ духѣ нашего историскаго призванія могли бы наши спеціальныя австрійско-русскія задачи „пріобрѣсти истинно патріотическій смыслъ и историческое значеніе“ (стр. 153—154). Указавъ далѣе на то, что въ первое время послѣ присоединенія къ Австріи правительство признавало наши племенныя связи со всѣми прочими отраслями русскаго народа (стр. 156), и что галицкіе и угорскіе русскіе доказали свою преданность престолу между прочимъ „въ лютыхъ войнахъ съ Наполеономъ“ (стр. 157),—А. И. Добрянскій-Сачуровъ ставитъ вопросъ: почему остались невыполненными до сихъ поръ наши главнѣйшія австрійско-русскія и общерусскія задачи? (стр. 157). На этомъ и кончается разбираемый оттискъ.

Занимаясь церковными и общественными дѣлами, Адольфъ Ивановичъ не забывалъ также о наукѣ, особенно объ исторіи своей родины—Подкарпатской Руси, вопросъ о западныхъ границахъ которой, даже современныхъ, все еще считается спорнымъ, и нерѣдко, даже подъ перомъ выдающихся ученыхъ, получаетъ невѣрное освѣщеніе. Желая разъяснить хоть историческую сторону этого вопроса, А. И. Добрянскій-Сачуровъ помѣстилъ въ львовскомъ „Словѣ“ (1880 года) статью „*О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ св. Владимира*“ (перепечатанную въ томъ же году въ Журналѣ „Мин. Нар. Просв.“, часть 208, стр. 134—159). Указавъ на то, что, по даннымъ Начальной лѣтописи, „Русь граничила въ X в. на юго-западѣ съ государствами Польскимъ, Чешскимъ и Угорскимъ“ (стр. 134), но что вопросъ объ этихъ границахъ не разработанъ, авторъ въ первой части статьи (стр. 135—139) на основаніи историческихъ документовъ, подтверждаемыхъ данными этнографіи (и теперь еще „между рѣками Дунайцемъ и Выслокомъ находится 172 русскихъ селеній, съ 129 русскими церквами и свыше 90,000 русскихъ жителей“—стр. 138), доказываетъ справедливость мнѣнія галицкаго историка Д. И. Зубрицкаго, „что древняя Русь простиралась до самаго Кракова, который самъ построенъ, по его мнѣнію, на почвѣ искони русской“ (стр. 138—139); во второй же части (стр. 139—159) Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ исторію Спиша (гдѣ онъ, какъ извѣстно, провелъ свое дѣтство) и доказываетъ, „что нынѣшній Спишъ входитъ въ составъ земель искони русскихъ, составляетъ часть наслѣдія св. Владимира“ (стр. 139). Въ этомъ его убѣждаетъ не только исторія, но и то обстоятельство, что коренные жители Спишской земли и теперь еще называютъ русскими „свою народность и славянскую церковь... Лишь въ ближайшемъ

сосѣдствѣ латинскихъ монастырей, основанныхъ мадьярами и поляками, совращены были русскіе спишаки въ римскую церковь, а съ тѣмъ вмѣстѣ пострадалъ и ихъ языкъ; по внушенію латинскихъ ксендзовъ, эти окатоличенные спишаки стали называть себя съ конца XVIII вѣка словаками, хотя ихъ говоръ рѣзко обличаетъ ихъ русское, а не словенское происхожденіе" (стр. 155). Въ заключеніе А. И. Добрянскій-Сачуровъ указываетъ въ общихъ чертахъ древнія русско-чешскую („по водораздѣльному кряжу между теченіемъ р.р. Вага и Грона"— стр. 159) и русско-угорскую („по Дунаю между городами Остригономъ (Gran) и Вацовымъ (Waizen)" и далѣе ломаною линіею до Семиградскихъ Альпъ) границы, которыя онъ затѣмъ разсматривалъ подробнѣе въ своей неизданной статьѣ объ Угорской Руси.

Не добившись осуществленія своего проекта автономіи угро-русской церкви, Адольфъ Ивановичъ тѣмъ не менѣе продолжалъ всѣми силами оберегать ее отъ латинизаціи, которой настойчиво добивались мадьярскіе шовинисты. Подъ ихъ давленіемъ еще въ 1840-хъ г.г. оба угро-русскіе епископа стали брить бороды, а въ 1862 г. Іосифъ Гаганецъ, епископъ Пряшевскій, дважды воспретилъ ношеніе бороды священникамъ своей епархіи. Запрещенія эти остались однако безъ послѣдствій, такъ какъ вѣрная своей церкви и народности часть духовенства продолжала носить бороды. Поэтому въ 1880 г. преемникъ Гаганца—епископъ Николай Товтъ, опять подъ давленіемъ свыше, издалъ циркуляръ, грозившій за ношеніе бороды и длинныхъ волосъ строгими наказаніями и приказывавшій благочиннымъ слѣдить за его исполненіемъ.

Тогда А. И. Добрянскій-Сачуровъ составилъ отвѣтъ епископу, подписанный 14 священниками (первымъ подписался писатель А. И. Павловичъ), въ которомъ на основаніи постановленій Флорентійскаго собора („пусть латиняне бреютъ, а греки растятъ бороды"), папскихъ буллъ и практики угро-румынскихъ, хорватскихъ и итало-греческихъ уніатовъ доказывается обязательность для уніатскаго духовенства соблюденія восточнаго обряда вообще, и ношенія бороды и длинныхъ волосъ въ частности, и недѣйствительность всякаго, даже епископскаго или патріаршаго, распоряженія, внушающаго уніатамъ неуваженіе къ греческому обряду. Въ заключеніе подписавшіеся выражаютъ готовность претерпѣть мученичество за свой обрядъ и намѣреніе аппелировать къ папскому престолу.

Подписавшіе этотъ отвѣтъ священники получили (каждый отдѣльно) отъ епископа новое напоминаніе о необходимости брить бороду, въ

которомъ между прочимъ говорится, будто духовенство Пряшевской епархіи добровольно отказалось отъ даннаго уніатамъ позволенія носить бороду, и только съ 1848—1849 г.г. нѣкоторые священники опять стали носить ее изъ либерализма, а съ 1860 г.—изъ либерализма и національнзма.

Замѣтивъ однако сильный отпоръ среди духовенства, еп. Николай обратился въ римскую конгрегацію de propaganda fide (вѣдающую, какъ извѣстно, дѣла пропаганды на Востокѣ и уніатскихъ церквей) съ вопросами: 1) оставить ли въ силѣ свое распоряженіе? и 2) можетъ ли онъ наказывать непослушныхъ воспрещеніемъ служить (суспенсіею)? Конгрегація отвѣтила, что циркуляръ остается въ силѣ, а непокорныхъ епископъ можетъ наказывать, но воспрещеніе служить онъ можетъ примѣнять только послѣ троекратнаго напоминанія. О такомъ рѣшеніи конгрегаціи Товтъ оповѣстилъ духовенство своей епархіи особымъ циркуляромъ.

На эти дѣйствія епископа Николая А. И. Добрянскій-Сачуровъ отвѣтилъ составленіемъ для духовенства Пряшевской епархіи аппеляціи къ папѣ, въ приложеніяхъ къ которой были напечатаны: 1) первый циркуляръ епископа (по-латыни); 2) его же—изданное по приказанію министра вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія—распоряженіе, чтобы священники запретили школьникамъ русскія привѣтствія (особенно „Слава Іисусу Христу!“) и пріучили ихъ къ мадьярскимъ (по-мадьярски); 3) отвѣтъ 14 священниковъ (по-латыни, стр. 3—7); 4) отвѣтъ каждому изъ нихъ епископа (по-латыни) и 5) второй циркуляръ (по-латыни).

Въ самой аппеляціи (по-латыни, стр. 11) Адольфъ Ивановичъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что епископъ издалъ свои распоряженія подъ давленіемъ мадьярскихъ шовинистовъ, мечтающихъ о созданіи „на развалинахъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій Угріи... какой-то независимой мадьярской церкви“ (стр. 1); напоминаетъ о постановленіяхъ Флорентійскаго собора и папскихъ буллъ; опровергаетъ утвержденія еп. Николая, будто уніатамъ только дозволено, а не прямо предписано носить бороды и длинные волосы, и будто духовенство Пряшевской епархіи добровольно отказалось отъ этого права, а затѣмъ опять начало растить бороды изъ либерализма; отмѣчаетъ допускаемыя епископомъ, другія уклоненія отъ восточнаго обряда, презрительное отношеніе его къ послѣднему, а также къ русскому и церковно-славянскому языкамъ, которые въ оффиціальной перепискѣ замѣнены

мадьярскимъ, вводимымъ исподволь даже въ богослуженіе; обвиняетъ архіерея въ желаніи исправлять постановленія соборовъ и папъ и даже „подвергать критикѣ дѣйствія апостоловъ и Самого Спасителя“ (стр. 10) и наконецъ, покорнѣйше просить папу: 1) отмѣнить (кассировать) постановленіе Пряшевскаго епископа и 2) внушить послѣднему, чтобы онъ не поддавался воздѣйствію мадьяръ, а напротивъ позаботился о возстановленіи въ епархіи восточнаго обряда во всей его чистотѣ.

Въ 1880-хъ годахъ галицкіе поляки предприняли рядъ рѣшительныхъ мѣръ съ цѣлью полнаго національнаго обезличенія галицко-русскаго народа. Прежде всего они постарались о томъ, чтобы отъ русскаго населенія Галичины было избрано какъ можно меньшее число представителей въ австрійскую Державную Думу. Дѣйствительно, при выборахъ 1879 г., въ вѣнскій парламентъ было избрано вмѣсто прежнихъ 16-ти, только два русскихъ депутата: В. Д. Ковальскій и Д. М. Кулачковскій. Подорвавъ, такимъ образомъ, вліяніе русскихъ галичанъ на политическую жизнь страны, поляки рѣшили ослабить также и значеніе русской церкви, для чего призвали на помощь іезуитовъ и, отдавъ въ ихъ распоряженіе два богатѣйшихъ уніатскихъ монастыря—Добромильскій и Лавровскій,—поручили имъ воспитаніе, въ чисто-польскомъ духѣ, русскихъ монаховъ-василіанъ. Кромѣ всего этого, польскіе политики усиленно поддерживали мазепинское движеніе, одновременно преслѣдуя всякое, даже самое малѣйшее, проявленіе русскаго національнаго самосознанія.

Въ это тяжелое для Галицкой Руси время лучшіе ея представителя обратили свои взоры на Адольфа Ивановича Добрянскаго-Сачурова и попросили его переѣхать изъ Чертежнаго во Львовъ, чтобы стать во главѣ народной работы и помочь изстрадавшейся Галицкой Руси отстоять свои права отъ бѣшенаго натиска польскихъ шовинистовъ.

Адольфъ Ивановичъ съ полною готовностью принялъ предложеніе галицко-русскихъ патріотовъ, радуясь вмѣстѣ съ тѣмъ тому, что можетъ, наконецъ, оставить мѣсто своего вынужденнаго уединенія и замѣнить кабинетныя занятія живымъ практическимъ трудомъ на пользу столь горячо имъ любимой Галицкой Руси.

Осенью 1881 года А. И. Добрянскій-Сачуровъ переѣхалъ одинъ во Львовъ и остановился у зятя Ю. М. Геровскаго, а затѣмъ, устроившись окончательно, выписалъ семью.

Адольфу Ивановичу предстояло трудное дѣло. Онъ засталъ въ Галицкой Руси общее уныніе и замѣтилъ несогласіе даже тамъ, гдѣ должно было бы царствовать единодушіе. Многіе патріоты хотя и работали для народа, но каждый порознь, почему и не могли представлять достаточной силы для успѣшной борьбы съ польскими угнетателями. Вообще чувствовалось отсутствіе объединяющаго начала, не было программы, которая бы сплачивала русскихъ галичанъ въ одно идейное цѣлое.

Съ прибытіемъ А. И. Добрянскаго-Сачурова сразу началось оживленіе среди русскихъ галичанъ, а прежнее ихъ уныніе смѣнилось бодростью и вѣрой въ лучшее будущее.

Адольфъ Ивановичъ былъ избранъ предсѣдателемъ общества „Русское Касино“, гдѣ сходились для дружеской бесѣды русскіе жители Львова. Благодаря вліянію и умѣнію этого, всѣми признаннаго, русскаго вождя, сблизились между собой галицко-русскіе дѣятели, а кромѣ того старшее поколѣніе пошло навстрѣчу молодежи, чѣмъ устранялось нежелательное отчужденіе „отцовъ“ отъ „дѣтей“.

Достигнувъ большихъ результатовъ въ дѣлѣ объединенія русскихъ патріотовъ, А. И. Добрянскій-Сачуровъ обратилъ свое вниманіе также и на дѣло сплоченія представителей галицко-русской печати и, вообще стремился къ примиренію, во имя общей работы, руссофиловъ и украинофиловъ. Однако обстоятельства помѣшали Адольфу Ивановичу осуществить всѣ его благія намѣренія.

Польскіе политики воспользовались случаемъ перехода изъ уніи въ православіе крестьянъ села Гниличекъ и затѣяли политическій процессъ.

Адольфъ Ивановичъ и его дочь Ольга Адольфовна (по мужу—Грабарь) вмѣстѣ съ другими русскими патріотами были въ Январѣ 1882 года неожиданно арестованы и посажены въ тюрьму, въ которой просидѣли подъ предварительнымъ слѣдствіемъ и во время судебнаго разбирательства цѣлыхъ полгода.

Наконецъ, 28 Апрѣля (10 Мая) 1882 г. подсудимымъ былъ объявленъ обвинительный актъ, содержащій нелѣпое обвиненіе въ государственной измѣнѣ и требующій преданія ихъ смертной казни. Главнымъ свидѣтелемъ противъ Адольфа Ивановича былъ прославшій изъ

Будапешта полную клеветы и явной лжи записку угорскій министръ-президентъ Коломанъ Тиса († 1902 г.), который нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ предлагалъ вождю угро-руссовъ министерскій портфель...

Въ своей защитительной рѣчи, произнесенной въ 9 и 10 засѣданіяхъ суда, А. И. Добрянскій-Сачуровъ подвергъ обвинительный актъ убійственной, уничтожающей критикѣ. Отмѣтивъ въ немъ всѣ противорѣчія и явныя подтасовки, Адольфъ Ивановичъ приходитъ къ выводу, что прокуроръ стремился, очевидно, внушить подсудимымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему галицко-русскому народу слѣдующее:

„а) что образованіе, честность, трезвость и незапятнанный образъ жизни, признанныя неоднократно Высочайшими мѣстами и лицами, заслуги въ отношеніи къ престолу и государству и неизмѣнная вѣрность при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ никого не могутъ охранить отъ публичнаго поруганія его имени, отъ матеріальнаго разоренія и даже тюремнаго заключенія; что всѣ означенныя качества могутъ служить даже поводомъ для обвиненія, если противъ подобнаго лица представляется подозрѣніе, что онъ приверженъ своей народности и пользуется особеннымъ уваженіемъ своихъ соплеменниковъ;

„б) что, сообразно съ этимъ, ношеніе Высочайшихъ отличій, особенно орденовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ считаться отягчающимъ вину обстоятельствомъ;

„в) что основные государственные законы, обезпечивающіе каждому народу его языкъ и національность, свободу науки и образованія, свободу печати и совѣсти, ни мало не связываютъ прокурора и вообще власти, коль скоро имъ угодно заподозрить въ комъ-нибудь побочную цѣль при пользованіи этими законами;

„г) что каждый можетъ спастись отъ уничтоженія своей чести и имущества лишь тѣмъ... (*Предсѣдатель призываетъ подсудимаго къ порядку*);

„д) что мы, слѣдовательно, должны всячески обособлять нашу литературу отъ нашихъ заграничныхъ соплеменниковъ, должны отказаться отъ литературы въ собственномъ смыслѣ слова, особенно же старательно избѣгать знанія или употребленія нашего древне-славянскаго церковнаго языка, читать исключительно рекомендуемыя обвинительнымъ актомъ—за спеціально австрійскія тенденціи—украйнофиль-

скія изданія, особенно же писанныя фонетическимъ правописаніемъ; должны воздерживаться отъ взаимныхъ посѣщеній и закрытой переписки, хотя бы то между родными, въ крайнемъ же случаѣ, можемъ пользоваться открытыми письмами, если не желаемъ провиниться въ угрожаемой смертью государственной измѣнѣ;

„е) что мы должны съ отвращеніемъ избѣгать, какъ опаснѣйшихъ враговъ Австріи, нашихъ православныхъ соплеменниковъ во Львовѣ, Буковинѣ и Угріи и вообще всѣхъ приверженцевъ греко-восточной церкви; должны, по примѣру г. прокурора, называть ихъ браннымъ именемъ схизматиковъ и питать убѣжденіе, что если бы кому-либо изъ греко-уніатовъ заблагоразсудилось перейти къ греко-восточной церкви, по одиночкѣ или въ сообществѣ нѣсколькихъ лицъ, то это была бы, по обвиненію, апостазія, т.-е. отпаденіе къ язычеству, и что подобнымъ лицамъ никакъ нельзя вѣрить въ переходъ по религіозному убѣжденію, а наоборотъ, слѣдуетъ разсматривать ихъ, безъ дальнихъ околичностей, какъ государственныхъ измѣнниковъ;

„ж) что редакторы должны въ будущемъ издавать свои журналы на такомъ языкѣ и правописаніи, а вдобавокъ въ такомъ церковномъ и политическомъ направленіи, какое нравится г. прокурору, подъ страхомъ не только частыхъ конфискацій и, слѣдовательно, матеріальнаго разоренія редакторовъ, но и ихъ ареста, какъ государственныхъ измѣнниковъ, если они напечатаютъ статьи, противъ которыхъ ни законъ, ни прокуроръ не могли возразить въ свое время, и хотя бы съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ;

„з) что общества, гдѣ занимаются чтеніемъ газетъ, биллiардною и карточною игрою или устройствомъ общественныхъ увеселеній, и которыя потому очень подозрительны въ политическомъ отношеніи, никакъ не могутъ избирать въ свои предсѣдатели лицъ хорошей репутаціи, особенно же имѣющихъ знаки Высочайшаго отличія; въ противномъ же случаѣ, они должны быть судимы въ государственной измѣнѣ“. (*Прокуроръ прерываетъ подсудимаго, а предсѣдатель грозитъ лишить его слова*).

Свою замѣчательную рѣчь А. И. Добрянскій-Сачуровъ закончилъ слѣдующими словами:

„Я не знаю за собой никакой вины, которая могла бы возбудить противъ меня подозрѣніе. Если же дѣло идетъ о томъ, что я пользо-

вался правами, которыя обезпечены каждому гражданину основными законами, то я не думаю, чтобы кто-нибудь въ мірѣ могъ осудить меня по этому поводу. Если приговоръ нарушаетъ основные законы, то онъ самъ противозаконенъ, а потому такой случай не только поколебалъ бы нашу правовую почву, но и вызвалъ бы крикъ негодованія какъ здѣсь, такъ и за границею и нанесъ бы намъ всенародное посрамленіе".

17 (29) Іюля 1882 г. присяжные вынесли А. И. Добрянскому-Сачурову и шести другимъ подсудимымъ (всѣхъ было 11 человѣкъ) оправдательный приговоръ.

Когда Адольфъ Ивановичъ вышелъ изъ зданія суда, его встрѣтили кликами „ура" тысячная толпа народа, а русская молодежь подняла на руки своего вождя-страдальца.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялся ужинъ въ честь освобожденныхъ. За общею трапезою собралось около ста представителей русскихъ галичанъ изъ Львова и провинціи, чтобы засвидѣтельствовать невинно-пострадавшимъ горячую признательность и общую любовь народа.

Адольфъ Ивановичъ въ своей рѣчи поблагодарилъ собравшихся за дорогое для него вниманіе и при этомъ заявилъ, что долженъ завтра же покинуть Львовъ и переселиться въ Вѣну.

КРИСТИНЪ

Кристинъ.

Война съ Россіей въ 1812 году и отступленіе отъ Москвы, стоившіе Франціи столько крови, не помѣшали французамъ довѣрить Наполеону еще безчисленную армію, погибшую въ 1813 году. Наконецъ, ему до послѣдней минуты предоставляютъ право организовывать національную гвардію, забирать сокровища, не смѣя даже поморщиться; и если бы онъ былъ въ Парижѣ при его защитѣ, Парижъ защищался бы до послѣдней крайности. По счастью, онъ оказался отрѣзаннымъ отъ своей столицы и послѣ битвы подъ Монмартромъ, Парижане убѣдились, что силы союзниковъ были слишкомъ велики, чтобы бояться Корсиканца. Тогда они храбро обрушили свой гнѣвъ на пораженнаго непріятеля, передъ которымъ дрожали 24 часа тому назадъ. Никакіе подвиги не свидѣтельствовали о ихъ удрученности и о желаніи сбросить съ себя иго; это были низкіе рабы, которые благодаря снисходительному обхожденію съ ними союзниковъ, на другой же день, стали дерзкими въ тѣхъ оскорбительныхъ статьяхъ конституціи, которые они смѣютъ предписывать своему законному королю.

По моему эта конституція оскорбительна даже для союзныхъ монарховъ, и съ ихъ стороны большая неосторожность позволять провозглашать въ своемъ присутствіи и какъ бы съ ихъ одобренія, губительные для монархіи принципы, которые, если вкоренятся во Франціи, то не замедлятъ въ скоромъ времени поколебать власть и во всей Европѣ. Но они не видятъ опасности, или же хотятъ добровольно ей подвергаться. Въ эту минуту ихъ ослѣпляетъ и опьяняетъ слава успѣха, но рано или поздно они очнутся и поймутъ свою ошибку. Но они сами удивлены тѣмъ, что находятся въ Парижѣ и побѣдили Наполеона, и это удивленіе сильно вредитъ ихъ осторожности. Если бы нашъ добрѣйшій Государь, не вмѣшиваясь въ вырабатываемую для Франціи конституцію, ограничился тѣмъ, что сказалъ Талейрану и его сообщ-

никамъ слѣдующее: „Надѣюсь, что вы повергнете вашъ Сенатъ къ стопамъ Людовика XVIII, прося его о забвеніи тѣхъ преступленій, которыми Франція была полна за послѣдніе 25 лѣтъ“, этого было бы достаточно для того, чтобы король Франціи вернулся въ нее просто, со всѣми присущими его рожденію правами, безъ того, чтобы кто нибудь помыслилъ предписывать ему какія либо условія. Я увѣренъ, что конституція эта не примѣнима и не долговѣчна. Думаю, что король сможетъ ее уничтожить, если сумѣетъ воспользоваться мнѣніемъ народа, который всецѣло противъ этихъ мошенниковъ, сообщниковъ Бонапарта. Но если онъ хочетъ вилять (что вполнѣ въ его характерѣ) и притворно одобрять то, что ненавидитъ всей душой, а также дать время укорениться новому порядку вещей, тогда (попомните меня) мы увидимъ во Франціи новыя смуты.

Но мнѣ, какъ и вамъ, дорогая княжна, мало до этого дѣла, лишь бы Россія процвѣтала и залѣчивала свои многочисленныя раны. Пусть французы пожираютъ другъ друга, я буду желать блага только ихъ князьямъ и никогда этой ужасной націи, и эти пожеланія не будутъ нарушать моего покоя, до тѣхъ поръ пока событія будутъ происходить на французской землѣ. Въ этотъ моментъ политическое устройство Европы является великимъ дѣломъ, на которое каждый смотритъ съ открытыми глазами. Но это не дѣло одного дня, какъ Наполеоновскій міръ, для него потребуется цѣлый конгрессъ, который создастъ свою эпоху, какъ Вестфальскій.

„Что такое Вестфальскій миръ?“ спросилъ меня вчера Титовъ. „Это миръ, положившій конецъ тридцатилѣтней войнѣ“.—„Ахъ, я знаю эту тридцатилѣтнюю войну, называемую „Крестовыми Походами“. Вотъ каковы его познанія! Г-жа де Нуазевиль сказала мнѣ всего лишь нѣсколько словъ, о ссорѣ князя Бориса съ его belle-soeur изъ за свадьбы, о которой она говоритъ лишь какъ о возможности. Я не скажу ей, что вы мнѣ объ этомъ писали, но очень Вамъ благодаренъ за интересныя подробности. Эта Лиза, которая не хочетъ ни Браницкаго, ни Голицына, никогда о ней и не думавшихъ! Вотъ уморительно,—но имѣя такую сумасбродную мать, нельзя ожидать ничего кромѣ глупостей. Я не стану ее поздравлять, такъ какъ совершенно не желаю возобновлять съ ней переписки, изъ страха, чтобы она не предложила мнѣ свою Катеньку.

Я въ восторгѣ, узнавъ наконецъ отъ Васъ самой, что вы лѣтомъ собираетесь въ Москву. Конечно, я буду имѣть счастье Васъ тамъ ви-

дѣть, если Богъ дастъ, буду живъ, такъ какъ я никогда и не собирался въ Подолію. Мнѣ нужно жить въ городѣ, или вообще въ болѣе населенномъ мѣстѣ, чѣмъ у графа Маркова, гдѣ никогда не видно даже кошки. Мнѣ нужны тѣ пособія, въ видѣ книгъ и другихъ предметовъ для занятій, которые имѣются въ столицѣ (даже сожженной). Я много читаю, мало выхожу и до безумія люблю свой очагъ, когда имѣю въ немъ все, что мнѣ по душѣ.

Мнѣ очень хотѣлось быть въ Петербургѣ, въ это интересное время, но это было невозможно изъ-за моего здоровья. Положимъ даже, если бы я хорошо себя чувствовалъ, то мнѣ не позволили бы этого сдѣлать расходы. Все здѣсь стало такъ дорого, такъ необычайно дорого, что съ моими маленьки средствами не приходится откладывать ни одного рубля. Я счастливъ тѣмъ, что свожу концы съ концами. Къ тому же я ни за что не сталъ бы отрываться отъ своихъ дѣлъ, что надѣлало бы много непоправимаго. Я надѣюсь, что перемѣна къ лучшему въ торговыхъ договорахъ и разумномъ начальствѣ установитъ наконецъ равновѣсіе между доходами и расходами, но если же ничего этого не произойдетъ, то мнѣ придется навсегда остаться въ Москвѣ доживать свои грустные дни.

Понимаете ли Вы возложенное на Шувалова порученіе, и представляете ли его себѣ ужинающимъ съ Бонапартомъ, Коленкуромъ, Савари, Маре и Бертраномъ? Онъ живой человѣкъ среди мертвецовъ и вернувшись можетъ сказать, что побывалъ въ аду, гдѣ бесѣдовалъ съ знаменитыми тѣнями. О! если онъ сумѣетъ въ эти первыя минуты заставить ихъ говорить о интересныхъ вещахъ!

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 30 Апрѣля 1814 г.

Сообщите мнѣ пожалуйста про всѣ Московскія торжества: это доставитъ мнѣ большое удовольствіе. У насъ все кончено, и теперь каждый ожидаетъ возвращенія кого-нибудь изъ своихъ. Сегодня вечеромъ пріѣзжаетъ генералъ Winsingerode, вотъ кто разскажетъ много интереснаго, я напишу Вамъ все что услышу. Думаютъ, что Государь такъ скоро не вернется, ибо ему предстоитъ еще много путешествій. Послѣ Лондона онъ поѣдетъ въ Голландію, потомъ вернется въ Парижъ, послѣ чего въ Вѣну, Дрезденъ, Берлинъ и наконецъ къ намъ черезъ южныя провинціи. Вотъ что разсказываютъ, и такимъ образомъ нужно

предполагать, что его увидятъ въ Петербургѣ лишь къ концу лѣта. Вѣроятно, 18-го Бонапартъ покинулъ Фонтенбло, онъ ѣдетъ въ Провансъ, чтобы сѣсть тамъ на корабль и отправиться на свой островъ. Съ нимъ ѣдетъ, изъ жалости къ нему, нѣкій г-нъ Друе́. Можетъ быть это какой нибудь отъявленный негодяй, задержавшій въ Варенѣ Людовика XVI и ожесточенно голосовавшій за его смерть, вѣроятно это онъ—и тогда вполнѣ понятно, что онъ сопровождаетъ Бонапарта. Наконецъ-то французская земля очистится отъ него. Марія-Луиза, вновь превратившись въ барышню, вернется къ себѣ со своимъ отцомъ, который, надо сознаться, играетъ въ настоящее время печальную роль. Впрочемъ ни они ни она мнѣ совершенно не интересны, такъ какъ ея бракъ былъ весьма пошлымъ. Исторія Мюрата пока не подтверждается и что будетъ съ Неапольскимъ королевствомъ еще неизвѣстно, но надо надѣяться, а особенно желать, чтобы никто изъ этой адской шайки не позорилъ бы больше ни одного трона. Сенатъ послалъ вице-королю Италіи декретъ о низложеніи Наполеона; извѣстіе объ этомъ напечатано въ Берлинской газетѣ, такъ же какъ извѣстіе о пожалованіи Лагарпу голубой ленты, которое кажется очень страннымъ и возбуждаетъ общее сомнѣніе. Говорятъ, что этотъ Лагарпъ тоже скоро пріѣдетъ въ Петербургъ. Многіе поговариваютъ уже о путешествіяхъ, особенно же путешествіи въ Парижъ. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ начинаютъ собираться въ путь. Если же и я начну свои сборы, то только для поѣздки въ Москву.

Меня ничуть не интересуетъ видѣть что бы то ни было, наоборотъ, мое равнодушіе меня даже сердитъ иногда, а иногда кажется мнѣ ниспосланной съ неба милостью. Что же касается до моихъ сестеръ, то мнѣ очень хочется, чтобы здоровье Остермана позволило бы имъ присутствовать на коронаціи Людовика XVIII. Это событіе настолько интересно, что даетъ пищу ихъ разсказамъ тетѣ, на всѣ дни нашей жизни.

Я не ошиблась, предвидя весь шумъ, который должна была надѣлать свадьба Лизы Голицыной съ прекраснымъ *Идеаломъ* и всѣ вздорные толки, которые она должна была вызвать. Теперь оказывается, что мать де Ферзи совсѣмъ не Palfi, а просто Canaglia, что вызываетъ всеобщій смѣхъ.

Говорятъ, что мужъ княжны Голицыной родомъ изъ страны Арлекиновъ, что мать его ужасная дрянь и что онъ простой солдатъ. Это вздоръ, но когда люди захотятъ насмѣхаться, то всегда найдутся къ

этому поводы. Что же касается до сумасбродной матери, то она уже написала своему брату графу Шувалову, прося его объявить объ этомъ бракѣ Государю и испросить у него разрѣшеніе прекрасному узнику. Скоро все Петербургское общество перекочуетъ въ деревню: одни на Каменный Островъ, другіе въ Павловскъ, чтобы быть вблизи отъ Императрицы. Princesse Boris меня очень приглашаетъ ѣхать съ ней, но я объ этомъ и не думаю. По правдѣ сказать, ея домъ слишкомъ шуменъ, столько молодежи—княгиня Куракина, дѣти... я уже отсюда вижу, что я не буду имѣть покоя даже по утрамъ; ко мнѣ будутъ приходить во всѣ часы дня, что меня очень бы стѣсняло, поэтому я предпочитаю оставаться у себя и ждать, чтобы какая-нибудь добрая душа довезла бы меня до Москвы. Моя княгиня Юсупова до сихъ поръ ни слова не говоритъ о наймѣ дачи, и одинъ Богъ знаетъ, что она собирается дѣлать. Вашъ аббатъ Mallserbe, котораго Вы сравниваете съ г-номъ La Terté и Milleville, мнѣ не нравится, несмотря на его хорошія убѣжденія, которыя должны бы были сдѣлать изъ него хорошаго христіанина. Онъ отказывается соборовать умирающую г-жу Durieff потому, что ея духовникомъ былъ аббатъ Perrin. По моему это не хорошо, но Богъ съ нимъ.

Кристинъ.

Москва, Суббота 9 Мая 1814 г.

Постижимо ли это, что 9 (21) Мая идетъ снѣгъ, что все вокругъ замерзаетъ, печи топятся, что нельзя выставлять двойныхъ рамъ и выходить безъ шубы! Вотъ что у насъ происходитъ такъ же, какъ вѣроятно и у васъ. Мое сердце сжимается болью и я вспоминаю слова одного французскаго плѣнника въ Нижнемъ въ Декабрѣ 1812 г. „Боже! какой ужасный холодъ въ этой странѣ и эти варвары зовутъ ее своей родиной!“ Она, дѣйствительно, должна имѣть большія преимущества, чтобы вознаграждать за непріятности, причиняемыя такимъ ужаснымъ климатомъ.

Ледяные вѣтры смѣняются безъ промежутка ужаснѣйшими жарами; то же, что называется весной и осенью, совершенно неизвѣстно Россіи. Распредѣляя свои благодѣянія, Провидѣніе уничтожило эти два прелестныхъ времени года цвѣтовъ и фруктовъ, что дѣйствительно ужасно жаль...

Изъ двухъ одно: или Людовикъ XVIII, воспользовавшись восторженнымъ настроеніемъ народа, съ перваго же момента отмѣнитъ конституцію,

или же не пройдетъ года, какъ мы увидимъ во Франціи новыя смуты. Но онѣ будутъ, я надѣюсь, только внутреннія, и въ этомъ случаѣ признаюсь, я буду къ нимъ совершенно равнодушенъ. Я сталъ большимъ эгоистомъ, лишь-бы наша Россія была спокойна и счастлива, издали же я готовъ желать другимъ націямъ полнаго процвѣтанія, какъ желаютъ добраго дня тѣмъ, къ кому относятся равнодушно.

Я ни слова не вѣрю о пожалованіи Лагарпу голубой ленты, это было бы подъ стать Кутайсову, но такія вещи не встрѣчаются при двухъ послѣдовательныхъ царствованіяхъ. Къ тому же я думаю, что Лагарпъ ничего такого не добивается; и любитъ почести и отличія меньше наблюдательныхъ философскихъ системъ. Нивелеръ ему понравится больше, чѣмъ повышеніе, полученное за написанное имъ. Храни насъ Богъ отъ его вліянія. Зачѣмъ онъ пріѣдетъ въ Россію? Добрый и честный русскій крестьянинъ еще не созрѣлъ, чтобы къ нему можно было прилагать принципы, которыми руководствуются Швейцарскіе кантоны. Если захотятъ сдѣлать его счастливымъ такимъ путемъ, то очень быстро все потеряютъ. Я на тысячу верстъ отбрасываю эту мысль, осуществленіе которой заставило бы меня сейчасъ же бѣжать изъ этой страны.

Г-нъ Дивовъ умеръ почти безболѣзненно, онъ лежалъ въ кровати всего лишь 48 часовъ и не подозрѣвалъ опасности. Я видѣлъ его наканунѣ: онъ ѣлъ съ аппетитомъ и шутилъ съ художникомъ, который у него живетъ. Онъ говорилъ ему: „я надѣну, дорогой Феррари, великолѣпный халатъ, красивый колпакъ и вы нарисуете меня пишущимъ завѣщаніе“. И онъ отъ всей души смѣялся надъ этой прекрасной шуткой. Онъ говорилъ любезности своей Танюшкѣ: „когда имѣешь счастье пользоваться услугами m-elle Тани, то нечего и думать о смерти и можно еще смѣяться сколько хватитъ силъ“. Потомъ онъ мнѣ говорилъ о дѣлахъ: „черезъ шесть лѣтъ я расплачусь со своими долгами, послѣ чего поѣду поправляться въ Неаполь и вернусь совершенно здоровымъ, устраивать мое Соколово и сажать тамъ чудныя деревья...“ На другой день онъ скончался. Это было третьяго дня, 7 Мая. Жена его умерла 8 Мая, въ прошломъ году. Завтра почтовый день, мы его хоронимъ, вотъ почему я написалъ свои письма заранѣе. Если почта принесетъ мнѣ что-нибудь требующее отвѣта, то я припишу его здѣсь. На этихъ дняхъ я жду графа Маркова и пока еще самъ не знаю, гдѣ его помѣщу. Его больной племянникъ занимаетъ домъ его сестры, такъ что я поручилъ искать по всей Москвѣ ему квартиру.

Воскресеніе. 10 ч. вечера. Пришла почта. Я получилъ письмо отъ графа Маркова, помѣченное 5 Мая, а отъ Васъ, ни отъ г-жи де-Нуазевиль ни слова, ни даже газеты... виновата-ли въ этомъ небрежность почтальона? Я предпочелъ бы эту причину всякой другой. Погода въ сто разъ хуже, чѣмъ вчера, и если это такъ продолжится, то завтра поѣдутъ на саняхъ.

Понедѣльникъ 11 Мая.

Зима усиливается съ каждымъ часомъ, погода такова, что нельзя выпустить собаку на улицу. Несмотря на это я былъ на похоронахъ и у г-жи Еверсъ, къ Арсеньевой же не успѣлъ зайти. На похоронахъ княгиня Барятинская мнѣ сказала, что Булгаковъ пишетъ своему брату, что слухи о пожалованіи голубой ленты Лагарпу вполнѣ вѣрны. Въ такомъ случаѣ храните въ тайнѣ все, что я Вамъ о немъ говорю. Онъ меня не любитъ и во время устроенной имъ въ Швейцаріи революціи, преслѣдовалъ мою семью. Motus.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 12 Мая 1814 г.

Я кажется Вамъ уже говорила, что отношусь къ Вашимъ письмамъ съ такимъ же кокетствомъ, какъ мать къ личику своей дочери. Послѣднее Ваше письмо доставило мнѣ такое наслажденіе, что мнѣ захотѣлось показать его въ свѣтѣ и я прочла его тѣмъ, кто въ этомъ понимаетъ. Г-жа Строганова является уже обычной слушательницей, поэтому она повторила то, что уже много разъ говорила о Вашихъ письмахъ. То же скажу Вамъ и о princesse Voldemar и объ Апраксиной, которая разсыпалась въ похвалахъ Вашей особѣ; но все это ничто, и Вы, конечно, этого ожидали. Главное же заключается въ томъ, что Вы обязаны этому письму цѣлымъ о Васъ разговоромъ. Онъ произошелъ при г-жѣ Свѣтчиной, прелестной женщинѣ по уму, знаніямъ и вкусу. Не знаю почему, но она была сильно предубѣждена противъ Васъ, знаю только одно, что когда однажды я заговорила о Васъ, я не могла продолжать, такъ какъ она мнѣ закрыла ротъ, но не тѣмъ, что дурно о Васъ говорила, а тѣмъ, что отнеслась съ большимъ недовѣріемъ къ сказанному мною. Я ушла очень недовольная и просила г-жу де Нуазевиль прійти какъ нибудь со мной и вмѣстѣ поработать надъ обращеніемъ г-жи Свѣтчиной, но эти планы все оставались не осуществленными. Вчера же случай представился самъ собой: я поѣхала къ Свѣтчиной и встрѣтилась тамъ съ г-жею де Нуазевиль, которая

скоро вспомнила, что должна была передать Ваше письмо, что она и сдѣлала. Я сейчасъ же распечатала его, оно было отъ 1 Мая и прочла, потомъ, обратившись къ князю Гагарину beau-frère Свѣтчиной сказала ему: „Не хотите ли прослушать нѣсколько вѣрныхъ и хорошо выраженныхъ мыслей?“ Онъ протянулъ руки и я дала ему первый листъ, который такъ ему понравился, что онъ началъ усиленно его хвалить. Нѣсколько дней тому назадъ графъ Марковъ прочелъ ему одно изъ Вашихъ писемъ, отъ котораго онъ пришелъ въ большой восторгъ и это явилось довершеніемъ. Услыша восклицаніе Гагарина, Свѣтчина захотѣла прочесть письмо, но я ей его не дала, и вложивъ въ эту игру все возможное кокетство, продолжала его не давать, возбуждая вмѣстѣ съ тѣмъ ея любопытство и желаніе его прочесть. Но наконецъ, она поймала его, прочла, тоже съ большимъ удовольствіемъ, послѣ чего мы заговорили о Васъ. Г-жа де Нуазевиль отлично мнѣ вторила, и скоро мы одержали побѣду, сраженіе было выиграно. Будь это другой человѣкъ, чѣмъ г-жа Свѣтчина, я не пошевельнула бы пальцемъ, но для нея дѣло другое, такъ какъ она очень выдающаяся женщина, и мнѣ было крайне непріятно ея предубѣжденіе противъ человѣка, созданнаго, чтобы ее цѣпить, и котораго и она неизбѣжно должна находить въ своемъ духѣ. Итакъ, вы примирены, никогда не ссорившись.

Мы получили изъ Парижа много писемъ и газетъ. Между прочимъ г-жа Гурьева мнѣ прислала ту, въ которой напечатано оправданіе Колепкура, по поводу убійства герцога д'Анинскаго; оказывается, если хочешь этому вѣрить, онъ никогда даже не получалъ приказа его арестовать, что этотъ приказъ былъ данъ нѣкоему генералу Ordener, а что онъ Коленкуръ былъ ни при чемъ, и былъ обвиненъ въ этомъ преступленіи лишь потому, что покинулъ Страсбургъ въ моментъ отъѣзда Ordener. Въ той же самой газетѣ напечатано письмо Коленкура нашему Государю и отвѣтъ послѣдняго, который очевидно снимаетъ съ него всякое подозрѣніе. Богъ знаетъ насколько это вѣрно, но г-нъ Дюльбуръ увѣрялъ меня, что ему труднѣе будетъ оправдаться во Франціи, чѣмъ въ Россіи, что всѣ настолько увѣрены, что онъ везъ герцога д'Анинскаго въ Винсенъ, что никакія газеты въ мірѣ не смогутъ его оправдать. Его присоединеніе до сихъ поръ еще не напечатано и неизвѣстно, что съ нимъ будетъ.

Взгляды на конституцію кого-то неизвѣстнаго доставили Вамъ удовольствіе; эта брошюра очень осмысленна и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше Шатобріана, которая въ лучшихъ мѣстахъ испорчена нѣкоторыми обстоятельствами. Слышите ли Вы? Это противная нація!

Боже, какими они мнѣ кажутся отвратительными! А этотъ бѣдный Людовикъ XVIII, я бы ни за что не хотѣла быть на его мѣстѣ! Всѣ плѣнные освобождены и получили разрѣшеніе уѣхать; никто изъ нихъ не увозитъ съ собой моего сожалѣнія, лишь г-нъ Дюбуръ (хвалившій мою ногу) увозитъ мой башмакъ, чтобы заказать мнѣ по немъ нѣсколько паръ въ Парижѣ.

Вообще не думаю, чтобы эти господа могли похвастаться оказаннымъ имъ въ Россіи пріемомъ, развѣ только Вандамъ будетъ расхваливать г-жу Корсакову.

Прощайте, будьте здоровы и передайте отъ меня Титову тысячу любезностей, онъ великолѣпенъ со своими Крестовыми походами. Такія ошибки ему свойственны, однажды онъ увѣрялъ меня самымъ серьезнымъ образомъ, что знавалъ въ Ригѣ г-жу де Севинье, находившуюся въ связи съ Тучковымъ и писавшую плохіе романы...

Онъ спуталъ г-жу де Севинье, изъ произведеній которой не читалъ ни страницы, съ г-жей Крюденеръ.

Кристинъ.

Москва 18 Мая 1815 г.

Такъ какъ я никогда не пишу черновыхъ писемъ и не оставляю у себя съ нихъ копій, то въ большинствѣ случаевъ къ тому времени когда получаются на нихъ отвѣты, я забываю ихъ содержаніе. Тщетно стараюсь припомнить, о чемъ писалъ Вамъ въ томъ посланіи, которому обязанъ хорошимъ мнѣніемъ г-жи Свѣтчиной... Я начинаю думать, что издали я кажусь лучше чѣмъ вблизи. Каждый предметъ выигрываетъ на извѣстномъ благопріятномъ для него разстояніи, и искусство заключается въ томъ, чтобы вѣрно найти это разстояніе, я думаю, чтобы видѣть меня въ хорошемъ свѣтѣ, надо смотрѣть на меня на разстояніи 728 верстъ. Конечно, для меня это очень непріятно и обидно, но, что дѣлать, приходится съ этимъ мириться. Вы знаете, что въ Москвѣ у меня мало друзей и не желая оскорблять званіе друга, (унижать значенія слова другъ), я скажу, что вижу со стороны своихъ знакомыхъ очень мало къ себѣ дружелюбія. Когда-то то же приблизительно было и въ Петербургѣ. Можетъ быть, въ началѣ своего тамъ пребыванія я былъ самъ во многомъ виноватъ; но девять лѣтъ тому назадъ, когда я вышелъ изъ заключенія, всѣ двери оказались для меня закрытыми, хотя

одинъ Богъ знаетъ, что не въ одну эпоху своей жизни я не былъ такъ достоинъ хорошаго пріема отъ Русскихъ и даже правительства, какъ въ то время, но оно первое дало тонъ и примѣръ несправедливаго отвращенія.

Лишь одинъ графъ Толстой, котораго я не зналъ, пришелъ мнѣ на помощь съ мужествомъ и прямотой, тѣмъ болѣе похвальными, что на него, въ качествѣ генералъ-губернатора, было возложено объявить мнѣ приказъ самой суровой ссылки. Своимъ разсказомъ, въ моемъ единственномъ разговорѣ съ этимъ благороднымъ человѣкомъ, мнѣ удалось заставить его принять участіе въ моей судьбѣ. Онъ сказалъ мнѣ: „Придите ко мнѣ опять вечеромъ, я поговорю съ Государемъ". Вечеромъ все измѣнилось. Не то чтобы въ отношеніи ко мнѣ была возстановлена полная справедливость, что не сдѣлано даже и по сей часъ, но всякое преслѣдованіе было прекращено, и я по крайней мѣрѣ могъ спокойно жить тамъ, гдѣ—скажу Вамъ откровенно—долженъ былъ получить вознагражденіе и удовлетвореніе за потерянное. Это былъ періодъ моего полнаго отказа отъ всякой надежды на счастье, удачу; перебирая мысленно все, что я дѣлалъ за послѣдніе десять лѣтъ, тѣ несправедливости и униженія, отъ которыхъ столько страдалъ, успѣхи моихъ товарищей по службѣ, истинную цѣнность которыхъ и убѣжденія я зналъ, я твердо сказалъ себѣ, что въ успѣхѣ, котораго добиваются незаслуженно, также какъ и въ немилости, падающей на васъ въ минуту, когда вы жертвуете всѣмъ, чтобы хорошо служить, все зависитъ отъ случайности и интригъ. Я также увидѣлъ, что одинокій иностранецъ, основывающійся на своихъ небольшихъ заслугахъ, всегда остается въ тѣни и забвеніи, которыя, впрочемъ, можетъ быть лучше успѣха, обычнымъ спутникомъ котораго является всегда безпокойство. Я ни о чемъ не жалѣю, ничего не хочу, я приблизительно счастливъ, насколько это возможно въ мои годы, когда независимость является первымъ благомъ.

Если Богъ мнѣ ее сохранитъ и соблаговолитъ увеличить ее по мѣрѣ того, какъ годы увеличатъ мои потребности, я буду благословлять Его такъ же искренно и съ такой же благодарностью, какъ если бы онъ послалъ мнѣ милліоны. Я кончаю свое письмо, но вижу, что почти ничего не отвѣтилъ на Ваше и все говорилъ только о себѣ. Простите это человѣку, который непосредственно поддается своимъ мыслямъ и чувствамъ, не считаясь съ приличіями. Вѣроятно, Вамъ случалось испытывать то же самое и я увѣренъ, что часто, взявшись за перо, Вы не знаете, куда поведетъ его Ваша мысль. Вчера я видѣлъ Вашу тетушку.

Разсказала ли Вамъ г-жа де Нуазевиль про сдѣланную мной на дняхъ глупость? Я получилъ отъ нея пакетъ, въ которомъ думалъ найти отъ Васъ письмо, и мнѣ казалось, что я уже держалъ его въ рукахъ; вдругъ я вижу на двухъ конвертахъ Вашъ почеркъ: читаю первый,— г-жѣ Арсеньевой, второй, конечно, мнѣ, распечатываю его не читая надписи и съ первой же строки вижу „*дорогая тетя*“. Ахъ, Боже мой, что я сдѣлалъ и какъ я разсѣянъ, сказалъ я себѣ, конечно то мое, и я быстро срываю вторую печать и опять попадаю на роковое „*дорогая тетя*“. Увы, оба были для г-жи Арсеньевой, и я ихъ распечаталъ, но эта поспѣшность объясняется цѣнностью Вашихъ писемъ, хотя мои годы должны бы были ее сократить. Дѣло въ томъ, что я былъ такъ смущенъ своей разсѣянностью, что не спалъ всю ночь, что бываетъ со мной всякій разъ, когда что-нибудь хлестнетъ меня по нервамъ. Представьте себѣ, въ какомъ я былъ неловкомъ положеніи, особенно съ моими сѣдыми волосами, когда мнѣ пришлось итти каяться въ своемъ промахѣ Вашей тетушкѣ. Это могло быть едва простительно двадцатилѣтнему молодому человѣку; но я встрѣтилъ лишь одну доброту и великодушіе.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 19 Мая 1814 г.

Ахъ, какъ Вы трогательны съ Вашимъ снѣгомъ, морозомъ и плохой погодой! Вотъ уже три дня, что у насъ стоитъ настоящее лѣто, и въ то время какъ Вы мнѣ пишете о топкѣ каминовъ и саняхъ, у меня открыты окна, ярко свѣтитъ солнце, и въ комнатѣ стоятъ великолѣпные цвѣты. Посудите сами, какое впечатлѣніе произвело Ваше письмо. Г-жа Апраксина, которая обожаетъ Москву и всегда защищаетъ ее передъ Петербургомъ, увѣряла на дняхъ, что весна тамъ начинается раньше и лѣто продолжается дольше, чего я никогда не находила; климатъ обѣихъ столицъ совершенно одинаковый. Вчера, прійдя къ ней, я торжествовала, что могла сообщить ей, что 11 Мая у Васъ выпалъ снѣгъ и что погода такова, что нельзя собаку выпустить на улицу, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ у насъ не было ничего подобнаго. Наконецъ, погода такъ хороша, что я горю желаніемъ быть въ деревнѣ, и мнѣ кажется, что несмотря на то, что зимой я совсѣмъ не ходила, теперь я могла бы ходить цѣлыми днями. Я думаю, что буду жить на Каменномъ Островѣ, такъ какъ графиня Лита не ѣдетъ въ Павловскъ съ Императрицей. Ея мужъ сдѣланъ предсѣдателемъ комитета по постройкамъ, которыя будутъ производиться къ встрѣчѣ Государя, и потому

онъ долженъ оставаться въ Петербургѣ; онъ будетъ жить на Каменномъ Островѣ, что даетъ ему возможность быть цѣлыми днями въ городѣ. Княгиня Юсупова нанимаетъ дачу тамъ же, а г-жа Строганова мнѣ уже предложила жить у нея на дачѣ.

Вы видите, что затрудненіе у меня лишь въ выборѣ. Если домъ княгини Юсуповой достаточно великъ, то я выберу ее, если же нѣтъ, то ея сестру Литу, у которой буду пользоваться еще лучшимъ обществомъ. Я въ восторгѣ, что поѣду подышать воздухомъ и видѣть зелень. А все-таки путешествіе въ Москву лежитъ у меня на сердцѣ, но возвращеніе сестеръ можетъ явиться для меня препятствіемъ. Если онѣ пріѣдутъ прямо въ Москву, и это будетъ въ концѣ моего пребыванія, то я увижу ихъ очень мало; я думаю, что мнѣ лучше ѣхать тогда, когда я узнаю, что онѣ уже пріѣхали, и вмѣстѣ съ ними проѣхать къ тетѣ на четыре или пять мѣсяцевъ. Я совершенно равнодушна ко всѣмъ удовольствіямъ и шуму Петербурга, и у меня давно уже не лежитъ къ нимъ сердце, и если даже, какъ говорятъ, къ намъ пріѣдутъ Тальма и г-жа Дюшезнуа, я готова пожертвовать удовольствіемъ любоваться ими для счастья спокойно провести зиму въ Москвѣ среди своихъ. Что Вы объ этомъ думаете? Стоите ли Вы за эти планы? Скажите мнѣ это совершенно искренно, я еще ничего не рѣшаю и могу все измѣнить въ зависимости отъ того, будетъ ли мнѣ это удобно, и я хочу знать Ваше мнѣніе. Главное же мнѣ не хотѣлось бы жариться на Коммерческой въ эти чудные дни, которыхъ у насъ и безъ того бываетъ такъ мало. Я получила письмо отъ г-жи Остерманъ, которая поручила мнѣ меблировать ея квартиру. Она требуетъ, чтобы все было красиво, нарядно, прочно *и дешево*. Я въ недоумѣніи, какъ все это совмѣстить. Я уже была въ ея квартирѣ со столярами; нужно отдѣлать 7 комнатъ, что не легко съ небольшими деньгами, все чрезвычайно дорого.

Я думаю, что уже больше не увижу Маркова; онъ уѣзжаетъ сегодня, а я съ нимъ не простилась какъ слѣдуетъ, это меня слишкомъ огорчило бы, я это чувствую. Богъ знаетъ, увидимся ли мы когда-нибудь. Несмотря на то, что всѣ мы знаемъ, что можно умереть во всякомъ возрастѣ, все-таки тяжело надолго разставаться со стариками, и это всегда невольно наводитъ на грустныя мысли. Я всѣмъ сердцемъ хочу, чтобы онъ вернулся къ намъ раньше двухъ лѣтъ, которые онъ рѣшилъ остаться въ Подоліи.

Я его очень полюбила, и мнѣ было большимъ удовольствіемъ встрѣчать его въ обществѣ; въ немъ есть что-то доброе и чуткое; мнѣ

бы очень хотѣлось, чтобы дочь его, которую онъ такъ сильно любитъ, сдѣлала бы его счастливымъ, а также, чтобы Богъ открылъ бы ему глаза на нѣкоторыя истины, которыя послужили бы ему большимъ утѣшеніемъ. Но не нужно ни въ чемъ отчаяваться! Прощайте, пора разстаться. Ко мнѣ пришелъ какой то неизвѣстный господинъ, совершенно разорившійся, ему нужна помощь нашего благотворительнаго комитета, и я должна его выслушать.

Будьте здоровы. Думайте иногда обо мнѣ. Передайте отъ меня г-жѣ Толстой тысячу нѣжностей.

Кристинъ.

Москва, 26 Мая 1814 г.

Спрашивая мое мнѣніе о времени Вашего возвращенія въ Москву, дорогая княжна, Вы какъ будто хотите поставить ловушку моей правдивости и чистосердечію, такъ какъ если я склонюсь въ сторону Вашего скорѣйшаго пріѣзда, но на короткій срокъ, то Вы скажете, что я не дорожу тѣмъ, чтобы Васъ видѣть дольше, если же я посовѣтую Вамъ отложить Ваше путешествіе до возвращенія княженъ, чтобы пробыть съ ними дольше, что Вы будете въ правѣ думать, что я не стремлюсь Васъ видѣть скорѣе. Итакъ, я ничего не рѣшаю и говорю: пріѣзжайте скорѣе и оставайтесь съ нами подольше, и не выхожу изъ этихъ границъ. Но сравнивая свѣжесть бесѣдокъ Каменнаго Острова и зеленые берега Невы, съ ужасной лѣтней пылью торговыхъ улицъ, я не могу не забыть себя совершенно ради Васъ и не желать, чтобы Вы провели лѣто на воздухѣ, вмѣсто комнатъ Вашей тетушки, которая никогда не открываетъ ни одной форточки, несмотря на 19 градусовъ. Прошу вѣрить, что это самый безкорыстный совѣтъ, какой я когда-либо давалъ въ своей жизни. И съ моей стороны это большая заслуга. Я пишу въ Среду на Четвергъ, потому что съ минуты на минуту, ожидаю графа Маркова. Вотъ уже восемь дней, что онъ въ дорогѣ, и онъ не привыкъ путешествовать такъ медленно. Я очень радъ, что Вы цѣните его справедливо, я заранѣе былъ увѣренъ, что и онъ Васъ оцѣнитъ и не ошибся.

Я думаю, что онъ пробудетъ здѣсь недѣлю, и мы съ нимъ много поговоримъ о Васъ. Дѣйствительно, въ его лѣта, уѣзжая на два года, нельзя не бояться, что не вернешься, хотя онъ изъ хорошей породы въ смыслѣ здоровья. Его отецъ умеръ 76 лѣтъ, сестрѣ теперь 77, и

если она не обладаетъ большой свѣжестью, то по крайней мѣрѣ она очень живая и здоровая. Не помню, отъ котораго числа было мое письмо, въ которомъ я опровергалъ извѣстіе о голубой лентѣ Лагарпа, но мнѣ хотѣлось бы знать, дошло ли оно до Васъ; мнѣ кажется, что Вы на него не отвѣчаете, или же можетъ быть я еще не получилъ этого отвѣта. Пока я очень волнуюсь, получили ли Вы его. Г-жа Толстая занялась богомольемъ, на нее нашло ни съ чѣмъ не сравнимое усердіе. На нее вліяетъ графиня Протасова; онѣ не пропускаютъ ни одной вечерней службы и по утрамъ бываютъ у двухъ обѣденъ, не забывая постовъ и всего тому подобнаго. Великимъ постомъ маленькій Протасовъ былъ боленъ, и доктора приказали ему ѣсть скоромное; мать, не желая возставать противъ этого и желая справедливо возмѣстить это нарушеніе, лишила себя рыбы на всѣ семь недѣль и жила только грибами, кашами и сухимъ горохомъ. Графиня Толстая превозноситъ это до небесъ, но она напрасно старается проповѣдывать примѣромъ и словомъ, ея дочери не могутъ воспринять этого режима. „Представьте себѣ“, говорила мнѣ на дняхъ Евдокія, „мы встаемъ съ разсвѣтомъ, чтобы итти въ церковь и приходимъ всегда раньше священника; мы ждемъ его, видимъ, какъ онъ облачается, и до обѣдни выслушиваемъ столько не нужныхъ молитвъ, что когда она начинается, мы положительно изнемогаемъ. Если бы все кончалось этимъ, это было бы еще сносно, но мама сейчасъ же тащитъ насъ на другую службу: ей никогда одной не бываетъ достаточно“. Мать смѣется надъ всѣмъ этимъ и продолжаетъ дѣлать по своему. Несмотря на это, барышни не принимаютъ участія въ паломничествѣ, берутъ только Сашу, такъ какъ это было обѣщано во время его болѣзни. Графиня тоже везетъ съ собой жену своего духовника, и старую Калмыкову; я думаю, что скука путешествія будетъ той жертвой, которая увеличитъ цѣнность молитвы. Въ это время можетъ вернуться мужъ, такъ какъ я не вижу, зачѣмъ нуженъ генералъ-лейтенантъ шести тысячамъ солдатъ, возвращающимся на родину, и такъ какъ отъ него давно нѣтъ писемъ, я увѣренъ, что онъ въ пути и появится въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Я съ нетерпѣніемъ жду его; сначала онъ ничего не разскажетъ, но потомъ сердце заговоритъ, и Ваня Нарышкинъ, его адъютантъ, мнѣ все разскажетъ. Титовъ говоритъ, что послѣ того, какъ онъ долго не хотѣлъ вѣрить обвинявшимъ Толстого въ небрежности и нерадѣніи къ службѣ, ему пришлось повѣрить этимъ къ несчастью вполнѣ основательнымъ обвиненіямъ. Читать и подписывать бумаги, рѣшать, посылать курьера, для него пытка; секретари, приготовивъ все, ждутъ по два, по три и четыре дня, пока онъ сочтетъ возможнымъ прочесть ихъ работу, исправить ее или признать ее правильной. Въ военномъ дѣлѣ все требуетъ быстроты,

и такая медленность можетъ только вредить стоящему во главѣ арміи. При томъ же онъ окружаетъ себя людьми недалекими какъ Муромцовъ, которые никогда не смотрятъ правильно на вещи, и все это сильно вредитъ ему, и ему будетъ очень трудно загладить тяжелое впечатлѣніе.

Говорятъ, что Государь пріѣдетъ въ Іюнѣ, и своимъ усердіемъ Москва подражаетъ Петербургу: говорятъ также о томъ, чтобы собрать съ дворянства пятнадцать милліоновъ на памятникъ. Вмѣстѣ съ уваженіемъ, которое я долженъ отдавать предводителямъ дворянства, я думаю, что самымъ прекраснымъ памятникомъ для Москвы было бы устроеніе домовъ для несчастныхъ, не имѣющихъ ни крова ни очага; такъ какъ если Вамъ говорятъ, что Москва вновь строится, не вѣрьте. Исключая нѣкоторыхъ готовыхъ бараковъ, она осталась такою, какъ Вы ее оставили. Полиція придирается ко всѣмъ тѣмъ, которыя хотятъ возстанавливать свои дома, заставляя ихъ выравнивать улицы, улицы будутъ выровнены и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ останутся безъ домовъ. Она не разрѣшаетъ никакихъ, даже самыхъ маленькихъ деревянныхъ построекъ, ни даже службъ и сарайчиковъ безъ камина, и такъ какъ кирпичъ съ 16 рублей поднялся на 44 за тысячу, то судите сами, что этотъ матерьялъ не доступенъ бѣднымъ. Правда, что съ деньгами можно обойти всякій законъ, но тѣ, кого надо подкупать, такъ многочисленны и жадны, что это средство не всѣмъ доступно. Я твердо вѣрю, что въ этомъ отношеніи мы приближаемся къ лучшему, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что мы достигли такой крайности въ злѣ и злоупотребленіяхъ, а говорятъ, что крайности соприкасаются. Надѣюсь, что Государь посѣтитъ Москву; нужно, чтобы онъ убѣдился собственными глазами, что представляетъ изъ себя этотъ несчастный городъ; боюсь, что это не будетъ еще такъ скоро.

Четвергъ, 28 Мая.

Пріѣхалъ курьеръ графа Маркова, онъ увѣряетъ меня, что графъ будетъ здѣсь черезъ часъ. Это не мѣшаетъ мнѣ передать Вамъ сто тысячъ нѣжностей отъ Титова, который хочетъ между прочимъ, чтобы я Васъ увѣрилъ, что онъ никогда еще не любилъ ни одну женщину (въ которую не былъ влюбленъ) такъ, какъ любитъ Васъ. Я очень жалѣю, что онъ не женился на Fragile, Вы имѣли бы чуднаго зятя.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 28 Мая 1814 г.

Вернувшись изъ Тихвина, я нашла Ваше письмо отъ 18. Я не могла Вамъ отвѣтить сейчасъ же, такъ какъ была совершенно разбита этимъ путешествіемъ. Мнѣ пришлось взять ванну и отдохнуть, чтобы

вновь набраться силы. Вы напрасно меня благодарите за все то, что было сказано у г-жи Свѣтчиной, я только возстановила правду. Я уже давно искала случая, который представился въ этотъ день самъ собой, и была очень счастлива показать, высказать все то уваженіе и дружбу, которые я къ Вамъ питаю. Не будемте никогда говорить о Вашемъ прошломъ, забудьте, если можно, всѣ непріятности, несправедливости и огорченія, сдѣланныя Вамъ людьми.

Живите настоящимъ со всѣми тѣми, которые Васъ любятъ и такимъ образомъ мы достигнемъ предначертанной Провидѣніемъ минуты. Запасайтесь матерьялами, чтобы начать новое существованіе болѣе реальное, чѣмъ это. Не думайте, что такъ говорить съ Вами меня заставляетъ мое паломничество,—чтобы сказать Вамъ это, мнѣ не нужно было ѣхать въ Тихвинъ,—увѣряю Васъ, что это моя всегдашняя мысль. Чтобы вернуться къ путешествію скажу Вамъ, что мы совершили бы его очень пріятно, если бы не дождливая погода. Первый день мы сдѣлали 190 верстъ въ 20 часовъ, лучше ѣхать не возможно. Но вотъ темныя густыя тучи все испортили, скоро полилъ ливень, люди оказались въ жалкомъ положеніи, и мы рѣшили остановиться на первой же станціи. Оставалось не больше четверти версты, когда экипажъ застрялъ въ такой ужасной грязи, что переднія колеса совершенно въ нее погрузились, и двигаться оказалось невозможнымъ. Лились цѣлые потоки. Princesse Boris вообразила, что мы валимся и начала такъ кричать, какъ будто бы ее рѣзали. Въ такія минуты я не пугаюсь, какъ другіе, и, чувствуя безполезность разсужденій, становлюсь необычайно серьезна. Я предложила ей пересѣсть въ кибитку, въ которой ѣхалъ ея поваръ, и когда она ушла, я осталась спокойно ждать людей и лошадей, которыхъ должны были прислать изъ сосѣдней деревни, чтобы меня вытащить. Вмѣсто этой помощи кибитка вернулась обратно, чтобы увезти меня одну, а экипажъ остался въ грязи. Ни одна душа не хотѣла притти ему на помощь, такъ какъ эти негодяи мужики хотѣли денегъ и не говорили этого сразу. Наконецъ, послѣ многихъ напрасныхъ словъ имъ дали 25 рублей и они поѣхали. Благодаря этому намъ пришлось ночевать въ деревнѣ. Экипажъ пріѣхалъ въ 3 ч. утра, а въ шесть мы поѣхали и пріѣхали въ Тихвинъ къ 8 часамъ вечера, сопровождаемые небольшимъ дождемъ. Уставши до смерти, мы сейчасъ же улеглись. На другой день погода была великолѣпная, и я отправилась къ ранней обѣднѣ. Такъ какъ я совершаю это паломничество уже въ шестой разъ, то весь монастырь меня знаетъ и мои добрые друзья монахи были очень рады меня видѣть, и на правахъ старой знакомой мнѣ пришлось выслушивать массу всякаго вздора. Я должна сознаться,

что очутилась вовсе не въ мирномъ пристанищѣ и еще меньше смиренномъ: всѣ монахи были недовольны: одни отцомъ экономомъ, другіе отцомъ казначеемъ; братъ Павелъ жаловался на брата Антонія, братъ Бартоломей на отца Филиппа, наконецъ, они пожирали другъ друга, и какъ я Вамъ уже говорила, мнѣ пришлось выслушать массу разсказовъ. Вздыхая, я уговаривала ихъ жить мирно и взаимно терпѣливо и снисходительно переносить другъ друга. Несмотря на это, въ этой общинѣ есть религіозные люди, которые не мѣшаются въ эти передряги и которыхъ я давно люблю за ихъ простое и доброе сердце. Мы оставались тамъ съ Четверга вечера до Воскресенья утромъ, когда мы двинулись въ обратный путь и вернулись сюда въ Понедѣльникъ въ 9 ч. вечера. Вотъ точное описаніе моего паломничества. Мнѣ почти хочется Вамъ сознаться, что больше я не поѣду съ доброй княгиней. Ея страхи въ дорогѣ очень непріятны для тѣхъ, кто ихъ не имѣетъ. Я люблю путешествовать одна, это гораздо удобнѣе.

Умоляю Васъ дать мнѣ свѣдѣнія о графѣ Марковѣ, какъ перенесъ онъ путешествіе, здоровъ ли, и не устала ли его дочь? Разскажите мнѣ побольше о всемъ, что его касается, особенно же о его здоровьѣ. Передайте ему отъ меня тысячу нѣжностей, Вы никогда не скажете слишкомъ много. Я не хочу опровергать, что искренно къ нему привязана, и мнѣ кажется, что его сердце поняло мое, онъ долженъ меня любить, я въ этомъ почти увѣрена. Что же касается до меня, то гдѣ бы онъ ни находился, я буду часто думать о немъ и жалѣть, что онъ не тамъ, гдѣ я. Я горячо желаю, чтобы его пребываніе въ Подоліи не было бы такъ продолжительно, какъ онъ предполагаетъ. Если бы онъ могъ устроить свои дѣла и вернуться въ Петербургъ на будущій годъ, я была бы очень счастлива.

Мы слышимъ много разговоровъ о Парижѣ и о томъ, что тамъ происходитъ. Молодой Потемкинъ вернулся, я увижу его у его матери, гдѣ сегодня обѣдаю. Сыновья princesse Boris прислали массу брошюръ, которыя мы будемъ читать сегодня вечеромъ у графини Строгановой; тамъ будетъ, вѣроятно, больше чувства, чѣмъ здраваго смысла. Но пускай, все равно нужно быть въ курсѣ того, что говорится во Франціи и что дѣлаетъ и предполагаетъ дѣлать это отродье.

Г-нъ Vaudreuil въ Парижѣ. Трубецкой только что вернувшись оттуда говоритъ, что онъ не узналъ этого города и что его развращенность достигла такого предѣла, что внушаетъ отвращеніе. Но что удивительно, такъ это то, что никто изъ нашихъ молодыхъ людей имъ

не восхищается. Въ этой странѣ еще ничего не установилось и ждутъ еще разныхъ распрей. Тяжело придется бѣдному королю, хотя пока всѣ въ восторгѣ отъ него и его поведенія. Герцогиня d'Angoulême все время плачетъ, и у нея постоянно красные глаза. Герцога де Berry очень хвалятъ, кажется, что на него смотрятъ какъ на настоящаго наслѣдника.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 5 Іюня 1814 г.

Судьба моя на это лѣто рѣшена: я ѣду на Каменный Островъ 15 сего мѣсяца къ княгинѣ Юсуповой, которая не хочетъ уступить меня сестрѣ. Я буду имѣть удовольствіе жить на берегу Невы около церкви и чуднаго сада г-жи Лаваль. Я надѣюсь, что буду имѣть возможность гулять, такъ какъ вотъ уже 8 мѣсяцевъ, что я забыла о существованіи своихъ ногъ; я совершенно не хожу даже по саду. Сойти со своихъ 113 ступеней, для того чтобы прогуляться, даже не приходитъ мнѣ въ голову. Къ тому же тотъ образъ жизни, который я веду заставляетъ меня такъ дорожить утромъ, что мнѣ даже не хочется его терять. Только отъ 8 ч. утра и до 4 ч. я располагаю своимъ временемъ, такъ какъ хочу и могу заниматься, читать, давать урокъ Надеждѣ и т. д. Наконецъ, мнѣ нужно имѣть все утро въ моемъ распоряженіи безъ нарушенія. Но въ деревнѣ будетъ совсѣмъ другое. Любите ли Вы длинные Іюньскіе дни и эти свѣтлыя ночи, чарующія столькихъ людей? Я же этого не переношу, постоянный свѣтъ и ночи безъ темноты навѣваютъ на меня ужасную необъяснимую грусть. Я люблю, когда утро, вечеръ и ночь ощутительно и послѣдовательно смѣняютъ другъ друга. Этотъ свѣтъ приводитъ меня въ отчаяніе, и когда я возвращаюсь къ себѣ въ 12 ч. ночи, я тщательно закрываю всѣ ставни и зажигаю свѣчи и лампы, стараясь создать себѣ настоящій вечеръ, чтобы почитать часокъ передъ сномъ.

Что Вы скажете о Фердинандѣ XII, который свергнулъ Кортесовъ и конституцію? Онъ не хочетъ ни того, ни другого. 12 казалось, что вся власть находилась въ рукахъ этихъ людей, 13 пріѣзжаетъ король и одной ногой опрокидываетъ все это; онъ объявляетъ недѣйствительнымъ все установленное этой властью, возстаетъ противъ конституціи и тѣхъ, кто ее создалъ, и говоритъ, что хочетъ царствовать по примѣру своихъ предшественниковъ. Мы еще не знаемъ подробностей всего происшедшаго, но фактъ тотъ, что Кортесы уже потеряли свое значеніе и что Bardau получилъ объ этомъ оффиціальныя свѣдѣнія. Вотъ что, я думаю, выведетъ изъ моды конституцію и Людовикъ XVIII, если захочетъ, можетъ опереться на этотъ примѣръ. Замѣтьте, пожалуйста, что кажется Испаніи предназначено сдѣлать Франціи много добра.

Кристинъ.

Москва, 11 Іюня 1814 г.

Я буду говорить съ Вами исключительно о графѣ Марковѣ, котораго Вы такъ сильно покорили, что отъ Васъ только зависѣло бы повести дѣло дальше настолько, насколько оно можетъ итти. Во первыхъ, пріѣхавъ къ сестрѣ, онъ мнѣ сказалъ: „Ахъ, Боже мой, сколько женщинъ! Если Васъ не очень стѣснитъ, то я поѣду къ Вамъ, оставивъ здѣсь всѣхъ своихъ, и мы можемъ тогда свободнѣе говорить“. Это стѣсняло меня, но все таки доставляло удовольствіе. Мы быстро покончили съ политической темой, чтобы перейти къ разговору о его дочери, и въ первый же вечеръ, говоря о ней, упомянулъ Ваше имя разъ двадцать. На слѣдующій день онъ говорилъ о Васъ уже независимо отъ дочери, спрашивалъ меня, что Вы могли о немъ сказать.— „Она хвалитъ Васъ при всякой возможности, и Вы внушили ей къ себѣ настоящую симпатію“.—„Она говоритъ Вамъ все это ради шутки“.— „Нѣтъ, это весьма серьезно, и доброе расположеніе не можетъ вызывать никакихъ шутокъ, но я прошу Васъ вѣрить, что ея отношенія къ Вамъ чисто дружеское“.—„Тѣмъ хуже“, отвѣтилъ онъ, „я предпочелъ бы, чтобы въ немъ было что-нибудь иное. Что касается до меня, то я нахожу ее прелестной, и будь я тридцатью годами моложе, я сказалъ бы ей это смѣлѣе“. Черезъ нѣкоторое время онъ продолжалъ: „Но почему княжна Туркестанова заговорила съ Вами обо мнѣ?“—„По поводу Вашей дочери, а также потому, что она знаетъ наши отношенія и потому что въ своихъ письмахъ къ ней я часто говорилъ о Васъ“.— „Покажите же мнѣ ея письма“. Я шутилъ, въ свою очередь, и говорилъ, что переписка существуетъ только для тѣхъ, къ кому она относится. Попросивъ ихъ разъ, онъ возвращался къ этой просьбѣ разъ десять подрядъ, и такъ настойчиво, что въ тотъ же вечеръ, ложась спать, я отобралъ всѣ письма, гдѣ Вы о немъ пишите, спрятавъ все-таки то, въ которомъ Вы меня браните за совѣтъ говорить съ Вами и отложивъ одиннадцать, гдѣ Вы хвалите его, его дочь, и высказываете пожеланія счастья для него. На другой день, какъ я этого и ожидалъ, онъ опять повторилъ свою просьбу, и я принесъ ему одиннадцать своихъ писемъ, но въ одномъ не оказалось конца, такъ какъ я спряталъ второй листъ, гдѣ говорилось о графѣ Толстомъ, и въ томъ, что я ему показалъ не было ничего такого, чего нельзя было бы прочесть. Онъ все-таки былъ заинтригованъ отсутствіемъ этого окончанія, но я сказалъ ему смѣясь, что сохранилъ только то, что ему показываю, что прошу вѣрить мнѣ на слово, и что онъ больше ничего не увидитъ. Тогда онъ принялся

читать, съ такимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, что мнѣ казалось, что онъ вотъ, вотъ поцѣлуетъ написанныя Вами строки. Разговоръ по поводу писемъ продолжался все утро. „Я хочу ей написать, сказалъ онъ мнѣ, и оставлю у Васъ свое письмо; могу ли я ей сказать, что читалъ ея письма?“—„Ахъ, Боже мой, конечно, отвѣтилъ я, такъ какъ я и самъ ей это скажу“.

Сейчасъ же послѣ этого получилось Ваше письмо отъ 28 Мая, я ему его прочелъ и онъ пришелъ отъ него въ восторгъ. „Конечно, сказалъ онъ, я начну съ ней переписку, но къ несчастью я ей даже на это и не намекалъ, она видитъ меня такимъ, какъ я есть, такъ какъ называетъ *старикомъ*. Скажите ей, пожалуйста, что мнѣ еще нѣтъ 70 лѣтъ и что настоящая старость начинается лишь въ 75 лѣтъ. Вы чувствуете, мой дорогой, что когда дѣйствительность не говоритъ ничего хорошаго, то приходится устанавливать ложныя истины. Весь разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ, но ужасный насморкъ, продержавшій его въ постели до 3-хъ часовъ, и бостонъ, заставившій его сидѣть до 2 ч. ночи, не позволили ему писать и только въ день своего отъѣзда онъ сѣлъ за свой письменный столъ, чтобы писать г-жѣ Гурьевой и Вамъ. Къ несчастью ему помѣшали, и ему пришлось прервать Ваше письмо. Онъ просилъ меня Вамъ передать, что въ деревнѣ будетъ нагонять упущенное и что онъ надѣется, что Вы сдѣлаете ему честь отвѣчая на письма. Онъ будетъ очень польщенъ, увидя, что, чтобы написать ему, Вы не ждали его письма, но онъ еще этого не знаетъ, такъ какъ Ваше письмо отъ 5 Іюня, въ которомъ Вы обѣщаете ему письмо со слѣдующей почтой, пришлю только послѣ его отъѣзда.

Онъ безконечно меня разспрашивалъ о Васъ, увѣряя, что у Васъ должно быть чрезвычайно нѣжное сердце и говорилъ: „отъ благочестія до любви, одинъ шагъ: *то и другое слабость*“. Это, кажется, слова Вольтера, но говоря ихъ, онъ доказываетъ, что обращеніе его еще далеко не подвинулось впередъ. Мнѣ кажется, что на этотъ счетъ не слѣдуетъ льстить себя слишкомъ большими надеждами, что онъ и самъ признаетъ развѣ только, говоритъ онъ, въ томъ случаѣ, когда онъ состарѣется и въ 75 лѣтъ остарѣвшіе органы заставятъ его видѣть все въ другомъ свѣтѣ. Итакъ, вотъ его письмо; онъ не хотѣлъ мнѣ его прочесть: „долженъ же я окружить его нѣкоторой таинственностью, такъ какъ эта дѣвушка нисколько ее не вноситъ“.

Прощайте, дорогая княжна, я сдержалъ свое обѣщаніе и говорилъ съ Вами только о Вашей новой побѣдѣ; его дочь проситъ меня Вамъ

напомнить о ней. Объ испанскомъ королѣ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ. Пошли ему Богъ силы поддержать свои намѣренія. Я въ восторгѣ, что онъ опрокинулъ Кортесовъ, которые были только революціонеры. Не ихъ созывалъ онъ во время своего заточенія въ Байонѣ.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 11 Іюня 1814 г.

Я могла бы держать пари, что отвѣтила Вамъ по поводу Лагарпа и что написала положительно о голубой лентѣ и почему онъ ее получилъ. Если же я этого не сдѣлала, то избавьте меня пока отъ этого разсказа, такъ какъ онъ слишкомъ длиненъ; Вамъ достаточно знать, что онъ съ Талейраномъ повелъ вещи такъ, какъ онѣ произошли. Онъ давно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Rénéveut и Вы понимаете, что за это одолженіе ему должны быть благодарны и что нужно было вознаградить его явнымъ образомъ.

Цѣнитъ онъ или нѣтъ, то что ему дали, я ничего не знаю, но дѣло въ томъ, что это отличіе ставитъ его въ чинъ генераловъ-лейтенантовъ, который, если онъ вернется въ Швейцарію, будетъ ему ни къ чему. Государь покинулъ Парижъ 18 Мая и желая избѣгнуть церемоній, которыя не преминули бы устроить при его отъѣздѣ, онъ уѣхалъ не предупредивъ никого. Наканунѣ онъ простился съ королемъ, назначилъ на слѣдующій день большой парадъ, и пока всѣ принимали въ немъ участіе онъ удалился, чтобы вернуться къ себѣ, переодѣться и сейчасъ же уѣхать. То же самое, сдѣлалъ нѣсколькими днями позднѣе Великій Князь Константинъ; онъ пріѣхалъ къ намъ съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ во Франціи. Хотя вчера въ Исаакіевскомъ Соборѣ намъ и читали его содержаніе, но я ни слова не поняла, такъ какъ министръ юстиціи читалъ его на ухо Государынѣ, поэтому и остальные оказались не счастливѣе меня. Всѣ очень недовольны, что онъ не предоставилъ этого чтенія секретарю съ хорошимъ голосомъ и легкими. Всѣмъ извѣстно только то, что пока не будетъ никакого раздѣла земель и что для обсужденія границъ союзниковъ будетъ созванъ особый конгрессъ.

Посмотримъ, какъ эти господа подѣлятъ сладкій пирогъ, лишь бы серединку его не дали Австріи, чему я буду очень рада. Вчера большой парадъ былъ устроенъ въ Исаакіевскомъ Соборѣ, потому что въ Казанскомъ идетъ ремонтъ. Толпа была невѣроятная. Великій Князь

сопровождалъ верхомъ карету Императрицы-матери, высшіе чины и мы всѣ составляли шествіе, жара въ церкви и внѣ ея была ужасная.

Будущее Воскресеніе я переѣзжаю на Каменный Островъ, гдѣ, кажется, останусь все лѣто. Вы правы: торговыя улицы и домъ моей тетки въ это время невыносимы. Не понимаю, какъ Арсеньевъ можетъ мириться съ тѣмъ страннымъ образомъ жизни, который онъ ведетъ. Быть герметически закупореннымъ въ теченіе всѣхъ двѣнадцати мѣсяцевъ года, это возможно только экзотическимъ растеніямъ, но какъ переноситъ это онъ, представляющій изъ себя растеніе мѣстное! Я тысячу разъ пыталась исправить его отъ этой маніи, но всегда безуспѣшно; бѣдная тетя, ей хотѣлось бы поѣхать въ деревню, но увы, онъ заставляетъ ее потѣть цѣлыми днями. Читая вчера о пріѣздѣ графа Маркова къ сестрѣ, я много смѣялась: вѣрю, что онъ не могъ оставаться тамъ изъ-за суеты и шума, которые тамъ его встрѣтили, на его мѣстѣ я сдѣлала бы то же самое, и скорѣе переѣхала бы къ Вамъ. Онъ писалъ Гурьеву, жаловался на насморкъ; надѣюсь, что онъ скоро отъ него отдѣлается. Онъ, вѣроятно, видитъ графиню Толстую, да, кстати, что это у нея за манія таскать своихъ дочерей къ двумъ обѣднямъ? Она надоѣдаетъ имъ до смерти и думаетъ этимъ сдѣлать ихъ благочестивыми, но изводя ихъ такими тяжелыми обязательствами, она совершенно отвратитъ ихъ отъ благочестія. Въ ихъ годы было бы достаточнымъ бывать у обѣдни разъ въ недѣлю и каждый день читать имъ по часу религіозныя книги, чѣмъ таскать ихъ въ церковь ежедневно. Для нея это другое дѣло, она знаетъ, что дѣлаетъ, но для дочерей, надоѣдая имъ столькими обязательствами, она не достигнетъ цѣли.

Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь при Дворѣ, я бываю у обѣдни чаще, чѣмъ прежде, такъ какъ теперь мнѣ это очень удобно благодаря близости дворцовой церкви. Не знаю, на какомъ основаніи Вы ждете графа Толстого, такъ его отрядъ и не думаетъ возвращаться, говорятъ даже, что вся армія Бенигсена пойдетъ въ Данію, гдѣ изъ-за Норвегіи происходятъ какія-то недоразумѣнія. Не думаю, чтобы Толстой вернулся, но ничего объ этомъ не говорите его женѣ, такъ какъ я сама въ этомъ не увѣрена и, можетъ быть, это ложные слухи.

Прощайте, будьте здоровы, жду Вашего перваго письма, гдѣ Вы, вѣроятно, напишете мнѣ о графѣ Марковѣ больше, чѣмъ написали г-жѣ де Нуазевиль, которая прочла мнѣ Ваше письмо, гдѣ Вы описываете затрудненіе бѣднаго графа, когда очутившись среди двадцати старухъ, ему пришлось выбирать себѣ комнату.

Кристинъ.

Москва, 22 Іюня 1814 г.

Ваше письмо отъ 11 Іюня доказываетъ, что Вы въ такомъ настроеніи, отъ котораго страдаешь сильнѣе, чѣмъ отъ физической болп. Я знаю это состояніе и умѣю ему сочувствовать. Тутъ нечего дѣлать, какъ только стараться отвлечься. Это болѣзнь людей пресыщенныхъ и особенно избалованныхъ состояніемъ и успѣхомъ, а также тѣхъ, которые видятъ нравственную невозможность достиженія своихъ желаній, когда желанія эти достигаютъ извѣстной силы. Прежде я страдалъ именно отъ этого. Меня излѣчилъ возрастъ, отнявъ силу желаній.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, мои желанія были такъ же сильны, какъ лучи горячаго солнца, теперь же они напоминаютъ мягкій и нѣжный лунный свѣтъ, немного меланхолическій, но который никогда не ранитъ. Вотъ что выигрываешь, старясь, и что составляетъ счастливое возмѣщеніе за все потерянное. Сердце остается нѣжнымъ и отзывчивымъ, умъ становится гибкимъ и сдержаннымъ, и въ результатѣ любишь себя меньше, а другихъ больше и чувствуешь больше возможности больше заниматься другими. Я напрасно пишу Вамъ о Вашемъ послѣднемъ письмѣ. Когда Вы получите это, Вы можетъ быть уже забудете о томъ, которое мнѣ писали и о томъ, что его вызвало, такъ какъ иногда, минута, мгновеніе, слово, мѣняютъ настроеніе и какъ по волшебству разжигаютъ сердце.

Отъ графа Маркова я еще не имѣю никакихъ извѣстій. Васильчиковъ, пріѣхавшій сюда съ договоромъ о мирѣ, говорилъ моимъ друзьямъ, что встрѣтилъ его въ Орлѣ вполнѣ здоровымъ, откуда я заключаю, что теперь уже онъ, вѣроятно, проѣхалъ Кіевъ. Я не видѣлъ Васпльчикова, съ которымъ я знакомъ, но мнѣ бы очень хотѣлось послушать его разсказы о Парижѣ, откуда онъ уѣхалъ послѣ Государя. Итакъ, послѣ Вѣнскаго конгресса, насъ выпроводили за нашъ миръ, и наши финансовыя надежды рушились. Очень странно, что въ договорѣ, подписанномъ въ Парижѣ, Россія обозначена такъ же, какъ Мекленбургъ или какое нибудь другое маленькое княжество, то-есть ни ея имя, ни имя Государя не упоминается ни разу, и при Вѣнскомъ дворѣ она просто подразумѣвается подъ названіемъ союзники. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы договоръ былъ заключенъ между Французскимъ Королемъ, Русскимъ Императоромъ и его союзниками, а не между Императоромъ Австрійскимъ и его союзниками, какъ это сдѣлано. Такъ какъ

въ дѣйствительности Россія играла первую роль и должна была стать въ первомъ ряду,—это она увлекла Австрію—и я удивляюсь, какъ она согласилась быть поставленной за ней такъ скромно. Или я ничего въ дѣлахъ не понимаю, или же совѣтчики Государя сдѣлали промахъ. Я понимаю, что молодыя головы могли сдѣлать такую оплошность, но Разумовскій съ своимъ надменнымъ характеромъ удивляетъ меня такой забывчивостью. За послѣдніе 10 лѣтъ мы постоянно забываемъ въ нашихъ договорахъ значеніе этикета и ранга. И дай Богъ, чтобы забыли только это въ несчастномъ Тильзитскомъ мирѣ, за который мы только что расплатились такъ дорого. Кто повѣритъ, читая заключенный въ Парижѣ 18 Мая договоръ, что два мѣсяца тому назадъ русская армія вступила туда побѣдительницей? Между тѣмъ всенародныя дѣйствія создаютъ въ исторіи славу государей и націй, и если бы я имѣлъ честь быть Министромъ Государя, я никогда бы не согласился на то, чтобы Парижскій миръ былъ подписанъ безъ вмѣшательства уполномоченнаго русскаго министра, который бы взялъ верхъ надъ австрійцемъ. Это не помѣшало бы отложить обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ до Вѣнскаго конгресса, но покрайней мѣрѣ, публика, которая отъ одного конца Европы до другого рветъ другъ у друга Парижскій договоръ о мирѣ, не имѣла бы основанія спрашивать, куда же дѣвались русскіе? Что думаетъ объ этомъ князь Юсуповъ? Прошу Васъ, если Вамъ придется быть съ нимъ подъ одной крышей, напомнить ему обо мнѣ. Почему онъ не служитъ? У него зрѣлая голова, онъ любитъ свою страну и былъ бы ей полезенъ.

Но современная система выставляетъ впередъ молодежь, вотъ почему происходитъ столько оплошностей, и князь Юсуповъ показался бы слишкомъ серьезнымъ нашимъ молодымъ людямъ. На дняхъ одинъ изъ этихъ вліятельныхъ господъ говорилъ, что мужчина послѣ 40 лѣтъ годенъ лишь для отставки. Въ другихъ же странахъ для отвѣтственныхъ ролей выбираютъ людей именно въ этомъ возрастѣ. Поэтому мы часто видимъ, что дѣла у нашихъ сосѣдей идутъ лучше, чѣмъ у насъ.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 18 Іюня 1814 г.

Въ Понедѣльникъ вечеромъ я водворилась въ своей настоящей резиденціи. Помѣщеніе, которое я имѣю въ этомъ году, гораздо пріятнѣе и лучше прошлогодняго. У меня три прелестныхъ комнаты, изъ которыхъ одна моя спальня, другая кабинетъ, весь отдѣланный кисеей, и

третья ванна съ диванами вокругъ; свѣтъ въ нее падаетъ сверху и дѣлаетъ ее пріятнѣе еще потому, что тамъ можно купаться, когда захочется. Остальное въ домѣ соотвѣтствуетъ тому, что я Вамъ пишу про свое помѣщеніе и вообще эту дачу нельзя сравнить съ прошлогодней.

Я очень довольна быть на воздухѣ, особенно же по вечерамъ. Свѣжесть, которой я дышу, освѣжаетъ мои мысли, часто развѣиваетъ грусть, и я успокаиваюсь и чувствую себя довольной. По сосѣдству съ нами живутъ г-жа Гурьева и графиня Строганова, и такимъ образомъ у меня подъ руками всѣ мои знакомые, но я не прочь оставаться почаще одной, съ своими книгами, такъ какъ мое отвращеніе къ свѣту растетъ съ каждымъ днемъ. Ахъ, если бы я могла жить такъ, какъ мнѣ вздумается! Но нѣтъ, приходится говорить, быть любезной, ѣздить, принимать, и пока я буду связана со Дворомъ, это будетъ такъ продолжаться, и я буду жить для другихъ больше, чѣмъ для себя.

Вчера, Императрица-мать устроила для Великаго Князя Константина въ Павловскѣ чудный праздникъ. Говорятъ, что все было прелестно устроено: сначала былъ спектакль, потомъ балетъ въ разныхъ уголкахъ сада; въ одномъ устроенномъ изъ розъ павильонѣ танцовали, въ другомъ былъ приставленъ ужинъ, всюду устроены тріумфальныя арки, цифры; дамы были въ очень нарядныхъ туалетахъ, мужчины всѣ во фракахъ, чтобы чувствовать себя свободнѣе, хозяйка была замѣчательно привѣтлива, что всѣхъ располагало къ веселью, такъ что впечатлѣніе получалось прелестное. Разсказала мнѣ все это княгиня Юсупова, которая была тамъ, я же ѣхать отказалась. Дѣлать платье, причесываться, особенно же ѣхать 25 верстъ по 25 градусной жарѣ, мнѣ показалось слишкомъ тяжелымъ. Вмѣсто этого я провела все утро одна въ своемъ кабинетѣ, а обѣдала съ m-elle Гурьевой у княгини Гагариной, молодой женщины, которую мы очень любимъ. Послѣ обѣда мы сдѣлали большую прогулку, и я провела вечеръ со старой графиней Салтыковой, матерью г-жи Гурьевой, которая была совершенно одна, такъ какъ вся семья была на праздникѣ. Я никогда не избѣгала общества старыхъ женщинъ, если только они не были сварливы и угрюмы, у этой же отличный нравъ. Мы говорили о томъ, что дѣлалось 50 лѣтъ тому назадъ, и я ни минуты не скучала. Итакъ, вотъ какъ я провела этотъ день, а если бы поѣхать въ Павловскъ, то навѣрное устала бы до смерти.

Я видѣла Ѳедора Голицына, что мнѣ доставило большое удовольствіе, онъ сталъ толще, чѣмъ когда-либо. Я содрогнулась увидя его,

но не нашла въ себѣ достаточно силы сказать ему, что онъ еще потолстѣлъ. Онъ такъ толстъ, что будь я его женой, я ни минуты не имѣла бы покоя, зная, что онъ можетъ умереть тогда, когда ожидаешь этого всего меньше. Мнѣ кажется, что съ человѣкомъ такихъ размѣровъ никогда нельзя разсчитывать на долгую жизнь, но что я, навѣрное, могу сказать это то, что ни мой мужъ, ни любовникъ не будутъ на него походить. Но, Боже мой, что за глупости я Вамъ говорю.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 21 Іюня 1814 г.

Если бы я знала графа Маркова десять лѣтъ тому назадъ и ему было бы столько лѣтъ, сколько и теперь, а мнѣ десятью годами меньше, увѣряю Васъ, что если бы ему пришло въ голову на мнѣ жениться, я согласилась бы съ величайшимъ удовольствіемъ и, конечно, не только съ цѣлью получить его имя, пользоваться его положеніемъ и состояніемъ и только. Ничего подобнаго! Съ моими взглядами, я увѣрена, что очень любила бы его, оставалась бы всегда вѣрной ему и сдѣлала бы его счастливымъ. Я никогда не была ни кокеткой, ни легкомысленной, молодые люди мнѣ не нравились; я стремилась къ успѣху, и мнѣ хотѣлось, чтобы меня находили милой, но не вѣтренные и пустые молодые люди,—мнѣ нужны были люди имѣющіе извѣстность, вѣсъ и значеніе. Вы знаете, что у насъ мало выдающихся въ этомъ отношеніи молодыхъ людей, вотъ почему я всегда устраивалась такъ, чтобы быть съ людьми зрѣлаго возраста, ихъ похвалы мнѣ льстили больше и поднимали мое тщеславіе и я говорила себѣ: „эти знаютъ больше шалопаевъ, они должны быть лучшими судьями и, вѣроятно, любя мое общество, не смотря на мои юные годы, они находятъ во мнѣ какія-нибудь заслуги“. Итакъ, если бы съ тѣми взглядами, которые я тогда имѣла, я вышла бы замужъ за г-на Маркова, мнѣ казалось бы, что я имѣю рядомъ съ собой Алкивіада и любила бы его, а внушенные мнѣ нравственные принципы оградили бы меня въ будущемъ отъ всякихъ безумій“. Теперь уже все это кончилось для меня, я не хочу больше ни выходить замужъ, ни нравиться, ни быть любимой. Когда это встрѣчается, не знаю почему, но мнѣ хочется оторваться отъ всего, ничего не любить въ этомъ мірѣ и жить лишь пассивно.

Вотъ что, сказать по совѣсти, я нахожу въ глубинѣ своего сердца. Можетъ быть, я ошибаюсь, и все это только временное настроеніе. Дай Богъ, чтобы это было такъ! Чтобы вернуться къ разговору о

Марковѣ, скажу Вамъ, что онъ всегда очень располагалъ меня къ себѣ, что я очень недовольна тѣмъ, что его больше не вижу и что очень рада переписываться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что это даетъ мнѣ возможность время отъ времени наставлять его на путь истинный. Ему необходимо читать нотаціи, во-первыхъ, за тѣ слова, что Вы приводите въ Вашемъ письмѣ: „та и другая—слабость“. Это такъ мало правдиво, такъ какъ одно (благочестіе) является истинной силой, такъ какъ если въ него искренно вѣрятъ, то какую даетъ оно намъ силу. По моему г-нъ Вольтеръ сказалъ лишь глупость, и я не понимаю, почему философія послѣ его смерти сдѣлала его героемъ. Итакъ, я буду покорять Вашего старика письмами, такъ какъ разговоръ еще не удался. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ.

Писала ли Вамъ г-жа де Нуазевиль о назначеніи Раццо di Borgo русскимъ министромъ въ Парижѣ? Эти свѣдѣнія оффиціальны, и все посольство уже назначено, исключая Boutiaguine, такъ только иностранцы. Мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе г-жи Толстой объ этомъ новомъ порядкѣ вещей? Прежде она не любила Поццо, потомъ это было наоборотъ, она часто видѣлась съ нимъ въ Вѣнѣ и находила его очень любезнымъ, особенно же умнымъ. Консерваторъ познакомитъ Васъ съ засѣданіемъ законодательнаго корпуса; рѣчь короля мнѣ очень нравится, а также то, что онъ перечисляетъ сдѣланное имъ отъ девятнадцатаго года своего царствованія. Нѣкоторые нашли его смѣшнымъ, я же, наоборотъ, очень разсудительнымъ. Вообще, пока все, что дѣлалось этимъ вполнѣ разумно.

Пока прошу вѣрить, что дѣвица Марія Луиза ѣдетъ посѣтить островъ Эльбу, откуда она вернется въ свои владѣнія Парижъ и Тизансъ. Признаюсь, что въ этомъ визитѣ на Эльбу я ничего не понимаю, и если Вы понимаете это лучше меня, то, пожалуйста, объясните мнѣ.

Кристинъ.

Москва, 2 Іюля 1814 г.

Не будете ли Вы такъ добры, передать потихоньку этотъ пакетъ г-жѣ Гурьевой, предложивъ ей переслать его сыну въ Дрезденъ и не говоря о моемъ участіи, такъ какъ она создана для того, чтобы все портить, о чемъ меня уже предупредили. Это письмо г-жи Толстой къ ея мужу, настоящаго мѣстопребыванія котораго она пока не знаетъ; она умоляетъ меня передать его Гурьеву черезъ почту или Петербургъ. Я нахожу, что послѣдній путь вѣрнѣе, а конвертъ, написанный матерью,

вѣрнѣе всего остального. Итакъ Вы смѣло можете говорить отъ имени г-жи Толстой, что я нашелъ умѣстнымъ приложить къ ея посланію и просьбѣ похвалы г-ну Гурьеву по поводу его военныхъ успѣховъ. Я безконечно уважаю образованность этого молодого человѣка, его принципы и твердость, и считаю его способнымъ служить своему краю, и отличиться на болѣе полезномъ поприщѣ, чѣмъ армія. Если же, противъ моихъ ожиданій, это порученіе потерпитъ неудачу, то Вы перемѣните адресъ и напишите его такъ, какъ это нужно для почты, и будьте добры отправить его со всѣми предосторожностями.

Я въ восторгѣ, что Вы начнете переписываться съ графомъ Марковымъ, и даже надѣялся получить вчера Ваше первое письмо, но можетъ быть, Вы ихъ посылаете прямо и это, конечно, будетъ скорѣе. Ахъ какъ я хотѣлъ бы, чтобы онъ зналъ Васъ 10 лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ Парижа и отдавъ ту справедливость, въ которой никто не можетъ Вамъ отказать, онъ устроилъ бы свое счастье и счастье своей дочери. Судьба этого ребенка была бы совершенно другой, а Вы, которой я интересуюсь также нѣжно и горячо, какъ дочерью Маркова, Вы были бы счастливы съ этимъ милымъ и добрымъ въ жизни человѣкомъ и счастливѣе, чѣмъ съ какимъ-нибудь болѣе молодымъ и болѣе красивымъ человѣкомъ. Вы не правы, говоря, что теперь не думаете ни о бракѣ, ни о томъ, чтобы нравиться. Во первыхъ, часто нравятся тогда, когда наименѣе объ этомъ думаютъ, тамъ естественность цѣнится больше искусства. Что же касается до плановъ о бракѣ, то очень разумно ихъ не дѣлать, рѣшать же рѣшительно противъ весьма не кстати.

Въ этомъ нужно положиться на обстоятельства, и Провидѣніе, которое лучше насъ знаетъ, что нужно намъ для нашего конечнаго блага. Бракъ и безбрачіе имѣютъ свои преимущества и минусы, но нѣжному и любящему сердцу жить въ одиночествѣ труднѣе, хотя, если Вы это нѣжное сердце соедините съ сердцемъ, не умѣющимъ отзываться на нѣжность, тогда мученія его станутъ тысячу разъ тяжелѣе.

Вы хотите проповѣдывать графу Маркову, но я боюсь, чтобы несмотря на Вашъ умъ и краснорѣчіе Вашъ голосъ не остался бы „*гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ*“. Впрочемъ, если есть какая-нибудь надежда произвести впечатлѣніе, то предупреждаю Васъ, что это будетъ возможно только при ловкихъ пріемахъ, какъ бы нечаянно бросая умно и весело среди свѣтскихъ бесѣдъ нѣкоторыя истины. Предъ Вами широкое поле для изощренія Вашихъ способностей, и слава успѣха должна быть

пропорціональна трудностямъ. Я привезъ съ собой изъ Парижской тюрьмы трактатъ о христіанскихъ истинахъ, составленный однимъ заключеннымъ, какъ я священникомъ (маркизомъ de la Roussière) для его дѣтей, которые благодаря его заключенію остались заброшенными. Я никогда не читалъ ничего болѣе умилительнаго, трогательнаго и убѣдительнаго. Я точно списалъ его отъ начала до конца, рѣшивъ слѣдовать тѣмъ правиламъ, которыя авторъ предписывалъ своимъ дѣтямъ, т. е. читать разъ въ годъ этотъ трактатъ.

Однажды въ деревнѣ, мнѣ пришлось въ разговорѣ привести эту рукопись и повѣдать ее графу Маркову. Послѣ того, что я ему сказалъ, онъ очень внимательно ее прочелъ, но на слѣдующій день вернулъ мнѣ ее со словами способными заледенить самое горячее сердце: „*Возьмите, мой дорогой, вотъ Ваша книга, это самая скучная капуцинада, которую я когда-либо читалъ въ своей жизни*“. Я не могъ бы быть хорошимъ миссіонеромъ, такъ какъ этотъ отвѣтъ убилъ во мнѣ всякую надежду на успѣхъ, и я уже съ нимъ не говорилъ.

Во время грабежа Москвы, я потерялъ эту рукопись со всѣми своими книгами и бумагами.

Я такъ же, какъ и Вы, въ восторгѣ отъ рѣчи короля и всего его поведенія. Я твердо увѣренъ, что не долженъ и не могу судить о томъ, что меня еще немного огорчаетъ, а именно о присутствіи тамъ Талейрана, но на это должны быть серьезныя причины, которыя намъ объяснитъ время. Что же касается до 19 лѣтъ его царствованія, то эта логика здѣсь весьма умѣстна: такъ какъ, если бы считалъ иначе, то какъ будто бы признавалъ законность революціи и правленія директоріи, консульства и императорское, что не можетъ и не должно быть. Къ тому же онъ имѣлъ бы видъ выбраннаго короля, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ онъ царствуетъ по своему законному праву со смерти Людовика XVII, хотя обстоятельства и мѣшали ему примѣнять свою власть. Но это не ново: Карлъ II, вернувшись на Англійскій тронъ, въ 1660 году отмѣчалъ всѣ свои дѣйствія съ VI года своего царствованія, считая себя королемъ со дня смерти своего отца, и не признавая управленія Кромвеля, несмотря на то, что тогда, какъ теперь во Франціи, пришлось оставить нѣсколько законовъ, и учрежденій созданныхъ протекторомъ.

Я завидую Вашему прелестному помѣщенію, Вашей ваннѣ и свѣжести деревни: мы здѣсь задыхаемся, но это долго не продлится.

„Жизнь—царю, честь—никому". Будучи флигель-адъютантомъ Императора Александра Николаевича, онъ принужденъ былъ выйти въ отставку за рѣзкое слово, по поводу поѣздки Государя на Парижскую выставку и поселиться въ деревнѣ, гдѣ вскорѣ прославился, какъ образцовый хозяинъ.

Статья Вольдемара Зегера „Александра III въ Фреденсборгѣ" очень живо выявляетъ образъ Царя-Миротворца во всей его обаятельной простотѣ и добротѣ.

Письма князя П. А. Вяземскаго къ А. А. Воейковой дышатъ той добродушной мѣткостью, за которую Пушкинъ назвалъ его острымъ.

Въ концѣ письма А. Н. Муравьева къ графинѣ А. Д. Блудовой о перестройкѣ кіевскаго собора св. Софіи помѣщенъ дневникъ Сестренцевича, перваго митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, обнимающій время отъ 1797 по 1798 гг. и заключающій въ себѣ подробное описаніе жизни Сестренцевича при дворѣ Павла Петровича; заслуживаетъ упоминанія разговоръ съ Государемъ, гдѣ говорилось о возможности переѣзда Папы въ Петербургъ, дабы спасти его отъ Бонапарта.

П. Б. (младшій).

Сочиненія и письма П. Я. ЧААДАЕВА. Подъ редакціей **М. Гершензона.** Т. I. Книгоиздательство „Путь" М. 1913. Стр. VII+440. Цѣна за два тома 5 руб.

Почтеннѣйшій трудъ М. Гершензона выполненъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Редактору пришлось, какъ говоритъ предисловіе, розыскивать разбросанныя писанія знаменитаго отступника въ продолженіе почти девяти лѣтъ. Въ этомъ изданіи собраны: письма Чаадаева болѣе, чѣмъ къ 35 лицамъ съ 1820 по 1856 годъ. „Mémoire sur Geistkunde",—чрезвычайно любопытный „мистическій дневникъ" Чаадаева, состоявшій изъ выписокъ Штиллинга и библіомантическихъ замѣтокъ автора,—„Lettres sur la philosophie de l'histoire", „Отрывки", число которыхъ значительно возросло, показанія Чаадаева на допросахъ 1826 и 1836 годовъ, „Apologie d'un fou", Mémoire au comte Benkendorf, и наконецъ завѣщаніе Чаадаева, его долговыя росписки и счетъ его долговъ и имущества. Изъ 185 сочиненій впервые печатаются 91, кромѣ того большинство документовъ относящихся къ Чаадаеву, но писанныхъ не имъ, также публикуется въ первый разъ.

Сочиненія и письма сопровождаются подробнѣйшими учеными примѣчаніями, среди которыхъ находятся письма различныхъ лицъ къ Чаадаеву.

Къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ, исполненный фототипическимъ способомъ съ оригинала, находящагося въ Московскомъ музеѣ П. И. Щукина.—

Книга издана превосходно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей.**

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ **Н. С. Бартенева.**

Издатель и составитель **Петръ Бартеневъ** (младшій).